

ФЛЭШМЕН И КРАСНОКОЖИЕ

«Величайший прохвост в истории покажет,
как на самом деле был завоёван
Дикий Запад...
Совершенно убойный хит!»

Observer

ДЖОРДЖ МАКДОНАЛД ФРЕЙЗЕР

Записки Флэшмена

Джордж Фрейзер
Флэшмен и краснокожие

«ВЕЧЕ»

1982

Фрейзер Д. М.

Флэшмен и краснокожие / Д. М. Фрейзер — «ВЕЧЕ»,
1982 — (Записки Флэшмена)

ISBN 978-5-4444-5340-7

Проклинающий подагру, политику и человеческую глупость старикашка с Беркли-сквер, сэр Гарри Флэшмен, снова в седле. Он вспоминает о лучших годах своей бурной молодости – Америке времен Золотой лихорадки и Войны за Черные холмы, паническом бегстве от закона в компании с чокнутым капитаном, мрачных трудовых буднях в шайке охотников за головами, знакомстве с легендарными ганфайтерами Старого Запада – следопытом Китом Карсоном и шерифом из Дедвуда Диким Биллом Хикоком, встречах с вершителями большой истории – Грантом, Кастером, Бешеным Конем. В очередном, самом большом и, возможно, самом непредсказуемом приключении Флэшмена, скользкому викторианцу предстоит ступить на индейскую тропу войны, активно поучаствовать в «психической атаке» при Литтл-Бигхорне, лишиться скальпа и получить сокрушительный удар в самое сердце.

ISBN 978-5-4444-5340-7

© Фрейзер Д. М., 1982
© ВЕЧЕ, 1982

Содержание

Джордж Макдоналд Фрейзер	5
Записки Флэшмена	6
Пояснительная записка	7
Введение	11
Часть первая	12
I	12
II	20
III	33
IV	42
V	62
VI	71
VII	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Джордж Макдоналд Фрейзер Флэшмен и краснокожие

George MacDonald Fraser

Flashman and the redskins

© George MacDonald Fraser, 1982

© Яковлев А.Л., перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

«Если и было время, когда я чувствовал себя как „астроном, в чей взор
вплывает новое светило“, так это было тогда, когда я читал о Флэшмене».

П.Г. ВУДХАУЗ, создатель Дживса и Вустера

«Если вам не приходилось читать про Флэшмена... Что ж, даже не
знаю, стоит мне жалеть вас или завидовать, поскольку впереди вас ждет по-
настоящему отличное чтение».

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН, автор бестселлера «Игра престолов»

«Я прочту все, что напишет Джордж Макдоналд Фрейзер. Он
великолепен!»

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ, автор книг о стрелке Шарпе

Записки Флэшмена

Флэшмен

(1839–1842: Англия, Индия, Афганистан)

Флэш по-королевски

(1842–1843, 1847–1848: Англия, Германия)

Флэш без козырей

(1848–1849: Англия, Западная Африка, США)

Флэшмен на острие удара

(1854–1855: Англия, Россия, Средняя Азия)

Флэшмен в Большой игре

(1856–1858: Шотландия, Индия)

Флэшмен под каблуком

(1842–1845: Англия, Борнео, Мадагаскар)

Флэшмен и краснокожие

(1849–1850, 1875–1876: США)

Флэшмен и Дракон

(1860: Китай)

Флэшмен и Гора Света

(1845–1846: Индийский Пенджаб)

Флэшмен и Ангел Господень

(1858–1859: Индия, Южная Африка, США)

Флэшмен и Тигр

(1878–1894: Англия, Австро-Венгрия, Южная Африка)

Флэшмен на марше

(1867–1868: Абиссиния)

*Посвящается Ичиманипи-Вихопавин (Прекрасной
Путешественнице) на пути по тропе Санта-Фе из форта Бент к
Черным Холмам*

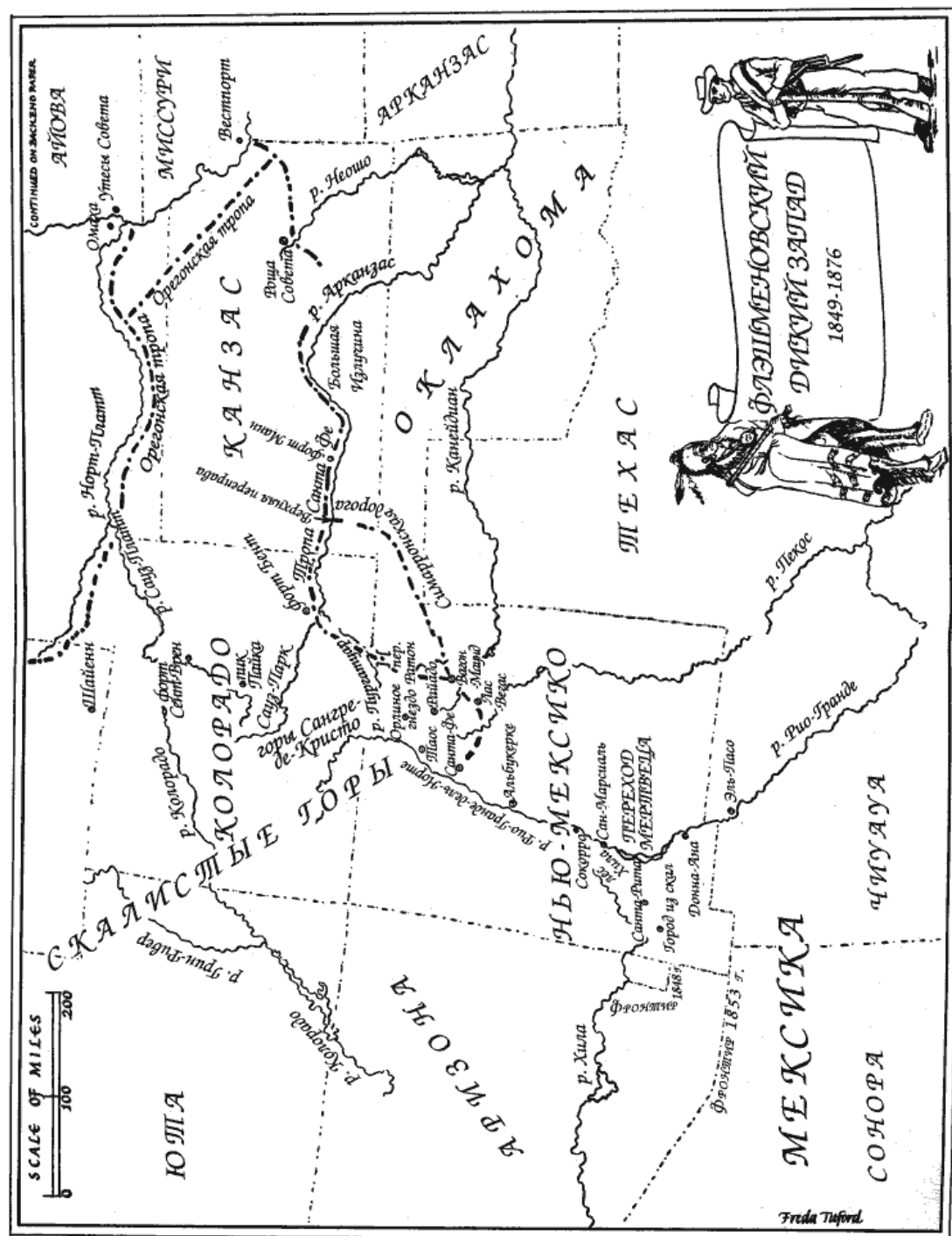
Пояснительная записка

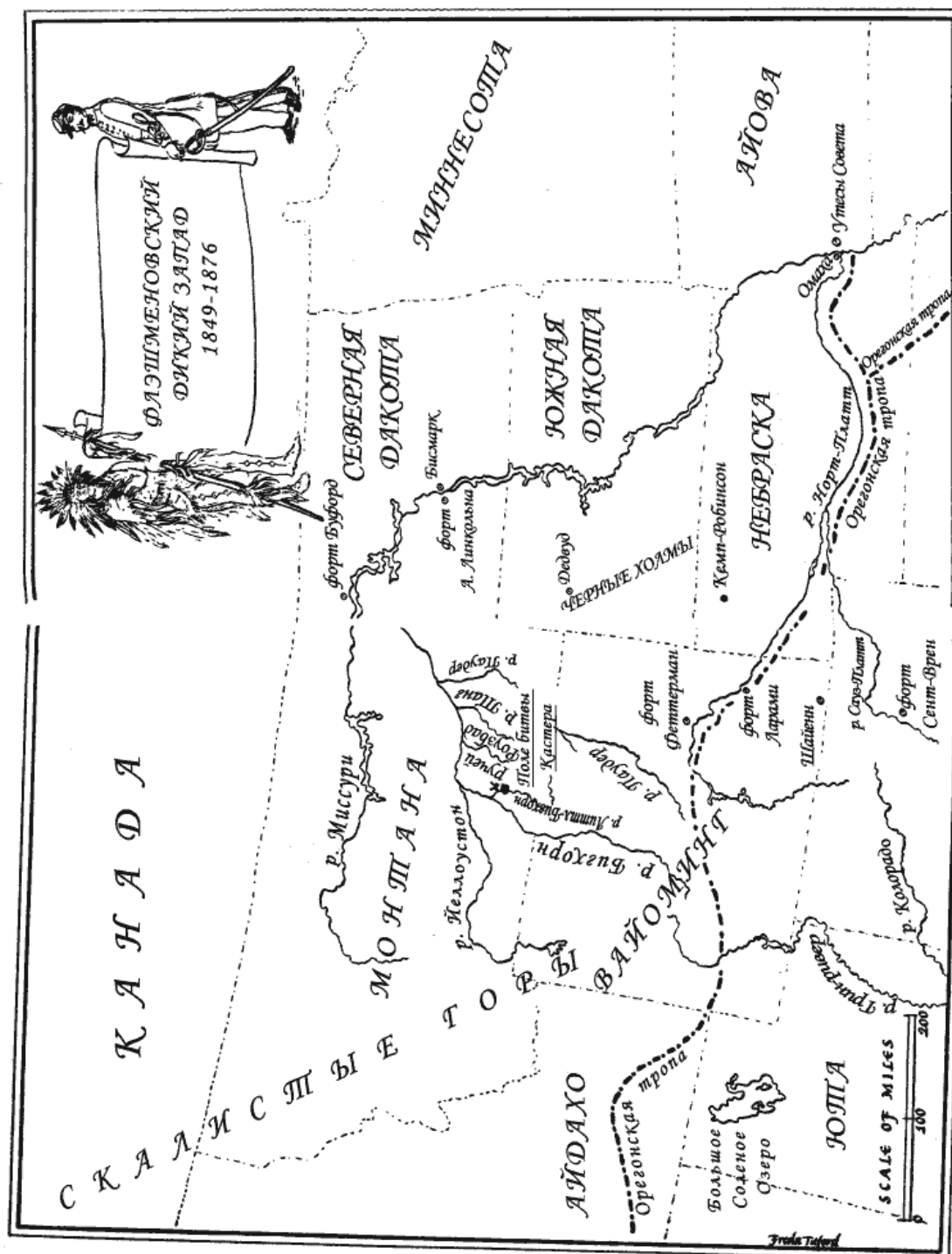
Своеобразной чертой «Записок Флэшмена» – мемуаров пресловутого задиры из «Школьных лет Тома Брауна», обнаруженных на распродаже в Лестершире в 1966 году, является то, что автор разделил их на отдельные пакеты, каждый из которых самодостаточен и описывает целиком тот или иной эпизод. Это существенно облегчало мой труд редактора «Записок», доверенных мне ближайшим законным наследником Флэшмена, мистером Пэд-жетом Моррисоном из Дурбана. Речь вот о чем: открывая очередной пакет, я находил в нем практически готовую книгу, которую оставалось снабдить только кратким предисловием и комментариями. Так было с шестью томами мемуаров.

Седьмой оказался исключением. Если не считать краткой преамбулы пожилого автора, по хронологии он продолжает – буквально с той же самой минуты – описание событий, на которых оборвался третий пакет¹. Именно поэтому я счел необходимым дополнить это предисловие небольшим резюме третьего тома, чтобы новые читатели смогли ухватить нить событий, предварявших седьмое приключение Флэшмена.

Как следует из ранних частей мемуаров, Флэшмен, в промежутках между выдающимися, но скандальными кампаниями в составе британской армии, не единожды посещал Америку. Данный, седьмой, том посвящен его одиссее на Диком Западе. На мой взгляд, эти записи уникальны. Многие люди могли последовательно участвовать как в Золотой лихорадке 1849 года, так и в битве при Литтл-Бигхорне, но они не оставили письменных воспоминаний об этих событиях, и ни один из них не был так близко, как Флэшмен, знаком с тремя самыми известными вождями индейцев, не говоря уж о знаменитых американских солдатах, пионерах и государственных деятелях того времени. Наш же герой оставил довольно живые, а местами даже слишком откровенные их портреты.

¹ Он был опубликован в 1971 г. под названием «Флэш без козырей». – *Примеч. Дж. М. Ф.*

Как и в случае с предыдущими мемуарами, я не ставлю под сомнение правдивость автора. Проштудировавшие первые тома читатели знают, что характер его был неприглядным, поступки – низкими, а способность к различного рода проделкам – просто неисчерпаемой. Похоже, единственным его достоинством можно признать беззастенчивую правдивость как мемуариста. Надеюсь, комментарии и приложения к книге послужат доказательством того, что я всеми силами стремился проверить свидетельства Флэшмена, где это возможно, и не могу не выразить свою признательность библиотекарям, архивариусам, музейным работникам и прочим достойным членам американского общества городов Санта-Фе, Альбукерке,

Миннеаполиса, форта Ларами, мемориальных заповедников Поля битвы Кастера, рек Йеллоустон и Арканзас, а также форта Бент.

Дж. М. Ф.

Введение

В мае 1848 года Флэшмен вынужден был покинуть Англию в результате карточного скандала и отплыл в Африку на «Бэллиол Колледже», судне, принадлежавшем его тестю, Джону Моррисону из Пэйсли, и находившемся под командой капитана Джона Черити Спринга, магистра искусств, бывшего наставника из колледжа Ориэль. Уже слишком поздно понял Флэшмен, что корабль занимается незаконной перевозкой рабов, а его капитан, вопреки своему ученому прошлому, является опасно эксцентричным типом. Приняв в Дагосее груз рабов, «Бэллиол Колледж» пересек Атлантику, но был захвачен американскими военными кораблями. Флэшмену удалось улизнуть от властей в Новом Орлеане, где он нашел временный приют в доме терпимости, хозяйка которого, сострадательная английская матрона по имени Сьюзан Уиллинг, подпала под чары плутовского шарма нашего героя.

Затем Флэшмен провел несколько насыщенных событиями месяцев в долине Миссисипи, по преимуществу улепetyвая во все лопатки. На время ему пришлось изображать из себя английского морского офицера, также довелось против воли выступать в качестве агента «Подземной Железной дороги»², помогая беглым рабам добраться до Канады. К несчастью, порученный его заботам беглец был опознан мстительным плантатором по имени Омохундро, и Флэши, оставив свой пост, спешно ретировался за борт парохода. Затем он занял вакансию надсмотрщика на плантациях, но лишился места, когда хозяин обнаружил его и свою жену при компрометирующих обстоятельствах. Впоследствии Флэшмен украл рабыню-метиску Касси, продал ее под чужим именем, после чего помог бежать и с вырученными от аукциона деньгами направился вместе с ней через покрытую молодым льдом реку Огайо, преследуемый по пятам охотниками за неграми, подранившими его в ягодицу. Тем не менее, благодаря своевременному вмешательству конгрессмена Авраама Линкольна, двум беглецам удалось выпутаться из переделки.

Находясь под угрозой обвинения в торговле рабами, хищении рабов, мошенничестве и даже убийстве, Флэшмен ощущал непреодолимое желание поскорее вернуться в Англию. Вместо этого злая фортуна вернула его в Новый Орлеан, и ему не осталось ничего иного, кроме как просить о помощи прежнего своего начальника – капитана Спринга, который был оправдан продажным американским судом и собирался отплыть. За время своих злоключений Флэшмену довелось завладеть некими документами «Бэллиол Колледжа», которые подтверждали факт участия судна в перевозке невольников. С помощью этих бумаг он рассчитывал шантажировать своего тестя, которого ненавидел, но теперь предложил вернуть их в обмен на проезд до дома. Капитан Спринг, неприязнь коего умерялась желанием заполучить назад столь опасные для него самого бумаги, согласился.

На этом самом месте, оставив нашего измученного рассказчика выбирать между Сциллой американского правосудия и Харибдой в лице демонического Спринга, завершается третий пакет «Записок Флэшмена» и начинается новая глава его американского приключения.

² «Подземная Железная дорога» («Подземка») – подпольная организация, действовавшая в США в 1830–1860 гг., которая занималась нелегальной переправкой негров-рабов в свободные северные штаты и Канаду. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. переводчика.*

Часть первая Сорок девятый

I

Я так и не выучился толком говорить по-апачски. Да это не так просто, хотя бы потому, что красные скоты нечасто спокойно стоят на месте – да и вы, если котелок варит, тоже не станете торчать колом, иначе занятие по изучению их системы гласных (совершенно уникальной, кстати сказать) вам придется провести, висая вниз головой и поджариваясь на медленном огне или же улепетывая во все лопатки по Хорнада дель Муэрто, пока они будут улюлюкать и стараться воткнуть копье вам в спину. С обоими этими затруднениями мне довелось в свое время столкнуться, вам же советую не испытывать судьбу.

И все-таки странно, что я не преуспел с языком, ибо помимо талантов делать ноги и задира́ть юбки способность «ворочать битой»³ входит в список главных моих достоинств – о, да, я на девяти языках говорю лучше самих их носителей и способен объясниться еще на дюжине или около того. Да и с апачами знаком был довольно близко – избави господи, – и даже был женат на красотке из племени – все по закону: заклинания, песнопения, танец бизона и все прочее... Ох и шустрая маленькая бестия это была, с персиковой бархатной кожей и жгучими черными глазами, а эти ее туго облегающие белые леггинсы из оленьей кожи с серебряными колокольчиками по бокам... Вот закрываю глаза и даже сейчас, шестьдесят лет спустя, слышу их мелодичный звон и ощущаю шелест сосновых иголок под колесами, и вдыхаю запах дыма, сплетающийся с мускусным ароматом ее волос и диких цветов прерий... И нежные губки шепчут мне на ухо: «Заставь мои колокольчики звенеть снова, о пинда-ликойе...»⁴ Ах, как давно это было! Скажу без обиняков: лучше всего учить язык между вздохами и стонами, и если в тот раз ничего не вышло, тот только потому, что моя милая туземка была не только дочерью великого вождя, но и мексиканской идальги и, стремясь обособиться от прочего стада, предпочитала говорить по-испански, а не на племенном диалекте. О, в викупах индейцев-мимбренью встречаются такие же снобы и зазнайки, как в какой-нибудь гостинице в Белгрейвии⁵, смею вас уверить. К счастью, против них есть средство.

Но довольно пока об этом. Даже если я не продвинулся в апачском далее фразы «нуитчи-ши, иицан», что можно приблизительно перевести как «иди сюда, девочка», – этого будет вполне достаточно, ну, может, добавьте еще пару уверений в дружбе и вопли о пощаде, которые вам весьма пригодятся, – то вполне способен узнать это дьявольское наречие, если услышу его. Это гортанное, шипящее бормотание, со всеми этими «тц», «цл» и «рр» – как у пьяного шотландского еврея, выронившего вставную челюсть, – не из тех штук, которые быстро выветриваются из памяти. Так что, услышав его пару недель назад в «Тревеллерз-клабе»⁶ и подавив инстинктивный импульс кинуться прочь, вопя: «Апачи! Уноси ноги, ребята, спасай скальпы!», я заинтересовался и выяснил, что словесный поток извергается из одного скользкого вида субъекта с хорошо поставленным голосом и дешевеньким орден-

³ То есть хорошо говорить на местных наречиях (британский армейский сленг). – *Примеч. Дж. М. Ф.*

⁴ Буквально: «белый глаз», то есть белый человек. – *Примеч. Дж. М. Ф.*

⁵ Белгрейвия (Белгравия) – фешенебельный район в Лондоне.

⁶ «Тревеллерз» (путешественники, *англ.*) – престижный лондонский клуб; его членами являются многие английские дипломаты и бизнесмены; обязательное условие членства – поездка не менее чем за 500 миль от Лондона.

ком на груди, который собрал вокруг себя в углу курительной кучку подхалимов. Я спросил, какого дьявола тут происходит, и оказалось, что это некий выдающийся антрополог, читающий в Королевском географическом обществе лекции о североамериканских индейцах.

— А что вам еще про них известно помимо их дурацкой болтовни? — спрашиваю я довольно резко, поскольку он мне сразу не понравился — я быстро смекнул, что он один из тех мерзких зануд, которые повсюду шныряют с сачком для бабочек и записной книжкой, якшаются с ниггерами и растрачивают университетские фонды на драгоманов⁷. Он вскинулся, но ему рассказали, с кем имеет честь и что я не понаслышке знаком с индейцами, не говоря о разных других аборигенах. Тогда субъект протянул мне свою дряблую ладошку и даже снизошел до пары вопросов, касающихся моих странствий по Америке. Услышав про то, что я был в семьдесят шестом с Терри и Кастером, он воскликнул кисло: «Да неужели?», повел плечом и пустился в разглагольствования, которые только и слышишь от всей этой компании. Ну, в общем, про скверное обращение янки с племенами равнин после их Восстания и вообще про индейскую политику, про ужасы резерваций, о жестокостях, которые под флагом цивилизации обрушиваются на ни в чем не повинных кочевников, которые хотят только, чтобы их оставили в покое, дали вести спокойную жизнь мирных пастухов, лелеять свою немудреную культуру, почитать древних богов и пороть всякую чепуху насчет фавнов в Аркадии. По счастью, я не успел пообедать.

— Благородные дикари, значит? — говорю я, воспользовавшись моментом, пока он переводил дух, и удостоился в ответ взгляда, исполненного сентиментального негодования.

— Смею придерживаться подобного мнения. А вы, надо полагать, не согласны?

— Смотря кого именно имеете вы в виду, — отвечаю. — Пятнистый Хвост, скажем, был настоящим джентльменом. А вот Чико Веласкес, наоборот — негодяй, каких свет не видывал. Впрочем, вам, скорее всего, не доводилось встречаться с ними. Так, может, по коньячку?

Он сделался пунцовым.

— Спасибо, нет. Под джентльменом, насколько я понимаю, — продолжает он, весь кипя, — вы подразумеваете сломавшегося человека, в отчаянии сложившего оружие, а негодяем называете любого непокорного патриота, не смирившегося с несправедливой властью чужаков и восставшего против грабительских договоров...

— Если для того, чтобы стать непокорным патриотом, нужно отрезать женщинам пальцы и украшать ими одежду, то Чико — настоящий патриот, это точно, — говорю я. — И это, заметьте, самая безобидная из его выходок. Эй, человек, еще стаканчик, и нечего на меня так таращиться, слышишь?

Мой новый приятель покраснел еще пуще, у него перехватило дух. Он явно был не готов спорить на тему Чико Веласкеса и вышел из себя, на что я и рассчитывал.

— Варварского поведения вполне естественно ожидать от варвара — особенно когда его вынуждают вести себя так! — Ученый фыркнул. — В самом деле, сэр, можно ли сопоставить единичные случаи жестокости, совершенные этим... э-э... Веласкесом, происходящим, насколько можно понять по имени, из несчастного народа пуэбло, сотни лет страдавшего под игом испанцев... Так вот, можно ли сопоставить их с продуманной политикой уничтожения и угнетения, изобретенной современным христианским правительством? Вы говорите о дикости индейцев? В то же время хвастаете знакомством с генералом Кастером и наверняка слышали о Чивингтоне? Сэнд-Крик, сэр! Вундед-Ни! Уошита! Как видите, — торжествующе восклицает он, — я не хуже вас знаком с этими названиями! Перед лицом таких фактов осмелитесь ли вы оправдывать политику Вашингтона в отношении американских индейцев?

— Я ее и не оправдываю, — отвечаю я, едва сдерживаясь. — Но и не осуждаю тоже. Случилось то, что случилось, и поскольку мне довелось быть тому свидетелем, я далек от того,

⁷ Драгоман — переводчик с восточных языков.

чтобы делать идиотские сентиментальные умозаключения, столь модные сейчас среди ученой братии, позвольте заметить...

Раздались возмущенные вопли, а мой антропологист прям запрыгал.

– Да уж, модные! Вы читали миссис Джексон⁸, сэр? Неужто вам неизвестны те унижительные условия существования, в которые оказались поставлены эти гордые и благородные люди? Раз вам приходилось участвовать в войнах с сиу, вы не можете не знать, с каким бессердечным и мстительным рвением проводились в жизнь эти последовательные экспедиции! Против беззащитного врага! Вы осмеливаетесь защищать истребление модоков, апачей и десятка других племен? Стыдно, сэр! – Он явно закусил удила, да и я уже несколько разгорячился. – И это в то самое время, когда неисчерпаемые ресурсы этого государства можно было направить на гуманное обращение, сдерживание, просвещение! Но нет: старинные ненависть и предрассудки получили возможность править бал, и вот «презренные негодяи» уничтожены или низведены до рабского почти состояния!

Он яростно жестикулировал.

– А вы только говорите: «Так получилось». Чушь, сэр! Вот и Пилат мог сказать: «Так получилось», – сравнение ему понравилось, и он стал развивать его. – Из прокуратора Иудеи вышел бы отличный адъютант для вашего генерала Терри, смею заявить! Желаю спокойной ночи, генерал Флэшмен.

Это позволяло ему с почетом покинуть поле боя, но я не привык бросать спор, не утвердив торжество разума и справедливости.

– Нет уж, постой, болтливый выскочка! – говорю. – Хватит с меня твоих лицемерных разглагольствований. А что ты скажешь на это? – под заинтригованный шум я наклонил голову и раздвинул волосы на макушке. – Видишь это лысое пятно? Так вот оно, дорогой мой неутомимый исследователь, это след скальпировального ножа индейца из племени брюле, того самого мирного скотовода, и находится он на черепе человека, приложившего все свои силы к тому, чтобы с этими брюле и прочими дакота обращались по совести. – Ну, последнее было небольшим преувеличением, но не важно. – Вот вам ваша гуманность и просвещение...

– Боже правый! – Он отшатнулся. – Ладно, сэр, вы получили рану. Но это не доказывает вашей правоты. Зато объясняет личную вашу неприязнь...

– Она доказывает хотя бы то, что я знаю, о чем говорю! Чем вы похвастаться не можете. Что до Кастера, то тот и впрямь был идиотом, каким его считали, а Чивингтон являлся не только чокнутым маньяком, но и – что гораздо хуже – любителем. Но если вы считаете их хоть на гран более виновными, нежели ваших дорогих краснокожих, то вы еще больший дурак, чем кажетесь. Чего никак не могут уяснить подобные вам бьющие себя в грудь ослы, – я уже орал, и собравшиеся зеваки держали меня за руки, зовя на помощь лакеев, – это то, что когда перепуганные насмерть мужчины – без разницы, белые они или красные, цивилизованные или дикие – сходятся лицом к лицу, обуреваемые жаждой повелевать дебрями, которые им с какой-то стати сдались, неизбежно начинается война, и горе побежденным! Политика тут гроша не стоит, безмозглый школяр: только человеческие ярость, страх и подозрительность! А ты про свое просвещение, черт тебя...

– Хватай его за другую руку, Фред! – кричит один лакей другому. – Ну же, генерал, *пожалуйста*, идемте.

– ... может попробуешь просветить военный отряд команчей⁹, а? Напомни о человечности и умеренности апачам-хикарилья, которые растерзали миссис Уайт и ее младенца на

⁸ Хелен Хант Джексон, автор книги «Столетие бесчестия», борец за права индейцев и суровый критик американской индейской политики. (*Комментарии редактора рукописи*).

⁹ В оригинальном тексте Флэшмен везде использует архаичную форму – «каманчи» (Cumanches).

Рок-Крик! А приходилось тебе видеть ранчо на Дель-Норте после того, как туда заглянут с визитом мимбрень? Нет? Конечно нет, рыхлозадый ублюдок! Ладно, ладно, швейцар, иду я... Но дайте только сказать... – заключил я и, смею сказать, даже погрозил университетскому хлыщу пальцем, отчего тот попятился за стул и, судя по виду, готов был дать деру, – что мои взгляды сулят индейцам больше пользы, нежели ваши – как и в отношении всех других народов, впрочем, – и я не стану оправдывать их лишь для того, чтобы выпятиться самому, не сделав им ничего доброго ни на грош, как это у вас принято! Я вашу породу знаю! Нарушенные договоры, значит, бумагомарака ты этакий? Да Чико Веласкес не признал бы договора, даже если бы об него в темноте споткнулся...

К этому времени я уже был на Пэлл-Мэлл и сотрясал небеса втуне.

– Да и кто сказал, что правительство в Вашингтоне – христианское? – вопрошал я, но швейцар заявил, что решительно не знает и предложил мне сесть в кеб.

Вас, наверное, удивляет, почему я так обрушился на этого напыщенного пустозвона – обычно я помалкиваю и посмеиваюсь в кулак, слушая, как какой-нибудь всезнайка порет чушь про бедных угнетенных язычников, журуя их разве за рабскую покорность. О, я собственными ушами слышал, как один такой провозгласил сипайских мятежников честными патриотами – я так обалдел, что даже ветры забыл пустить в качестве контраргумента. Знаю я этих язычников, и их угнетателей тоже знаю, и мне смешно даже слышать, как начитавшиеся книжек умники делают вид, что лучше всех понимают события, случившиеся годы назад. Человечество жестоко и глупо, и еще беспомощно, и ничего тут не поправишь. Вот взять хотя бы Бешеного Коня или Кастера – оба они давно сгинули, и слава богу. Но имея дело с такими вот антропологическими полуврунами, стоит уметь отделять зерна от плевел. В их словах есть доля истины, о да. Но это лишь одна сторона медали, и когда я слышу, что каждый белый – подлец, а каждый краснокожий – ангел, причем утверждается это с таким апломбом, и простаки глотают все и чувствуют вину перед... Ну, тут я обязательно закушу удила, особенно если хорошо набрался и почки пошаливают. Тогда меня выставляют из «Тревеллерз» за неджентльменское поведение. Плевать, я ведь даже не член клуба, кстати.

Напрасная трата нервов, согласен. Суть, полагаю, кроется в том, что пока я бегал по всему Дикому Западу, стуча зубами и мечтая только унести живым ноги, у меня тем не менее выработалась странная привязанность к этому месту, сохранившаяся и до сей поры. Это, наверное, удивляет вас, знакомых с историей старины Флэши: увенчанного лаврами героя и трусливого подонка, за всю свою скандальную и распутную жизнь не питавшего ни к чему привязанности. Все так, но у меня, как увидите, имеется своя причина.

К тому же, если бы вы видели Запад почти *у самых его истоков*, как видел я, в бытность свою торговцем, возницей фургона, охотником, солдатом иррегулярных частей, сутенером, шулером, скаутом, бойцом с индейцами (ну, облачаясь доспехами перед лицом противника, вы приобретаете право так называться, пусть это и продлилось недолго) и невольным заместителем маршала у Дж. Б. Хикока, эсквайра – да-да, ни больше ни меньше, – то не скоро позабыли бы про те края, даже в восемьдесят девять.¹⁰ И достаточно сущей мелочи: дыма костерка, красивого заката, вкуса кленового сиропа в пироге или нескольких слов, неожиданно произнесенных по-апачски и... снова поскрипывают фургоны у переправы через Арканзас; бренчит пианино, полуувязшее в береговом иле; все смеются, а Сьюзи играет «Банджо на колене»; «Олд Глори»¹¹ вьется над воротами форта Бент; слышится зловеющий шорох стрел навахо, пронзающих парусиновый тент; огромные стада бизонов растекаются по желтой прерии, словно гигантское масляное пятно; звонко стучат по полу каблучки

¹⁰ Отсюда, как и еще из одного собственного свидетельства автора, следует, что этот раздел мемуаров был написан в 1909 или 1910 году. (Комментарии редактора рукописи).

¹¹ Старое название американского флага.

побланас¹², а шелковые их юбки вертятся вокруг колен; мерцают в огне костерка заросшие физиономии всадников Галлантина; легкие вдыхают сладкий, как нектар, весенний воздух, и мы едем из славного Орлиного Гнезда мимо покрытых белыми шапками гор к фортам Сент-Врен и Ларами; в ноздри бьет смрад темных туш, гниющих в апачской палатке для потения в Санта-Рите; могучие воины шайенов гордо скачут в своих пернатых уборах, словно короли на совет; вспоминаю упругую податливую плоть в лесу Хила и нежные губы, шепчущие: «Заставь мои колокольчики звенеть снова...» Ах, конечно, мэм... А еще передо мной встает тот кошмар: крики, выстрелы, боевой клич орды хункпапов Желчного Пузыря, обрушившейся на нас в облаке пыли; и Джордж Кастер, оседающий на землю, сжимая руками израненную голову и прощаясь с жизнью; и красно-желтое дьявольское лицо с разверстым в крике ртом под рогатым бизоньим шлемом, и взметнувшийся над моим лбом томагавк...

«Ну, ребята, я убит», – как говаривал Дикий Билл. Только все проходит, и вот я сижу у себя дома на Беркли-сквер, гляжу на мокрые от дождя деревья, проклиная подагру, мешающую держать перо, и припоминаю, как все это начиналось, когда ваш покорный слуга послушно семенил по улице Нового Орлеана в 1849-м вслед Джону Черити Спрингу – магистру искусств, члену колледжа Ориэль, работоторговцу и чокнутому на всю голову маньяку по совместительству. Капитан, в расстегнутом жилете и сдвинутой набекрень шляпе, яростно прокладывал себе путь сквозь толпу по дороге к пристани, сыпя впереमेжку ругательствами и цитатами из Горация...

– Надо мне было вышвырнуть тебя за борт у Финистерре! – ворчал он. – Большого ты не заслуживаешь, ей-богу! Что ж, я упустил свой шанс: *quandoque bonus dormitat Homerus*¹³. – Он резко повернулся ко мне, и от пронзительного взгляда этих ужасных глаз даже коньяк замерз бы. – Но в следующий раз Гомер дремать не будет, мистер Флэшмен, можете не сомневаться. Один неверный ваш шаг – и вы пожалеете, что не достались тогда амазонкам!

– Капитан! – в сердцах восклицаю я. – Мне так же хочется поскорее убраться отсюда, как и вам. Да и как, скажите на милость, я сумею обмануть вас?

– Если бы я был таким же мерзким маленьким иудой как и ты, то знал бы, – огрызнулся Спринг. – Чем больше я размышляю об этом деле, тем сильнее крепнет мое желание заполучить бумаги Комбера, прежде чем мы сделаем еще хоть шаг.

Да, эти бумаги: они, способные отправить как Спринга так и моего жадного шотландского тестюшку на виселицу за незаконную торговлю невольниками, являлись единственным моим козырем. Стоит капитану заполучить их, и ничто не удержит его от намерения отправить меня кормить рыб. Даже будучи напуган до полусмерти, я отрицательно затряс головой, и он оскалил зубы в хищной усмешке.

– Чего дрейфишь, червяк? Я же сказал, что отвезу тебя домой, и сдержу свое слово. Или ты хочешь сказать, – зарычал капитан, и шрам у него на лбу налился алым – явный знак подступающего бешенства, – что я обманываю тебя, мразь?! Хочешь, да? Лучше не стоит! Да я все равно заполучу их не далее как через пять минут после того, как ты ступишь на мою палубу. Потому что они у тебя с собой, не так ли? Ты бы не посмел выпустить их из рук. Я знаю, – и он мерзко ухмыльнулся. – *Omnia mea mecum porto*¹⁴ – это в твоём стиле. Ну и где они: за подкладкой сюртука или под стелькой?

Факт, что вместо названных мест они были зашиты в пояс, утешал слабо. Он взял меня за горло, и если я не питал намерения отдаться на милость американского правосудия, преследовавшего меня за убийство, хищение рабов, выдачу себя за морского офицера, кражу

¹² Побланас (*исп.*) – селянки.

¹³ «Иногда и добрый наш Гомер дремлет» (*лат.*). В смысле: «На всякого мудреца довольно простоты». – Примеч. Дж. М. Ф.

¹⁴ «Все свое ношу с собой» (*лат.*). – Примеч. Дж. М. Ф.

фургона и лошадей, лжесвидетельство и размещение фальшивого предложения о продаже – боже правый, разве только двоеженство не приписали! – мне оставалось только уповать на его порядочность. Он посмотрел мне в глаза и хмыкнул.

– Так я и думал. Ты для меня все равно что раскрытая книга – скверное издание, кстати сказать. Будьте любезны передать их мне тотчас же. – Его палец указал на таверну на другой стороне улицы. – Идем!

– Капитан, умоляю, давайте повременим с этим до прихода на корабль! Ищейки из американского флота разыскивают меня по всему городу... Пожалуйста, капитан, клянусь, вы их получите...

– Так и гони их сюда, черт тебя дерит! – прорычал он и, как клешней, ухватив меня своей лапищей, затащил в паб и усадил в дальнем от стойки углу. Там стоял полумрак; за столиками расположилась пара гуляк, да несколько торговцев обменивались новостями у бара – впрочем, мои приятели из полиции и флота вполне могли прикинуться ими. Я робко обратил на это внимание Спринга.

– Пятью минутами раньше или позже тебе уже погоды не сделает, – говорит тот. – А я заодно выясню, изменил ли ты на сей раз своей привычке никогда не говорить правду.

Пока он заказывал джулеп¹⁵ и распекал черного слугу за медлительность, я, моля Бога, чтобы столь вежливые манеры капитана не привлекли к нам внимания, повернулся к стене и начал осторожно распарывать перочинным ножом швы на поясе.

Спринг нетерпеливо барабанил пальцами и урчал. Наконец я извлек пакет – эти бесценные, плотно исписанные листки, за которые Комбер отдал свою жизнь – и капитан погрузился в них, скребыхая по мере чтения зубами.

– Неблагодарная скотина! Вовремя он помер! Я был этому ублюдку вместо отца, и вот чем он отплатил мне за благодеяния: подглядывал и вынюхивал все, словно крыса! Да вы все такие, мерзкие джентльментишки! Да, мастер Комбер, Федр начертил тебе эпитафию: «*Saepe intereunt aliis meditantes necem*»¹⁶. И поделом тебе, скотина!

Спринг сунул бумаги в карман, осушил стакан и вперился в меня безумным взглядом, так хорошо знакомым мне по «Бэллиол Колледжу».

– А ты, зачем ты хранил их, а? Чтобы отправить меня в последний док? Говори!

– Ничего подобного! – взвизгнул я. – Да если бы я собирался, то обнаружил бы их на суде, но я ведь не сделал этого, не так ли?

– И сунуть собственную шею в петлю? Только не ты, – он лающе рассмеялся. – Во мне роится смутная догадка, что ты собирался выжать с их помощью кое-что из шотландского скупердя Моррисона. Я угадал, не так ли? – Хоть Спринг и был чокнутым, голова у него варилась. – Сыновья почтительность, значит?! Ну, если таков был твой расчет, тебе не повезло. Он мертв, и горит в аду, без сомнения. Три недели назад я получил весточку от нашего агента в Нью-Йорке. Неожиданный поворот, а парнишка?

Так оно и было, но только на мгновение. Ну, на трупе отыгрываться не получится, но и о чем печалиться? Состояние маленького прохвоста отойдет к его дочерям, среди которых моя милая простушка Элспет числилась в любимицах. Святой Георг, да я богат! По слухам, у него было аж два миллиона, и четверть достанется ей и мне... Если только старый хрыч не нашел в законе какую-нибудь лазейку, чтобы не дать мне наложить лапы на его денежки, как ему это удалось десять лет назад. Но нет – не может же он лишить Элспет наследства, а обвести ее вокруг пальца – для меня плевое дело... Впрочем, так ли это? Она всегда обожала меня, хоть, как я подозревал, наставляла рога при каждом удобном случае. Уверенности у меня не было, да и стоило ли обращать внимание на такие пустяки, как периодическая

¹⁵ Американский мятный коктейль.

¹⁶ «Тот, кто злоумышляет против другого, сам часто готовит свою гибель» (лат.). – Примеч. Дж. М. Ф.

супружеская измена? Пока она зависела от своего отца, по крайней мере. Теперь же, когда с нее сняли уздечку, ей можно таскаться вволю, а подобное пресыщение может притупить страсть к отсутствующему мужу. Кто возьмется угадать, как примет она своего возвратившегося Одиссея теперь, когда у нее куча денег и все удовольствия к ее услугам? Помимо прочего, я не сомневался, что моя пустоголовая половина сорит сейчас деньгами – моими уже деньгами – как подвыпивший герцог в день рождения. Чем скорее окажусь я дома – тем лучше. Но как ни крути, то, что Моррисон откинул копыта – отличная новость.

Спринг, насушенный и суровый, не спускал с меня глаз, и зная, насколько этот кровожадный пират привержен соблюдению внешних приличий, я постарался изобразить траурную мину и пролепетал что-то про неожиданный удар, ужасное несчастье, непоправимую потерю, ну и так далее.

– Да ты, я вижу, – ухмыльнулся он, – просто сражен горем, смею заметить. Узнаю эти признаки: физиономия унылая, словно зима в Тайнсайде, а в глазах блеск долгожданного наследства. И почему ты не сделался плакальщиком, лицемерный выродец? *Nulli jactantius moerent, quam qui loetantur*¹⁷, или, если переложить Тацита вольно, ты считаешь, что чертовы денежки уже у тебя в руках! Однако ты еще не получил их, парень, и если рассчитываешь снова увидеть Лондонский мост, – тут его рот ощерился в издевательской усмешке, – тебе стоит стать очень осторожным, как Ага¹⁸, и держаться с подветренной стороны от Джона Черити Спринга.

– Что вы хотите сказать? Я же отдал вам бумаги, и вы обещали доставить меня живым....

– О, так и будет, не сомневайся, – в этих ужасных пустых глазах мелькнула зловещая тень. – *Me duce tutus eris*¹⁹. И знаешь почему? Потому что, когда достигнешь Англии и заявишь, наряду с прочим выводком Моррисона, права на его наследство, тебе предстоит узнать, что столь обширной торговой морской империи требуется опытный руководитель, знающий законы и все такое прочее. – Он торжествующе усмехнулся. – Ему придется платить сумасшедшее жалованье, зато ты получишь надежного, академически образованного делового человека, способного не только управлять флотом, но и присматривать за тем, чтобы никто не пронюхал о твоих недавних американских делишках или о том, что твоя подпись в качестве суперкарго значится в судовых документах работоргового судна...

– Кто бы говорил! – не сдержался я. – Меня хватают, силком затаскивают на этот корабль, а вы...

– Чтоб мне сдохнуть, как ты смеешь так со мной разговаривать?! – взревел Спринг, и несколько голов повернулись к нам. Он заметил это и понизил голос до обычного рыка: – Английский закон меня не страшит: я буду уже в Бресте или Кале, переводя денежки во франки и гульденy. Спасибо тем безмозглым пням из Оксфорда, которые из ненависти выставили меня за дверь, лишив достоинства и плодов, добытых учением...

Шрам снова сделался пунцовым, как случалось всегда при упоминании об Оксфорде: его, как вам известно, выперли из Ориэля – за то, что украл вывеску колледжа или придушил декана, не сомневаюсь, – но сам он объяснял все происками коллег-завистников. Капитан скорчился, застонал, но взял себя в руки.

– Англия для меня теперь ничто. Зато все твое будущее связано с ней – и будущее это не наступит, если выплывут наружу кое-какие твои прошлые делишки. Армия? Выгонят. Новообретенное наследство? Отберут. А то еще и повесят, – добавил он, облизнувшись. – Да и твоя супруга наверняка найдет себе партию получше. Уж коли зашла речь, – злорадно про-

¹⁷ «Никто не изображает печаль так хорошо, как тот, кто внутри испытывает радость» (лат.). – Примеч. Дж. М. Ф.

¹⁸ Ветхозаветный царь амалекитян; был побежден и взят в плен царем Саулом и умерщвлен затем пророком Самуилом.

¹⁹ «Я – впереди, ты – вослед: в этом – спасенье твое», Овидий. – Примеч. Дж. М. Ф.

должает Спринг, – мне даже интересно, как воспримет она весть, что ее муженек – на самом деле распутный потаскун, прыгавший на борту «Бэллиол Колледжа» на все, что шевелится. Короче говоря, держать язык за зубами – обоюдный наш интерес, как думаешь?

Чокнутый ублюдок сардонически улыбнулся мне и осушил стакан.

– По пути домой у нас еще найдется время обсудить дела, да и продолжить твоё классическое образование: уверен, перерыв в наших занятиях, учиненный этими ублюдками-янки, был для тебя столь же прискорбен, как и для меня. «*Hiatus valde deflendus*»²⁰ – так, кажется, говаривал ты прежде. Теперь вливай в себя остатки пойла и пойдем.

Как я уже сказал, капитан был настоящим сумасшедшим. Если он рассчитывал запугать меня своими смешными угрозами – он, разжалованный преподаватель, ставший пиратом, и которому стоит только рот раскрыть в приличном обществе, чтобы оказаться в Бедламе, – то явно попал пальцем в небо. Но я понимал, что сейчас не время его разочаровывать – полоумный или нет, Спринг оставался единственной моей надеждой убраться из этой треклятой страны. И если придется терпеть его бесконечные пассажи из Горация и Овидия за время путешествия через Атлантику, так тому и быть. Я покорно допил, отодвинул стул, повернулся лицом к залу – и шагнул напрямик в кошмар.

Произошла самая обычная, повседневная вещь, и как это всегда и случается, она совершенно изменила всю мою жизнь. Возможно, ей Кастер обязан своей смертью, не знаю. Едва сделал я первый шаг от стола, располагавшийся у стойки высокий мужчина громко расхохотался и непроизвольно отступил назад, случайно зацепив меня плечом. Миг – и я уже шмыгнул ему за спину, пряча лицо. Но он толкнул меня и намерен был принести извинения.

– Прошу прощения, сэр, – говорит он.

Его глаза встретились с моими и расширились; добрых три секунды мы молча смотрели, узнавая друг друга. Да, я узнал это лицо: щетинистые баки, шрам на щеке, далеко выступающие вперед нос и подбородок и глубоко посаженные глаза. Я узнал его прежде, чем в памяти всплыло имя: Питер Омохундро.

²⁰ «Желаю безмерно оплаканным быть» (лат.). – Примеч. Дж. М. Ф.

II

Разве не доводилось вам переживать такие маленькие встречи? Человек, которому ты должен, парень, жена которого флиртовала с тобой, или семейство, чьим приглашением ты пренебрег, или какой-нибудь хам, прилюдно тебя оскорбивший. Омохундро трудно было отнести к перечисленным случаям – во время последней нашей встречи я был занят тем, что прятал украденного у него раба; гремели выстрелы, и он гнался за мной с явно читавшимся в глазах намерением убить, почему мне пришлось вплавь добираться до берега Миссисипи. Но принцип тот же самый, поэтому я, смею похвастать, прибег к проверенному средству.

Не раскрывая рта, я пробормотал извинения, развязно кивнул и поспешил к выходу. Такие вещи срабатывают, но только не с этим лишенным воспитания ублюдком. Он издал богохульственный клич и схватил меня за воротник обеими руками.

– Прескотт! – заорал он. – Бог мой, Прескотт!

– Прошу простить меня, сэр, – выдавил я, – не имею чести знать вас.

– Да неужели, воруящий нигтеров сукин сын? А я вот имею честь, адом клянусь! Джим, констебля сюда, живо! Ах ты, воровское отродье! – И пока все смотрели, разинув рты, Омохундро с силой прижал меня к стене и заорал своим друзьям: – Это Прескотт из «Подземной Железной дороги», который в прошлом году увез украденного у меня Джорджа Рэндольфа на «Султане»! Не дергайся, чтоб тебя! Это он, говорю вам! Эй, Уилл, хватай его за другую руку! Вот так, пес, стой, не шевелись!

– Вы ошибаетесь! – вскричал я. – Я – кто-то другой, то есть вы меня не за того приняли, клянусь! Меня зовут не Прескотт! Уберите от меня свои грязные лапы!

– Это англичанин! – прорычал Омохундро. – Все слышали? Этот ублюдок – англичанин, и Прескотт тоже был англичанином! Попался, похититель невольников! Я живо с тобой разберусь – ты пойдешь в тюрьму, а когда тебя опознают, отправишься на виселицу, черт возьми!

По счастью, в пабе оказалось не более дюжины посетителей, и пока те, кто был с Омохундро, сгрудились возле меня, остальные глазели, но не подходили близко. Народ это был благовоспитанный, и то, что мы с Омохундро были крупными парнями, не вдохновляло их вмешиваться в дискуссию.

Человек, которого называли Джимом, нерешительно застыл на полпути к дверям, а Уилл, здоровый деревенщина с бородой и в цилиндре, хоть и схватил меня за руку, но как-то неуверенно.

– Погоди-ка, Пит, – говорит он. – А ты уверен, что это тот самый молодчик?

– Еще как уверен, балда! Джим, да приведешь ты, черт побери, констебля? Это Прескотт, говорю вам, и это именно он украл нигтера Рэндольфа и вез его в Канаду!

Двоих из собравшихся это убедило, и они подошли и схватили меня за руки, тогда как Омохундро перевел дух и отступил немного, разглядывая меня.

– Я этого мерзавца где хочешь узнаю, как и его дурацкий говор...

– Это ложь! – не сдавался я. – Ужасная ошибка, джентльмены, уверяю вас... Этот человек пьян... Я в жизни не видел ни его, ни того проклятого нигтера! Отпустите меня, кому говорю!

– Я – пьян? – Омохундро потряс кулаком. – Ах ты, вонючая тупая свинья!

– Проклятье, Пит, помолчи-ка! – восклицает Уилл, явно выходя из себя. – Разговор у него *не как* у этих подземщиков, это факт, но погоди-ка, мистер, не горячитесь, и мы во всем разберемся. И ты остынь, Пит, – Джим успеет привести констебля, а мы пока выясним, что к чему. Эй, сэр! – Последнее адресовалось Спрингу, который за все время и бровью не повел

– стоял, засунув руки в карманы и глядел как сыч. – Вы были с этим парнем – что можете сказать про него, сэр?

Все повернулись к Спрингу, который равнодушно посмотрел на меня и отвел взгляд.

– В глаза его раньше не видел, – решительно заявляет он. – Этот тип без приглашения уселся за мой столик и стал клянчить выпивку.

С этими словами подлая свинья направляется к двери; я буквально язык прикусил, и не столько из-за предательства мерзавца, сколько из-за его глупости. И недаром.

– Но вы болтали с ним добрых минут десять, – нахмурившись, говорит Уилл. – Болтали, смеялись – да я своими глазами видел.

– Они пришли вместе, – раздается еще чей-то голос. – Рука об руку, ей-ей.

Омохундро ловко преградил Спрингу путь к отступлению.

– А ну, повремените-ка, мистер! – подозрительно восклицает плантатор. – Вы ведь тоже англичанин? И у вас общие делишки с этим аболиционистским сморчком Прескоттом – на Библии клянусь, Уилл, тот малый у стены и есть Прескотт. Полагаю, нам придется задержать вас обоих до прихода полиции.

– Прочь с моей дороги! – рывкнул Спринг, и хотя он даже не повысил голоса, тот прозвучал резко, как звук напильника.

Уилл сделал шаг назад.

– Прикрой рот! – говорит Омохундро, вскинувшись. – Может, ты чист, может, и нет, но предупреждаю: ни шагу больше! Отойди-ка туда, к стене, да поживее!

Я никогда не испытывал особой симпатии к Омохундро, и менее всего в тот миг, когда двое его громил прижимали меня к стене, обдавая ароматом табачной жвачки, но признаюсь: на долю секунды мне стало жаль его – парень сморозил глупость не хуже, как если бы передал портвейн направо²¹. Ибо есть одна простая вещь, делать которую категорически не рекомендуется: отдавать приказы Дж. Ч. Спрингу. По сравнению с этим дернуть за ухо спаривающуюся гориллу будет совершенно безобидной проделкой. Пару мгновений капитан стоял неподвижно, и только шрам его наливался пунцом, потом в глазах у него появился тот самый бешеный блеск. Его руки медленно выползли из карманов и сжались в кулаки.

– Ах ты треклятый выскочка-янки! – говорит. – Отойди по-хорошему, или хуже будет!

– Янки?! – взревел Омохундро. – Да чтоб тебе...

Но не успел он вздеть кулак, как Спринг бросился на него. Мне-то уже приходилось наблюдать картину, когда капитан измочалил едва не до смерти здорового матроса на борту своего корабля; однажды я сам подвернулся под удар, и должен сказать, это было все равно что получить по башке молотом. Взглянув на него, вы не поверили бы: самого обычного вида морячок средних лет, с седоватой бородой и изрядным пузцом; плотный, но совсем не верзила – короче, типичный гражданин, цитирующий Катулла; а в следующую минуту – берсерк не хуже Аттилы. Один короткий шаг – и его кулаки обрушились на торс Омохундро. Плантатор загудел, словно футбольный мяч, и отлетел на стол; но не успел он еще приземлиться, как Спринг схватил тугодума Уилла за шиворот и с силой пригвоздил к стене.

– К черту вас всех! – заревел он, сдергивая шляпу, что было неумно, поскольку дало Джиму время накинуться на него со стулом в руке. Рыча, Спринг развернулся, но прежде чем Джим успел вкусить плодов своей глупости, один из державших меня парней отпустил мою руку и схватил капитана за воротник. Будь я поумней, не спешил бы дергаться, но видя, что сторож остался один, попытался вырваться, и мы с янки покатались по полу. Ему было не сравниться со мной по массе, и после непродолжительной шумной возни я оказался сверху и принялся молотить его, пока он не заверещал. Будь у меня время, я потешился бы еще

²¹ По английскому обычаю, хозяин наливает портвейн гостю, сидящему справа, потом передает графин соседу слева, и далее графин движется от гостя к гостю по часовой стрелке.

минуту-другую, но первым пунктом в меню значилось бегство, так что я слез с него и стал лихорадочно искать самый удобный путь наружу.

В шаге от меня царил ад крошечный. Омохундро уже встал, держась за живот – он у него не иначе как из чугуна был – и хватая ртом воздух; Уилл лежал на полу, но крепко держал Спринга за лодыжку, в то время как второй мой тюремщик обхватил капитана за шею. Прямо на моих глазах Спринг стряхнул его и повернулся, намереваясь наступить на лицо Уиллу. «Да, – думаю, – вечера в зале для симпозиумов в Ориэле не были потрачены впустую». В этот миг один тщедушный малый из зрителей вскидывает руку, выкрикивает что-то по-французски и пытается выбить из моего отважного капитана мозги при помощи своей тросточки.

Спринг схватился за нее и потянул – и трость осталась у него, зато в руке лягушатника блеснули два фута обнаженной стали. Тот взмахнул ею и что-то прокукарекал по-галльски. Бедный простофиля. Взметнулся вихрь, раздался хруст ломающейся кости – и вот наш лягушатник уже стенает, лежа на полу, а Спринг сжимает в руке его трость-шпагу. Я слышал, как закричал Омохундро, бросаясь на капитана и извлекая пистолет из-под полы сюртука. Спринг прыгнул навстречу ему с кличем: «*Habet!*»²² И, о Боже, прямо перед моим остеклевевшим от ужаса взором Омохундро зашатался, глядя на пронзившую его сталь, потом опустился на колени, выронив пистолет, и рухнул ниц с душераздирающим стоном.

Воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только скрежетом ногтей Омохундро по доскам, а спустя миг еще и торопливыми шагами одного из основных действующих лиц, спешащего покинуть сцену. Уж если я чему-то и научился в жизни, так это вовремя откланиваться: махом перескочив прилавок, я нырнул через дверь в подсобку, а из нее – в открытое окно, и вот уже улепетываю вовсю по улице, не думая ни о чем, только бы оказаться подальше.

Даже не знаю, сколько я пробежал, петляя по улицам, перепрыгивая через заборы, пробираясь по дворам, но остановился, только когда совершенно вымотался. Погони слышно не было. Слава богу, день клонился к вечеру, стремительно наступали сумерки. Я заковылял по пустынному переулку, переводя дух и собираясь с мыслями.

Мое возвращение в Англию плакало горячими слезами: судя по всему, Спринга вздернут, и не сделай я ноги, болтаться мне рядом с ним. На меня и так уже повесили всю вину за парней, которых убила Касси – разве я не собственными глазами видел свое имя в объявлении о розыске? – в сравнении с этим дела Рэндольфа и Омохундро – не более чем закуска. Надо бежать, но куда? Во всех этих треклятуших Штатах не найти мне укромного местечка. Усилив воли подавив панику, я принялся думать. Бежать нельзя, надо спрятаться – да только где? Стоп, возможно, есть одно местечко. Сьюзи Уиллинк укрывала меня в прошлый раз, принимая за дезертира из американского флота; но пойдет ли она на это теперь, когда мне вменяют серьезное преступление? Но я ведь не убивал Омохундро – да и она может не узнать ни про него, ни про Спринга. А ведь эта милая старушка была без ума от меня, все глаза проплакала при прощании. Да-да, небольшая порция Гарри на ночь, и Сьюзи готова будет прятать меня хоть до второго пришествия.

Проблема в том, что у меня нет ни малейшего представления, в какой точке Нового Орлеана я сейчас нахожусь и где располагается заведение Сьюзи. Я помнил, что оно где-то в районе Вьё-Карре. Но нельзя же мне расхаживать по городу с расспросами, когда флотские – да теперь и городские полисмены – повсюду рыщут в поисках меня. Я осторожно пошел вперед, держась тихих переулков, пока не набрел на старого ниггера, сидящего на крылечке, и тот указал мне верную дорогу.

Вьё-Карре, как вам должно быть известно, это древнее французское ядро Нового Орлеана, представляющее собой один гигантский квартал развлекательных и игорных заведе-

²² «Получи!»(лат.)

ний, роскошных парков и ресторанов. Ночью он весь сияет, повсюду музыка, смех, яркие краски, а каждая вторая дверь ведет в бордель. Дом свиданий Сьюзи числился среди лучших в Новом Орлеане и располагался в уединенном тенистом садике, что очень меня устраивало, поскольку я намеревался пробраться через кусты и разыскать свою патронессу, привлекая как можно меньше внимания. Держась в стороне от оживленных улиц, я направился через тот самый переулок, где несколько месяцев тому меня прижали ребята из «Подземки». Сегодня он был пуст, а задняя калитка не заперта, так что я вошел в сад и укрылся в зарослях, откуда мог наблюдать за парадной дверью дома. И тут понял: что-то здесь не так.

Это был один из тех солидных французских колониальных особняков, с затейливой ковкой, балюстрадами и дощатыми панелями, и выглядело все именно так, как мне помнилось, вот только чего тут не наблюдалось, так это признаков жизни. Стояла душная ночь, и окна и двери должны были быть открыты настежь, позволяя слышать музыку и смех; не видно ни ярких огней, ни полуобнаженных желтых шлюх, снующих по большому холлу или отдыхающих, подобно избалованным кошечкам, в шезлонгах на веранде, помаргивая в полутьме зелеными глазами. Здесь должны царить танцы и веселье, а подвыпившим денди полагается стремиться к дверям, вожделя томных красоток, и оглашать верхние этажи звуками счастливого разврата. Ничего подобного – тишина. Входная дверь заперта, и хотя из-за закрытых ставень кое-где пробивался свет, становилось ясно – если тут и размещается по-прежнему бордель, то его, видимо, арендовала «Организация Надежды»²³.

Вопреки духоте ночи, я поежился. Темный сад показался вдруг мрачным и исполненным угрозы. Со стороны соседнего дома за деревьями летели звуки музыки, стучали колеса подъезжающих к воротам экипажей, над моей головой выводили унылые трели ночные птицы; я слышал скрип в своих коленках, когда присел и, почесывая свежезалеченную пулевую рану в ягодице, пытался понять, что же здесь не так. Может, Сьюзи переехала? Ледяной страх сковал мне сердце, поскольку другой надежды у меня не было.

– О Боже! – вполголоса протянул я. – Она должна быть тут!

– Кто? – раздался прямо под ухом у меня вопрос, и железная рука ухватила меня за шею.

Раззявив в крайнем ужасе рот, я обнаружил прямо перед собой искаженное яростью бородатое лицо Джона Черити Спринга.

– Заткни свою пасть, или я сам заткну ее навеки! – прошипел он. – Говори: что это за дом и зачем ты сюда забрался? Живо, и не шуми!

Последнее было излишним: я был перепуган так, что не только кричать, но и говорить не мог. Он с рыком встряхнул меня, я же тем временем пришел к ужасному умозаключению, что ему, похоже, удалось выследить меня, незаметно следуя за мной по пятам. Страшно было представить, как крался этот маньяк, наблюдая за каждым моим движением, но еще страшнее обнаружить его здесь. Бесцветные глаза капитана пристально оглядывали сад и дом. Зная его нрав, я хриплым шепотом изложил все без утайки.

– Дом... принадлежит моему... другу. Э-э... подруге. Из Англии. Но я не знаю... дома ли она сейчас.

– Так давай выясним, – говорит он. – На нее можно положиться?

– Не... не знаю. Она... приютила меня здесь однажды...

– Она что, шлюха?

– Нет... То есть да – она владелица этого заведения. Или была таковой.

– Сводня, значит? – осклабился он. – Конечно, где же ты еще мог прятаться, как не в борделе. *Plura faciunt homines e consuetudine, quam e ratione*²⁴, мерзкий развратник. Теперь

²³ Английское общество трезвости, основанное в 1847 г.

²⁴ «Люди чаще действуют, исходя из привычек, нежели из рассудка» (лат.). – Примеч. Дж. М. Ф.

слушай сюда: по твоей милости я попал в переплет; могу я отсидеться тут, пока все не уляжется? Я спрашиваю твоего мнения, а не разрешения, черт возьми!

Я ответил честно:

– Не знаю. Боже, вы ведь убили человека, она может не ...

– Самозащита! – буркнул он. – Но не спорю, новоорлеанское правосудие может посмотреть на это с менее просвещенной точки зрения. А эта... эта проститутка... Она, по твоим словам, англичанка? Добронравная? Терпимая? С умом?

– Ну... ну да, славная... – Я пытался подобрать слова, чтобы описать Сьюзи. – Она из кокни, публичная женщина, но...

– Конечно, раз она впустила тебя, – говорит этот заклинатель. – И нам не остается ничего иного, как попытаться счастья. Значит так, – и железная хватка сдавила мою шею еще сильнее, – распахни уши: если я пойду ко дну, то и ты вместе со мной, сечешь? Лучше этой ведьме приютить нас, ибо в противном случае... – Спринг встряхнул меня, рыча, словно мастиф. – Ты уж убеди ее и помни, что сказал Сенека: *«Qui timide rogat, docet negare»*.

– Чё?

– Иисусе, да Арнольд тебя совсем ничему не научил? Кто просит робко – получает отказ. Шагом марш, ать-два!

Стуча в парадную дверь, я, стоя рядом с капитаном, начищавшим рукавом шляпу, дивился про себя: много найдется еще бедолаг, которым чокнутый профессор преподает посреди ночи у ворот публичного дома латынь, или я такой один? Потом дверь открылась и наружу высунулась голова пожилого негра-привратника. Я спросил хозяйку.

– Миз Уиллинк, масса? Ах, простите, масса. Миз Уиллинк уезжать.

– Ее нет здесь?

– О нет, масса, она здесь, но вот-вот уезжать. Наше заведение, масса, закрываться. Насовсем. Но если вы заходить в соседний дом, к миз Риверс, она обслужить жантельменов...

Спринг оттеснил меня.

– Иди и скажи своей хозяйке, что два английских джентльмена желают видеть ее по безотлагательному делу, – чертовски официозным тоном заявляет он. – Передай наши извинения за вторжение в такой неурочный час.

Черномазый затопал по лестнице, а Спринг поворачивается ко мне и говорит:

– Раз уж ты в моей компании, так изволь следить за своими манерами.

Я в изумлении оглядывался вокруг. В просторном холле все было укрыто чехлами от пыли, горой высились чемоданы, оклеенные ярлычками, как для далекого путешествия – походило на то, что отсюда съезжают насовсем. Тут с лестницы донесся озадаченный женский голос и показался ниггер-дворецкий в сопровождении так хорошо знакомой мне пышной фигуры, облаченной в роскошное шелковое платье.

Как обычно, она была наряжена не хуже маркизы Помпадур: крашенные хной волосы уложены в высокой прическе, обрамляющей миловидное полное личико, бриллианты горят в ушах, на запястьях и роскошной груди, о которой у меня сохранились такие нежные воспоминания. Даже в моем растрепанном состоянии чувств я с трудом заставил себя отвести взор от колышающихся полушарий, пока она, покачиваясь – как правило, к вечеру в ней окazyвалась пара пинт портвейна, – спускалась по ступенькам. Шла она медленно и величаво, словно герцогиня, пытаясь разглядеть нас в полутьме холла; потом с губ ее сорвался неожиданный крик: «Бичемп!» – и Сьюзи, ласточкой перелетев последние порожки, устремилась к нам, покрасневшись от радости.

– Бичемп! Ты вернулся! Ну и дела! Где же ты был, негодник? Дай-ка разглядеть тебя!

На миг я растерялся, но потом вспомнил, что ей я известен под именем Бичемпа Миллуорда Комбера. Бог знает сколько имен сменил я тут, в Америке: Арнольд, Прескотт, Фиц-

там-такой-или-этакий. Но она хотя бы рада мне – сияет, как медный грош, и простирает руки; полагаю, мне было не миновать объятий, если бы присутствие Спринга, склонившегося в чопорном пояском поклоне, со шляпой, прижатой к животу, не пробудило в ней скромности.

– Сьюзи, – начинаю я, – это... э-э... мой друг, капитан Джон Черити Спринг.

– Ах, право слово, – говорит она и улыбается ему; и разрази меня гром, если он не ухватил ее за руку и не припал к ней.

– Почту за честь познакомиться с вами, мэм, – заявляет. – Ваш покорный слуга.

– С ума сойти! – говорит Сьюзи, окидывая капитана взглядом. – Радость просто невероятная, не сомневаюсь. Ах, брось, Бичемп – неужто ты думаешь, я с тобой тут политесы разводить буду? Иди сюда, давай поцелуемся!

Так я и поступил, и был обмусолен по первому разряду, каковую картину Спринг наблюдал, растянув губы в некоем подобии снисходительной улыбки.

– Так где же ты был? Я-то думала, ты давно уже в Англии, и сама туда собиралась! Но идемте же, и расскажи скорее, что привело тебя назад. Ох, меня едва удар не хватил, когда увидела тебя вот так, внезапно!

И тут она в нерешительности замирает, радость в ее прекрасных зеленых глазах потухает, и они начинают стремительно перебегать с одного из нас на другого. Сьюзи была женщиной мягкой, в том, что касалось мужчин, но далеко не дура, а кроме того, имела таких нюх на обман, что любой сыщик ей мог позавидовать.

– Что случилось? – резко спрашивает она и добавляет: – У вас трудности, не так ли?

– Сьюзи, – говорю, – все так плохо, что и не придумаешь.

С минуту женщина молчала, а когда заговорила, первые слова ее были обращены к дворецкому Бруту и заключались в приказе закрыть дверь на засов и не пускать никого без ее разрешения. Потом она проводила нас наверх, в свои личные апартаменты, и совершенно спокойно предложила мне выложить все как на духу.

И только когда я начал рассказывать, до меня дошло все безумие случившегося и риск, которому я подвергаюсь, говоря об этом. Мне пришло в голову ограничиться событиями сегодняшнего вечера и ничего не сообщать о пережитых мной с момента нашего расставания приключениях. Все, что ей известно обо мне, это что я англичанин, сбежавший из американского флота – напел ей в тот момент первое, что пришло на ум. Сидя в своем обитом шелком салоне, она молча, с серьезным лицом, слушала мой рассказ, а Спринг, как в рот воды набравший, расположился рядом на кушетке, положив шляпу на колени. Он был важен и спокоен, как банкир, но я чувствовал в нем скрытое напряжение. Я молился, чтобы Сьюзи поверила нам, ибо один Бог знает, что выкинет этот умалишенный, если ей взбредет в голову выдать нас. Но волнения были напрасны: когда я закончил, она посидела с минуту, теребя кисти на кричаще-ярком покрывале кровати, потом говорит:

– Никто не знает, что вы здесь? Отлично, значит, у нас есть время все обдумать и не натворить глупостей, – Сьюзи задумчиво посмотрела на Спринга. – Вы ведь тот самый Спринг – работороговец, не так ли?

«Ох, Моисей, – думаю, – ну, влипли». Но он подтвердил, и она кивнула.

– Мне довелось приобрести нескольких из ваших гаванских красоток, – говорит. – Отличные девочки, первый сорт.

Потом Сьюзи позвонила слуге и приказала принести еды и вина. Наступившую тишину неожиданно нарушил Спринг.

– Мадам, – заявляет. – Наша судьба – в ваших руках.

Это факт мне казался до оскорбительного очевидным, но Сьюзи снова кивнула, теребя свою длинную серьгу.

– Это была самозащита, говорите? Он преградил вам путь, началась заваруха, у него оказался пистолет?

Спринг сказал, что все в точности так и было, и она помрачнела.

– Не много пользы вам будет от этого в суде. Думаю, его дружки расскажут совсем другую историю... Если они из одного с ним теста. О, этот Омохундро бывал здесь, но только однажды, доложу я вам. Редкий негодяй. – Она презрительно сморщила носик. – У них это называется «пороть дурочку». Он, конечно, не единственный такой, но зато настоящая скотина, если вы меня понимаете. Едва не забил насмерть одну из моих девочек, и я указала ему на дверь. Так что плакать по нему у меня желания нет. И если все так, как вы говорите – не пройдет и часа, как мне все будет известно, уверяю вас, хотя я вполне доверяю вам, – то можете оставаться здесь пока не уляжется кутерьма, или, – тут Сьюзи бросила на меня быстрый взгляд и, как мне показалось, чуточку покраснела, – мы придумаем еще что-нибудь. Здесь только я, девочки да слуги, так что все свои. Посетителей мы в последнее время не принимаем.

В этот момент вошел Брут с подносом, а наша хозяйка отправилась проверить приготовленные для нас комнаты. Когда мы остались одни, Спринг с торжеством пристукнул кулаком по столу и набросился на съестное.

– Надежно, как в банке. Лучше и не придумаешь.

Ну, я был с ним согласен, но не мог понять, откуда у него такая уверенность – в конце концов, он ведь ее совсем не знает.

– Да неужели? – фыркает Спринг в ответ. – Что до доверия, то она не лучше любого дельца – было заметно, что ей наплевать на убийство, покуда оно не затрагивает ее личных интересов. Нет, Флэшмен, полная наша безопасность читается в этих полных губах и округлых глазах, которые говорят мне, что мы имеем дело с особой чувственной, изнеженной и развратной! – прорычал он, терзая зубами куриную ножку. – Похотливая распутница! Вот почему я буду спать спокойно. В отличие от тебя.

– Что вы хотите сказать?

– Она не может выдать меня, не выдав и тебя тем самым, тупица! – Капитан ухмыльнулся. – А тебя она не выдаст, не так ли? Да ее глаза и на миг от тебя не отрывались! Бедная потаскушка втюрилась в тебя. Видно, ты здорово обихаживал ее в прошлый раз. М-да, тебе лучше хорошенько подкрепиться, ибо *soevit amor ferri*²⁵. Или я ничего не понимаю, или аппетит у леди разгорается не на шутку, и ради наших шкур тебе лучше будет удовлетворить оный.

Мне и без него все было понятно, но даже прояви я недогадливость, поведение нашей хозяйки дало красноречивый намек. Вернувшись назад, заново подкрашенная, она тяжело дышала – я сообразил, что это следствие тугого корсета, поддетого под платье. Мне, прекрасно знакомому с ее повадками, не нужно было слов. Все читалось и в ее беспокойно бегающем взгляде, и в той веселости, с которой поддерживала она разговор, явно не в силах дожидаться, когда мы останемся наедине. Спринг не замедлил откланяться, церемонно поцеловав ей руку и рассыпавшись в благодарностях за ее доброту и заботу о двух попавших в беду соотечественниках. Когда Брут увел его за собой, Сьюзи заметила, что капитан показался ей настоящим джентльменом и человеком надежным, но есть в нем нечто суровое и зловещее, заставляющее ее всю прямо трепетать.

– Впрочем, разве не должна я то же самое сказать и про тебя, милый? – хихикнула она и притянула меня к себе, запустив одну руку в волосы, а другой оглаживая меня повсюду. – О-ох, небеса! Иди же ко мне! Ах, ты ничуть не изменился, ни капельки! Ах, как мне не хватало тебя, мой милый негодник!

Озорная старушка, признаюсь вам: она засасывала мои губы своим жадным алым ртом и шептала мне на ушко эпитеты, от одного воспоминания о которых мне делается стыдно;

²⁵ «Любовь взыскует оружия», (Вергилий). – Примеч. Дж. М. Ф.

впрочем, они оказали на меня нужное действие, как и то, насколько мастерски она сумела снять с меня все, ни на секунду не вынимая языка из моей глотки. Мне приходилось знать дамочек покрасивее и не уступающих ей в искусстве разврата, но что до умения подкидывать дрова в губительный костер похоти – как именовал это Арнольд – тут ей не имелось равных. Когда она склонилась надо мной на кушетке, облизывая губы и нежно лаская затылком в шелк коленом, одновременно не спеша высвобождая из корсета свои роскошные груди и начиная душить меня ими, я забыл обо всем.

– Ты и впрямь попал в беду, мой соотечественник, – говорит она хрипловатым голосом. – Я буду терзать, мучить и поедать тебя заживо, и если, когда все закончится, сюда пожалуют фараоны, тебя возьмут тепленьким, потому как ты и рукой двинуть не сможешь от утомления!

В последнем я не сомневался, проведя с ней пять незабываемых дней и едва пережив их. Сьюзи из породы тех неумолимых животных, которым все мало – прям как я, только еще хуже, и теперь она принялась за работу с энергией подвыпившей или накурившейся гашиша Мессалины. По моим прикидкам, прошло часа два, прежде чем она, издав последний визг, скатилась на пол, где и осталась лежать, стелая, что никогда-никогда-никогда-де ей не доводилось и впредь не доведется переживать такого. С ней всегда так: сейчас начнет плакать. И точно – послышался всхлип, за которым последовали рыдания, завершившиеся бульканьем – это Сьюзи успокаивала себя убойной дозой портувейна.

Я, как бывает, забылся сном, что неудивительно, так как забавы с мадам Уиллинк способны изнурить даже Голиафа. Но спустя некоторое время я очнулся и, помятуя совет Спринга, начал раздумывать, не стоит ли, в знак бесконечной своей признательности, так сказать, устроить еще один раунд – ей идея явно придется по вкусу. Должно быть, сказались недели сугубого воздержания, иначе я предпочел бы наслаждаться столь необходимым после чертовски трудного дня отдыхом. Но едва я повернулся и стал наблюдать, как она прихорашивается у зеркала, аппетитная, как конфетка, в своих чулочках на поясе, то поймал себя на мысли, что идея и сама по себе не так уж дурна. И когда Сьюзи потянулась и принялась припудривать свои груди кроличьей лапкой, я воспользовался моментом и сграбастал ее. «О нет, Бичемп, – визжала она, – только не опять, честно. Признайся, развратник, ты же не собираешься в самом деле?...» Но я был тверд, как алмаз, если вы понимаете, о чем речь, и наступал, пока она не взмолилась оставить ее в покое – что означало, ясное дело, «ради бога, не останавливайся». Даже не знаю, откуда во мне взялось столько сил, поскольку – подумать только! – я заставил просить пощады не кого-нибудь, а саму Сьюзи. Но это случилось и, как я убежден, послужило причиной дальнейших событий.

Когда все закончилось, она, привалившись к каминной решетке, переводила дух и освежалась джином. После того как глаза вкатились на свою орбиту, она устремила на меня чувственный взгляд и проскулила:

– О боже, и зачем ты вернулся? Как раз в тот момент, когда я только-только начала оправляться после нашей разлуки.

И она опять зашмыгала носом.

– Жалеешь, что я пришел, да? – говорю я, ущипнув ее за ягодицу.

– Ты же сам прекрасно знаешь, что нет! – надувает губки она. – Я такая дура. Ведь *понимала*, что слишком привязалась к тебе тогда... в прошлом году, но... но только когда ты ушел, я... я... – тут она разревелась по-настоящему, и потребовалось несколько добрых плотков джина, чтобы хоть немного успокоить ее. – И тут... когда я увидела тебя сегодня в холле, то почувствовала... такую радость, и я... Ох, как глупо: в моем-то возрасте веду себя как шестнадцатилетняя!

– Сомневаюсь, что какая-нибудь шестнадцатилетняя *способна* вытворять такие штуки, – говорю я, а Сьюзи, хихикнув, шлепнула меня, после чего вернулась к своим излишням.

– Я уже говорила однажды... Я знаю, что ты такой же, как все, и все, что вам нужно, это хорошенько покувыркаться, а я просто старая... ну, слишком зрелая дура, чтобы чувствовать к тебе то, что чувствую... Мне ли не знать, что ты не любишь меня... так, как люблю я... – Теперь слезы хлынули из нее как У²⁶ при паводке, стремительно снижая крепость доброго сорокаградусного напитка.

– Ох... мне так хочется думать, что тебе нравится со мной, даже больше... больше, чем с другими... – Она глядела на меня заплаканными зелеными глазами, губы ее дрожали. – Скажи, тебе... тебе и *в самом деле* нравится это... со мной... больше... да? Честное слово, когда я поймала твой взгляд в зеркале... ты смотрел на меня... ну, с такой нежностью...

Чушь собачья, разумеется, зато доказывает, насколько я был прав, предприняв повторный натиск. Когда берешься за дело, делай хорошо, и если Сьюзи желает покататься с тобой, прищпорь кобылку. Добрый час я распинался, как схожу с ума по ней и что не знаю никого, способного с ней сравниться – это было не такой уж ложью, – и шептал комплименты до тех пор, пока она не поцеловала меня нежно и не заявила, что я милый мальчуган. Я добавил, что тосковал по ней все эти месяцы, и тут ее взгляд сделался вдруг недоверчивым.

– Уверена, что ты быстро утешился, – фыркает она. – Это когда вокруг столько вертихвосток. Не мели чушь!

– Ну, были одна или две, – продолжаю я, зная, с какой карты заходить. – За неимением лучшего. И не говори мне, – в свой черед фыркнул я, – что какой-нибудь счастливчик не развлекал тебя в мое отсутствие.

Тут, знаете ли, она вспыхнула и начала кричать, что ничего, мол, подобного, как я только мог такое подумать! Но я видел, что ей нравится, и, подмигнув, спрашиваю: неужели совсем никого? Тут она покраснелась еще пуще, заерзала и говорит, что не ее-де вина, коли некоторые уважаемые и богатые клиенты желают уделить мадам личное внимание.

– Ого, – говорю. – И кто бы это мог быть?

– Это тебя не касается, нахал! – хихикает она, трясая головой. Я помолчал, пока она не повернулась ко мне, потом сдвигаю брови и спрашиваю строго:

– Сьюзи, кто?

Она заморгала, и постепенно вся игривость исчезла с этого простого, милого личика.

– Ну-у, – протянула она, колеблясь. – Почему ты так смотришь на меня? Ты же не... не сердись, нет? Мне казалось, ты просто шутишь со мной...

Я промолчал, только сердито пожал плечами, отводя взгляд, и она испуганно ахнула и схватила меня за руку.

– Эй, Бичемп! Неужто ты... ты подумал?.. Но нет, любимый, я бы никогда... Ну, в чем дело?

– Да ни в чем, – отрезаю я и играю желваками. – Ты права – это не мое дело.

Но сам тем временем начинаю кусать губы и напускаю на себя вид как у принца Альберта. Тут она испугалась по-настоящему: обняла меня за шею и, обливаясь слезами и рыдая, стала уверять меня, что это-де все оттого, что ей и не грезилось увидеть меня снова, иначе она бы ни-ни... Но это, мол, все ничего для нее не значит, честно, о, Бичемп – всего пару раз, как, например, с тем богатым креолом-плантатором, отвалившим сотню долларов за право принять с ней ванну... Но она бы швырнула этому старому козлу в лицо его деньги, если бы знала, что меня это... А если до меня дошли вдруг слухи про нее и графа Водриана, так

²⁶ У^з (Грейт-Уз, «Старая Западная Река») – главная водная артерия Восточной Англии.

это наглая ложь – это был не он, а всего лишь его четырнадцатилетний племянник, которому граф просил преподавать несколько уроков...

Продолжи я свою игру, то, без сомнения, насобирал бы сплетен на добрую книгу, но у меня не было настроения заводить свою шараду так далеко. Я потешил тщеславие старой потаскухи, подпитал ее нежные чувства, напугал до смерти и разведал, насколько крепко она привязана ко мне. Заодно здорово развлекся, наблюдая, как Сьюзи изворачивается и трепыхается. Наступило время проявить великодушие и милосердие, поэтому я потискал ее в знак прощения, и она чуть в обморок не грохнулась от облегчения.

– Это ведь просто бизнес, Бичемп, совсем не то, что с тобой. Ах, совсем не то! Знай я, что ты вернешься и примешь это *так близко к сердцу*... – Похоже, последнее для нее было очень важно, поскольку она только об этом и твердила. – Тебе и *впрямь* есть дело? Ах, скажи, что есть, дорогой! И ты правда не сердись на меня больше?

Это был удобный случай – даже и стараться не надо – перейти от суровой печали к нежному обожанию.

– Ах, Сьюзи, милая, – говорю я, стискивая ее буфера пламенной хваткой. – Как же я могу на тебя сердиться?

Последняя реплика, совокупно со стаканом джина, окончательно развеселила ее, и она принялась купаться в лучах благорасположения своего любимого, твердя, что я – честно-честно – самый славный и милый распутник на свете.

Ее упоминание про бизнес напомнило про нечто важное, ускользавшее из памяти в течение наших увлекательных упражнений: когда мы улеглись на роскошную кровать, я спросил, почему дом закрыт и все кругом в чехлах.

– Я еще не рассказывала?! Впрочем, ты не дал мне ни единого шанса, не так ли, шалун-нишка? – ответила она, устраиваясь поуютнее. – Знаешь, на следующей неделе я навсегда уезжаю из Орлеана. Что скажешь? Дела тут пошли хуже некуда, нашего рода услуг хоть завались, а половина мужского населения двинула пытаться счастья на золотых приисках, так что мы рады теперь любому безумному юнцу. Вот я и думаю: «Сьюзи, девочка, отправляйся-ка сама в Калифорнию да открой собственный прииск, и если тебе не удастся добыть там золотишка побольше, чем у какого-нибудь старателя, значит, ты не та женщина, за которую...».

– Погоди-погоди: чем ты намереваешься заняться в Калифорнии?

– Да тем же, чем всегда, – организую заведение для отдыха солидных джентльменов! Неужто не понимаешь: там уже сейчас миллион молодых парней, вкалывающих, как негры. У самых везучих карманы лопаются от золотого песка, и нет ни одной нормальной девчонки, с которой можно развлечься, если не считать нескольких грязных потаскух. Где навоз, там и денежки – могу побиться об заклад, что через пару лет Орлеан по сравнению с Сакраменто или Сан-Франциско покажется настоящей деревней. Сейчас там, конечно, неудобно, но подожди немного – и этим парням захочется заполучить все удобства Лондона и Парижа – и у них, кстати, найдется, чем заплатить! Вина, наряды, театры, лучшие рестораны, модные салоны, дорогие магазины и – шикарные шлюхи. Попомни мои слова: кто успеет организовать это первым, да еще как надо, заработает миллион, легко.

Я согласился, что звучит разумно, но выразил сомнение, удастся ли ей воссоздать в тех краях свое заведение. Она хмыкнула.

– Не беспокойся, у меня все схвачено. Через агента я приобрела в Сакраменто участок и в понедельник отправлюсь вверх по реке, до Вестпорта, со всем своим скарбом: мебелью, посудой, столовым серебром, винным погребом... и живым товаром, что самое главное. Под этой крышей сейчас двадцать желтых девчонок, все первый сорт – так что не вздумай расхаживать во сне, негодник! Ну же, дай я погляжу на тебя...

– Постой-ка, – говорю я, послушно давая заключить себя в объятия. – Каким образом ты будешь туда добираться?

– Ну, по реке до Вестпорта, потом на фургонах до – как его там? – Санта-Фе, потом до Сан-Диего. Это займет всего несколько недель; тысячи людей следуют по этому пути ежедневно: на тележках, фургонах, верхом. Даже пешком. Можно, конечно, отправиться вокруг, морем, но это выходит не быстрее и не дешевле, да и у меня нет желания заставлять моих девочек страдать от морской болезни!

– А это не опасно? Ну, индейцы, бандиты и так далее?

– Нет, если у тебя есть охрана и хорошие проводники. Можешь не сомневаться, я обо всем уже подумала, причем не поскупилась. Если ты еще не заметил, я женщина деловая и знаю: хочешь получить лучшее – раскошеливайся. Вот почему еще до конца года у меня будет самый лучший бордель на западном побережье. Если у тебя есть денежки, то больше ничего и не надо, исключая толики здравого смысла.

Насколько я знал, в отношении последнего был полный порядок (если не считать пристрастия к горячим молодым парням) и у нее имелись все качества хорошего предпринимателя. Но если у Сьюзи с планами на будущее все в ажуре, то у меня – совсем наоборот, и я заметил, что у нас остается совсем мало времени, чтобы организовать мой – и Спринга, куда же деваться – безопасный отъезд из Нового Орлеана.

– На этот счет не волнуйся, – уверенно отвечает она. – Я пораскинула мозгами, и, погладев, какого размаха достигнет завтрашний переполох, мы решим, как поступить лучше. До тех пор здесь ты в безопасности, а заодно в тепле, неге и уюте, – добавляет Сьюзи. – Так что давай споем припевчик из «Джона Пиля»²⁷, а?

Можете себе представить, что наутро у меня был достаточно изможденный вид, чтобы убедить Спринга в безопасности дальнейшего пребывания в доме Уиллинк. Бегло окинув взглядом меня и зевающую и потягивающуюся Сьюзи, он ухмыльнулся и пробормотал:

– Господи, *non equidem invideo, miror magis*²⁸.

А вот я склонен считать, что это была самая настоящая ревность, и знай я сам достаточно латынь, парировал бы:

– *Ver non semper viret*²⁹, не правда ли?

Да, неплохо, наверное, быть ученым, вот только ему это не слишком пошло на пользу.

Впрочем, обмен любезностями оказался не к месту, потому как новости были скверные. Сьюзи навела справки, и выяснилось, что смерть Омохундро произвела настоящий переполох: по городу устроена настоящая облава, а наши описания расклеены на всех углах. Убраться из Нового Орлеана по-быстрому нам не светило, как пить дать, и я напомнил Сьюзи, что надо придумать выход в оставшиеся несколько дней. Она похлопала меня по руке и сказала, что все устроит и нет нужды бояться. Спринг молчал, только смотрел на нас своими белесыми глазами.

Что за беда – проторчать четыре дня (как довелось нам) в борделе, можете подумать вы? Но когда шлюхи тебе не доступны и рядом сидит чокнутый убийца, грызя ногти и потчующая тебя цитатами из Овидия, а у дверей может в любую секунду раздаться крик: «Именем закона, откройте!», все становится далеко не так радужно. Нам приходилось торчать в большом пустом доме, не имея возможности выглянуть наружу, из страха, что нас заметят с улицы. Даже из своих комнат мы выходили редко, ибо, хотя апартаменты девиц располагались в крыле здания, они постоянно бродили по дому, а Сьюзи заявила, что им не стоит видеть нас – так же как мне видеть их, наверняка добавляла она про себя. Однако у меня и не было особого настроения встречаться с ними – ну помахать ручкой разве. Когда каждую ночь тебя ждет свидание с миссис Уиллинк, остальные женщины начинают как-то расплы-

²⁷ Популярная в Викторианскую эпоху песенка про охотника.

²⁸ «Нет, не завидую я, – скорее удивляюсь» (Вергилий). – Примеч. Дж. М. Ф.

²⁹ «Весна не бывает вечной» (лат.). – Примеч. Дж. М. Ф.

ваться и двоиться в глазах, и ты приходишь к выводу, что монастырь, быть может, не такое уж скверное место.

Впрочем, не все обстояло так плохо: мадам была невероятно изобретательной любовницей, а человеку, имеющему за плечами опыт главного племенного жеребца и банщика мадагаскарской королевы Ранавалуны – там за плохое обслуживание клиентки тебя мигом сварят заживо или посадят на кол, – упражнения со Сьюзи покажутся детской забавой. Она, похоже, была без ума от них, но вот что странно: даже в моменты наивысшего наслаждения я подмечал, что ум ее занят еще чем-то помимо преходящих развлечений, если вы меня понимаете. Она в это время думала, что совершенно на нее не похоже. Вдобавок я ловил на себе взгляды, которые объяснял исключительно беспокойством за мою судьбу – знай я, что за ними кроется на самом деле, волновался бы за оную куда больше.

Выяснилось все на четвертый вечер. Мы коротали время перед ужином в салоне, и я напомнил Сьюзи, что мое пребывание в Новом Орлеане по-прежнему небезопасно, а до ее отплытия вверх по реке остается всего пара дней. Что я, дескать, стану делать, после их отъезда? Сьюзи в этот момент расчесывала волосы; она остановилась и поглядела на мое отражение в зеркале.

– А почему бы тебе не поехать со мной в Калифорнию? – спрашивает она сдавленным голосом и снова начинает орудовать гребнем. – Там ты сможешь сесть в Сан-Франциско на корабль... если захочешь.

У меня перехватило дыхание. Я весь извелся, ища способ слинять из Соединенных Штатов, причем даже не брал в расчет Новый Орлеан или порты восточного побережья – все мои устремления, как можете догадаться, были нацелены на северные штаты, – запад мне даже в голову не приходил. М-да, до него бог знает сколько тысяч миль... Впрочем, не так уж это и далеко, как кажется. Вы, быть может, возразите, но учтите – вам не приходилось улепетывать от охотников за рабами, аболиционистов, военно-морской полиции, разъяренных мужей и конгрессмена Линкольна, чтоб ему пусто было, и у каждого наготове виселица, чтобы вздернуть тебя, едва поймают. Когда попадаешь в такую передрыгу, любая лазейка кажется спасительной, а по моим прикидкам, путешествие инкогнито в караване Сьюзи выходило намного безопаснее, чем что-либо иное. Поездка вверх по реке будет рискованной, зато к западу от Миссисипи мне уже ничего не грозит... Месяца через три окажусь в Сан-Франциско и...

– А ты возьмешь меня? – вот первое, что сорвалось у меня с языка, прежде чем я успел хорошенько обмозговать предложение. Ее гребень стукнул по столу, а взгляд, который устремила на меня Сьюзи, был таким радостным, что кровь похолодела у меня в жилах.

– Возьму ли я тебя? – говорит. – Да конечно возьму! Я только не знала... захочешь ли. Но это самый безопасный путь, Бичемп, поверь мне! – Она отвернулась от зеркала и начала будто бы хватать ртом воздух и смеяться одновременно. – Ты не против... Хочу сказать, ты не возражаешь побыть со мной... еще немного? – Ее грудь вздымалась так, что ей грозил риск свалиться со стула, а губы трепетали. – Значит... значит, я не надоела тебе? Или... я настолько небезразлична тебе, чтобы... ну, чтобы ты согласился поехать со мной в Калифорнию?

Бог мой, именно так она и сказала.

– Я не безразлична тебе, правда? Ты же говорил, что да, и мне кажется...

Я совершенно механически пробормотал, что, конечно, она небезразлична мне; в уме моем зародились ужасные подозрения, и недаром – следующие ее слова подтвердили их.

– Не может быть... чтобы ты любил меня так же, как я тебя. Ах, нет, это невозможно, знаю! – Она одновременно смеялась и плакала, утирая слезы с глаз. – Ничего не могу поделаться с собой... Я просто дура, знаю, но я люблю тебя... И сделаю все, что угодно, только бы ты тоже полюбил меня! И пойду на все, чтобы удержать тебя... Мне подумалось... ну пони-

маешь, если мы поедem в Калифорнию вместе и все такое, то ты, быть может, и не захочешь искать в Сан-Франциско корабль, а?

Во взгляде ее светилось такое страстное желание, что мне сделалось страшно; последний раз такой взгляд я видел у моего папаши-сатрапа, когда доктора надели на него смири-тельную рубашку и убрали бренди подальше со стола.

– И мы сможем... быть вместе всегда. Быть может... быть может, ты женишься на мне, Бичемп?

III

Если первая половина искусства выживания заключается в способности быстро бегать, то вторая – в умении сохранять невозмутимое лицо. Даже не упомяну, сколько раз судьба моя зависела исключительно от того, как яотреагирую на некое неожиданное и ужасное предложение. Как в ту ночь, например, когда Якуб-бек настаивал на моем участии в самоубийственной попытке взорвать русские корабли с боеприпасами или когда Заптен с улыбочкой намекнул на необходимость голышом плыть через озеро к готическому замку, битком набитому головорезами Бисмарка, или когда Брук поручил мне возглавить штурм пиратского форта. О боже, в какие времена нам пришлось жить! Странно, конечно, но самым ярким подобным воспоминанием почему-то остается тот день в Рагби, когда Булли Доусон подкидывал нас, сопливых фагов, на простынях. Он плотоядно сцапал меня, но я преспокойно улегся в простынь, будто только о том и мечтал, хотя внутри все сжималось от страха; мерзавец был так изумлен, что в сердцах выгнал меня вон, в чем и заключался тайный мой расчет. Так что мне удалось избежать подбрасывания, в то время как остальные фаги налетались вдоволь.

А все-таки – и молодому поколению, прокладывающему себе путь, стоит взять это на заметку – нельзя уповать на одну только невозмутимость. Это дает понять, что вы размышляете, а иногда задумчивый вид говорит не в вашу пользу. Вот и теперь, со Сьюзи, был тот самый случай. Радостное согласие требовалось выказать быстро, но в то же время не поспешно, ибо если я с криком восторга заключу ее в объятия, она сразу почует подвох. В один миг в голове моей пронеслась череда мыслей приблизительно в следующем порядке: «1. Я уже женат; 2. Она об этом не догадывается; 3. Если не соглашусь, существует значительный риск, что мне укажут на дверь, хотя, быть может, и нет; 4. Если да, то меня повесят; 5. Итого: лучше всего покуда с благодарностью простереться у ее ног, а там посмотрим».

И все это за долю секунды, как уже сказано – временной промежуток достаточный, чтобы на два удара сердца взгляд мой принял удивленное выражение, сменившееся мгновенным радостным блеском в глазах, плавно перетекающим в восхищение; я нерешительно шагнул вперед, опустился перед ней на колени, нежно взял за руку и прохрипел недоверчиво:

– Сьюзи, ты и вправду хочешь этого?

Чего бы она ни ждала, но уж явно не такого развития событий; Сьюзи пристально вглядывалась в меня, колеблясь между надеждой и недоверием. Она ведь знала меня, знала, с каким законченным мерзавцем имеет дело, но в то же время всей душой хотела верить, что небезразлична мне, и я прекрасно понимал, как сыграть на этом. Не дав ей ответить, я улыбнулся, печально покачал головой и сказал:

– Дорогая Сьюзи, ты знаешь, что ошибаешься. Я не достоин тебя.

У нее, разумеется, имелось противоположное мнение, каковое она и высказала. Разгорелась небольшая дискуссия, ведение которой с моей стороны было затруднено тем, что голова моя оказалась меж двух ее вздымающихся холмов, да и аргументы свои она экстатически выкрикивала в полный голос. Я действовал с тонким расчетом, изображая океан страсти, сдерживаемый плотиной благородного сомнения в себе. Даже не знаю, твердил я, потому как никогда, да, никогда прежде ни одна женщина не одаривала меня истинной любовью, и при всех моих изъяснах я слишком тепло отношусь к ней, чтобы позволить совершить поступок, о котором ей, быть может, придется пожалеть. Можете себе представить, какая сопливая любовная чушь полилась из нее, пока я не счел момент удобным для нанесения *coup de grace*³⁰. Со сдавленным стоном: «Ах, моя дорогая!» и, будто не в силах сдерживаться

³⁰ Последний удар, так называемый «удар милосердия» (*фр.*).

более, я набросился на нее и от души задал ей жару прямо на банкетке. Бог знает, как она не развалилась, поскольку совместно мы запросто тянули стоуна на двадцать два.

Даже после этого я все еще качал головой; моя недостойная душа разрывалась между собственной испорченностью и робкой надеждой на то, что любовь прекрасной женщины спасет меня. Борьба не слишком затянулась, нужды не было: Сьюзи перешла черту и готова была убедить себя в чем угодно вопреки здравому смыслу. Вот что любовь способна сделать с человеком – впрочем, могу только предполагать, поскольку собственного опыта не имею.

– Я знаю, что дура, – говорит она, расчувствовавшись, – и понимаю – ты негодяй, способный разбить мне сердце... Но хочу попробовать. Я знаю, что небезразлична тебе, и постараюсь достичь большего. Любовь преодолевает все, – она всхлипнула, – и хотя мне сорок два, – куда там, все пятьдесят, скажу я вам, – и я немного старше тебя, это ничего не значит. И даже скажу – прошу, не осуждай меня, любимый, – даже в самом худшем случае тебе будет хорошо со мной, поскольку я способна сделать твою жизнь приятной, а не только подарить тебе всю свою любовь. Не стоит недооценивать материальных выгод – думаю, ты не стал бы жениться на мне, будь я без гроша за душой. Но ты меня знаешь, и если я говорю, что могу сделать миллион – это факт. Со мной ты станешь богатым и получишь все, что захочешь, и если ты говоришь «да» только поэтому, я не осуждаю тебя. Но все-таки надеюсь, – тут слезы опять хлынули у нее из глаз, она обхватила меня за голову, глядя по бакам, я же выглядел как сэр Галахад во время ночного бдения, – надеюсь, что ты все-таки достаточно любишь меня, и мы сможем быть счастливы вместе.

Вместо того чтобы изображать пылкость, я поступил мудрее: стащил с ее туалетного столика булавку и воткнул себе в ногу, чтобы выдавить слезу.

– Спасибо, Сьюзи, – тихо говорю я и нежно целую ее. – Но не надо плакать. Мне немного известно о любви, но я чувствую, – дальше следовал тяжкий вздох, – что не в силах отказать тебе.

И это, кстати, была святая истина, в чем я и признался часом позже Спрингу. Хотя того вряд ли можно было счесть человеком, с которым приятно обсуждать сердечные дела, на карте стояли наши шкуры, и ему стоило быть *au fait*³¹. Он пучился на меня, как вытщенная на берег акула.

– Но ты ведь женат! – кричит.

– Чш-ш! Не так громко. Она об этом не знает.

Глаза его расширились.

– Это многоженство! Боже Всемогущий, неужто для тебя нет ничего святого?

– Разумеется, и именно поэтому я не намерен продлевать свой союз далее приезда в Калифорнию, откуда...

– Я не допущу! – рявкнул он и в глазах его вспыхнул хорошо знакомый бешеный огонек. – Ты совсем забыл о приличиях? Потерял страх перед Господом, презренное животное? Как осмеливаешься ты попирать его священные законы, а?

По здравом рассуждении этого следовало ожидать. Хотя капитан Спринг доходил в своей эксцентричности до преступлений, на которые даже Нерон не отважился бы, он оставался фанатичным приверженцем формальных приличий вроде воскресной службы и после-полуденного чая. При первом признаке опасности он не моргнув глазом выкидывал за борт закованных в кандалы ниггеров, зато превращался в святошу, едва дело доходило до церковных гимнов, и под аккомпанемент его столь же завернутой супруги вся полупиратская команда «Бэллиол Колледжа» распевала «Господи, просвети разум наш». Все это следствие зубрежки «Тридцати девяти статей»³², даже не сомневаюсь.

³¹ В курсе (*фр.*).

³² «Тридцать девять статей» – изданный в 1563 г. документ, заложивший основы религиозной доктрины англиканской

– А что мне оставалось делать? – оправдывался я, пока он расхаживал по комнате, распинаясь про адские муки и несовершенство системы общественного образования. – Старая перечница дала понять, что если я не соглашусь, она тут же свистнет «пигов».³³ Разве не видите: если буду гладить ее по шерсти, мы будем путешествовать без опаски, а потом прощай, миссис Уиллинк. Или Комбер, если на то пошло. В противном же случае нам прямой путь на виселицу!

Я едва не сболтнул, что уже проделывал такое раньше, с герцогиней Ирмой из Штракенца, но посмотрел на него и предпочел промолчать.

– И зачем только позволил я ступить тебе на борт «Колледжа»?! – вопил он, размахивая руками. – Ты же ходячая куча гнили, *porcus ex grege diaboli*!³⁴

Но Спринг не настолько спятил, чтобы не видеть резона, и постепенно успокоился.

– Ладно, – говорит он, окинув меня самым испепеляющим из своих взглядов, – раз ты такой меднолобый, то да смилуется Господь над твоей душой. Чего не случится. Ба! С какой стати это должно меня заботить? Остается воскликнуть вместе с Овидием: «*Video meliora proboque, deteriora sequor*»³⁵. А теперь убирайся с глаз моих!

Но он меня напугал, должен признаться. Даже теперь я опасался: вдруг в его чокнутых мозгах шевельнется какой-нибудь винтик, и он выложит Сьюзи, что ее суженый уже является мужем и отцом? Поэтому я был озабочен и озадачен, когда Сьюзи пригласила нас с ним на ужин *à trois*³⁶ в своем салоне. С самого начала еду нам приносили исключительно в наши комнаты, да и к тому же я знал, что первоначальное положительное мнение Сьюзи о Спринге изменилось не в лучшую сторону. Я кинул ей пару намеков на то, какая он свинья, да и, поскольку ему никогда не удавалось более-менее долго скрывать свой очаровательный характер, у нее вскоре начало формироваться собственное суждение.

– Небольшой праздник, – заявила она, когда мы расположились в ее салоне. – Смеем предположить, капитан, что Бичемп уже сообщил вам радостную новость?

И она лучезарно улыбнулась мне. На ней был самый лучший наряд, смотревшийся чудовищно-вульгарно, но, должен признать, выглядела Сьюзи ничуть не старше возраста, на который претендовала, и была очень мила. К моему облегчению, Спринг включился в игру и пожелал ей счастья – про меня он забыл, и если выглядел не таким благодушным, как Пиквик, то, по крайней мере, держался вежливо и не бил посуду.

Да уж, бывал я на обедах и повеселее этого. Сьюзи в кои-то веки нервничала, что я списал на счет девичьей застенчивости. Она щебетала про цены на рабов, стоимость перво-классных желтых и про то, что кубинский рынок подскочил в последние дни до небес, и про изнеженных красавиц окторонок³⁷, совершенно не пригодных к использованию в ее ремесле. Спринг более-менее поддерживал разговор, и они живо обсуждали, дает ли скрещивание коренных африканцев с мулатками наиболее крепкий товар – самая подходящая тема под пудинг. По прошествии времени речь его становилась все более сбивчивой и невнятной. «Неужто это выпивка так подействовала?» – подивился я. Тут капитан вдруг тяжело вздохнул, взгляд его остекленел; он ухватился за подлокотники кресла, как бы намереваясь встать, и рухнул лицом прямо в бланманже.

церкви.

³³ «Свиней», то есть полицейских. Очень любопытный пример того, как сленг способен повторяться спустя века. Считалось, что этот термин является порождением 1960—1970-х гг. и был в ходу по преимуществу у протестных групп. На деле же он существовал еще в дофлэшменовские времена, но затем исчез из жаргонного употребления более чем на столетие. (Комментарии редактора рукописи).

³⁴ «Свинья из стада дьявола» (лат.). – Примеч. Дж. М. Ф.

³⁵ «Доброе вижу и приемлю, но следую дурному, которое призираю» (лат.). – Примеч. Дж. М. Ф.

³⁶ На троих (фр.).

³⁷ То есть имеющих одну восьмую часть негритянской крови.

Сьюзи посмотрела на меня, приложив к губам указательный палец. Потом встала, приподняла его лицо из месива и посмотрела зрачок. Голова его вновь свалилась, как у набитой опилками куклы, лицо сделалось пунцовым.

– Отлично, – говорит она. – Брут!

Перед моим изумленным взором появился дворецкий, а за ним следом двое здоровенных детин в матросских бушлатах. Подчиняясь кивку Сьюзи, они подняли Спринга из кресла и, не говоря ни слова, выволокли его из комнаты. Сьюзи вернулась на место и отпила глоток вина, потешаясь над моим удивлением.

– Превосходно, – заявляет. – Ведь в наши расчеты не входит, чтобы он портил нам наш медовый месяц, не правда ли?

На мгновение я оцепенел.

– Ты ведь не сдашь его фараонам? Он же выдаст нас! Ей-богу, Сьюзи, он так и сделает...

– Если у него и представится такая возможность, то только где-нибудь в Кейптауне. Не думаешь же ты, что я способна на эдакую глупость? Или на подобное с ним обращение? – Она рассмеялась и похлопала меня по руке. – Капитан такого не заслужил: не может быть совершенно плохим человек, покончивший с Питером Омохундро. Кроме того, если бы не этот твой Спринг, разве я заполучила бы тебя? Но он сразу не пришелся мне по душе – прежде всего потому что не желал тебе добра. Я видела, как он смотрел на тебя и бормотал что-то на своем итальянском, или каком там еще, языке.

– Так что, – Сьюзи радостно улыбнулась, – я перемолвилась словечком с кое-какими добрыми друзьями – без них в моем бизнесе не обойтись, поверь мне. И вот ко времени, когда наш капитан очнется, перед ним откроется перспектива длительного морского путешествия, которое полностью излечит его от тяжелой головной боли. Ну же, не гляди так испуганно: он не первый из тех, кто не по своей воле отправился из этого дома в далекий путь, говорю тебе!

Что ж, с одной стороны, это здорово, но с другой – пища для размышлений. По совести, мне сложно было придумать для Дж. Ч. Спринга место лучше палубы какого-нибудь «купца», где здоровенный помощник капитана будет пинать нашего друга под зад, пока тот на карачках надраивает палубу. Впрочем, зная моего приятеля, ко времени подхода к Столовой горе он сам заделается помощником, если не выше. Конечно, лучше было бы отправить его кормить рыб, но разве не должно нам довольствоваться тем, что ниспослало нам провидение, и быть благодарными за это? Зато открытие, что моя без пяти минут супруга способна проворачивать такие жестокие дела, было слегка пугающим. Вот она сидит передо мной – раскрасневшаяся, благоухающая и цветущая; выбрав виноградину, она макает ее в шербет и отправляет мне в рот, сопровождая угощение любящим поцелуем, по силе способным сравняться с доброй пощечиной. А не долее пары минут назад она же вырубил приглашенного на обед гостя, не дав ему даже кофе испить. Мне пришло в голову, что разрыв наших семейных уз в Калифорнии необходимо будет серьезно подготовить, без суеты и спешки, иначе не миновать мне оказаться на каком-нибудь корыте, идущем в Сидней, а то и полететь во Фриско Бэй с переломанными ногами.

Нет, лучше не думать об этом. Я всегда знал, что, хотя Сьюзи питает необоримую слабость к молодым парням с большим оружием, она в то же время женщина с характером: своих рабынь-шлюх держит в ежовых рукавицах, обращаясь с ними хорошо, но без сантиментов. Но хладнокровие, с которым она отнеслась к расправе с Омохундро или опоила Спринга только потому, что тот оказался у нее на пути, говорило о ее способности действовать более жестко, чем я ожидал. Так что я опять влип: оставалось ехать в Калифорнию или попасть под жернова ее мстительности, и лучше уж первое. Если правильно стасую колоду, могу даже прибыть домой с изрядным кушем, чтобы там вдобавок пожать плоды трудов безвременного усопшего Моррисона. При везении я смогу воссоединиться со своей дорогой Элспет по про-

шествии примерно восемнадцати месяцев – время достаточное, чтобы скандал с Брайантом давно улегся. И нет ни малейшего шанса, что Сьюзи сумеет выследить сбежавшего супруга – ей известно, что я англичанин, и ничего более, поскольку Спринг по понятным причинам предпочел не раскрывать истинного лица Бичемпа Миллуорда Комбера. Так что все прекрасно.

Избавившись от неприятных воспоминаний о Спринге, которого, с бородой в заварном креме, волокут под руки двое дюжих парней, я целиком обратился к своей нареченной, поздравив ее с тем изящным способом, которым она вернула капитана в ряды торговых моряков, и выразил свое восхищение и уважение, целиком и полностью ею заслуженные.

– Ты и впрямь не жалеешь? – спрашивает она. – Я понимаю, все произошло несколько неожиданно, но с какой стати тащить капитана с собой, с этой его постной рожей и жуткими пустыми глазами? Пряма змея какая-то! Джейк с капитаном Роджером позаботятся о нем, и давай забудем об этом. Теперь нас только двое, не правда ли? – Она уселась мне на колени, обняла за шею, поцеловала игриво и с обожанием посмотрела мне прямо в глаза. – Ах, Бичи, как я счастлива с тобой! Ну, ты уже наелся? Не хочешь ли на десерт немного фруктов? Думаю, хочешь. – Она захихикала, взяла персик, подразнила меня им, потом уронила за вырез платья, прямо между грудями. – Ну же, будь хорошим мальчиком, скушай его!

* * *

Мы отправились вверх по реке спустя два дня, и если вам не доводилось наблюдать, как переезжает бордель, то вы пропустили незабываемое зрелище. Весь домашний скарб был спущен вниз, чтобы разместиться на дюжине подвод, а два десятка шлюх под бдительным надзором хозяйки выстроились со своим багажом в холле. Меня никто туда не приглашал, но я наблюдал за всем из салона через дверную щель, и никогда не доводилось мне видеть картины умильнее. Все девицы были одеты в скромнейшие кринолины и подвязанные под подбородком чепчики – прям ученицы воскресной школы – и беспрерывно болтали друг с другом, замолкая, только когда Сьюзи по очереди подходила к каждой, чтобы сверить имена и уточнить, не забыла ли девица что из своих пожитков.

– Клаудия... Взяла свой саквояж и шляпную картонку? Отлично. Зубы почищены? Очень хорошо, дай-ка взгляну. Мария, это лучшие твои перчатки? Готова поклясться, что нет, так что смени их сию же минуту. Нет-нет, не надевай черные бархатные, гусыня, мы же на пароходе поедem! Так, теперь ты, Клеония... О, я же говорила, что белое тебе идет лучше всего? Ты выглядишь прямо девственницей... Почему ты сейчас – по тридцать? Так вот, теперь тебе цена все пятьдесят, если я что-то понимаю в своем деле. Нет, Афродита, не надо сдвигать чепчик на затылок. Я знаю, что ты так привлекательнее, но ведь это не то, что нам сейчас нужно, не так ли, дорогая? Ты юная путешественница леди, а не товар в витрине магазина... Вот, так лучше... Выпрямись, Стефания, ничто так не портит женщину, как сутулость... Жозефина, у тебя слишком короткое платье, удлинись его, как только поднимемся на борт. И не дуйтесь на меня, мисс, ваши лодыжки не станут толще, если их прикрыть! Так, внимание всем: плечи назад, головы чуть склонены, руки сложены... Правильно... Глаза опустить! Отлично... Молодцы!

Довольная, она прошла вдоль шеренги и обратилась к ним:

– Теперь, детки, слушайте меня внимательно. На пароходе, да и всю дорогу до Калифорнии, вы будете вести себя как юные леди – я имею в виду настоящих леди, а не тех, о которых мы тут имеем обыкновение говорить ради ублажения джентльменов, слышите? Держитесь всегда парами и не поощряйте никаких знаков внимания со стороны мужчин. А их вам на пути будет встречаться множество, так что будьте начеку. Вы не должны обращать внимания на мужчин, заговаривающих с вами, отвечать им, смотреть на них. Ясно?

– Да, миз Сьюзи, мадам, – их голоса похожи были на хор райских птичек, такие нежные и чистые.

– Тем более у вас даже *в мыслях* не должно быть привлекать внимание мужчин самим. Вы понимаете, о чем я. И имейте в виду: о том, как зацепить взгляд мужчины я даже забыла больше, чем вы когда-нибудь научитесь, так что если поймаю кого за этим делом, всыплю шесть ударов тростью, вот так! Вы не работаете, пока мы не доберемся до Калифорнии, ни одна! И никакого приватного флирта, понятно?

– Да, миз Сьюзи, мадам, – на этот раз хор звучал уныло.

– Ну вот, вы хорошие девочки, я знаю. Иначе не были бы тут, – Сьюзи улыбнулась и обвела взглядом строй, больше всего напоминая директрису пансиона, раздающую награды за учение. – Я горжусь всеми вами. Но никому из вас никогда не доводилось выезжать за пределы Авлина³⁸. Да, Медея, я знаю, что вы с Эжени были в Гаване, но вам ведь нечасто приходилось выходить на улицу? Сейчас – совсем другое дело, и смею сказать, в пути вас ждут различные соблазны и испытания. И если вы преодолеете их, то по приезде в Калифорнию будете получать только лучших джентльменов, и никого более. Будьте хорошими девочками, и каждой из вас я обеспечу достойную жизнь, вы понимаете, что это значит. – Она замолчала, приняв строгий вид. – Но если какая-нибудь дрянная девчонка вздумает своевольничать или *не подчинится*... И глазом не успеет моргнуть, как отправится вниз по реке, и это вам тоже известно. Кое-кто из вас еще помнит Поппею, не так ли? Так вот, *эта* непокорная штучка в эту самую минуту корчится под плетью на хлопковых плантациях Томбигби и проклиная тот день. Так что имейте в виду.

– Да, миз Сьюзи, мадам, – прозвучал шепот, а кто-то даже всхлипнул.

– Вот и отлично, и не будем больше об этом. Пока. Не плачь, Мария, я знаю, *ты* – хорошая девочка. – Сьюзи резко хлопнула в ладоши. – По экипажам. Не бегать, не болтать. Брут присмотрит, чтобы ваш багаж погрузили в фургон.

Зачарованный лицезнением этой восхитительной шеренги у стены, внимавшей речи Сьюзи, я непроизвольно выпянул из дверей салона. Одна из шлюх, наверное, Афродита – угольно-черная деваха с распутными глазами, заметила меня и толкнула локтем подружку. Они отвели взгляды и зажали рты, чтобы не захихикать. Отступить было поздно: я стал спускаться по лестнице, и Сьюзи заметила меня как раз в тот миг, когда давала команду разойтись.

– Погодите-ка, девочки! – Она улыбнулась мне и помахала рукой. – Вам следует знать – это ваш новый хозяин... или скоро станет таковым. Поприветствуйте мистера Бичемпа Комбера, девочки! Вот так, хорошо!

Взяв Сьюзи под руку, я небрежно кивнул, произнеся: «Леди!» – и двадцать чепчиков склонились ко мне, а двадцать грациозных фигурок присели в полупоклоне. Святой Георг, я старался не смотреть на них, иначе захлебнулся бы слюной! Все цвета и оттенки, от эбенового до кофейного, кремового и почти белого, все размеры и формы: маленькие и высокие, дородные и худенькие, гибкие и пухленькие – любая так и просилась в иллюстрации к «Арабским ночам». Они перешептывались и переглядывались, а Сьюзи сжала мою ладонь.

– Ну разве они не прекрасны? Это наше состояние, любимый!

Одна из девиц промедлила секунду, наказывая Бруту, как обращаться с ее попугаем в клетке:

– Помни, его нельзя трясти, не так ли, мой маленький голубочек?

У нее был легкий креольский акцент, приятный голос, и ее поза и плавные жесты при разговоре с Брутом подсказали мне, что она рисуется перед своим новым боссом. Кремового оттенка кожа, белоснежный кринолин и чепчик, сдвинутый достаточно, чтобы видно было необычным образом уложенные, с пробором посередине, черные как вороново крыло

³⁸ Новый Орлеан (*местн. диалект*).

волосы. Личико невинное, как у святой, зато легкая, неслышная поступь выдавала в ней ту еще штучку.

– Хмм, – протянула Сьюзи. – Это Клеония. Если бы она вовремя не вышла вон, я бы решила, что у нее что-то на уме. Думаю, надо при случае поучить ее тростью... Впрочем, стоит ли осуждать ее за заботу о том, кто ей дорог, не правда ли, дорогой? Знаешь, сколько может она принести нам за год? – Пятнадцать тысяч долларов, а то и больше, причем без особых забот. Но впрочем... – она чмокнула меня и подмигнула. – Нам пора в путь. Мы же не намерены заставлять такого важного джентльмена дожидаться нас, а?

Что это за джентльмен, я узнал, когда мы поднялись на борт стоящей у пристани «Королевы чоктавов». Было это сразу после наступления сумерек – мы решили, что мне не стоит подвергаться риску, и поэтому я старался не показываться на публике при свете дня до тех пор, пока мы не достигнем Вестпорта. Сьюзи зафрахтовала всю техасскую палубу³⁹ парохода, оказавшегося небольшим суденышком с гребным колесом на корме; пробравшись сквозь груды ящиков и спящих туда-сюда пассажиров – я с высоко поднятым воротником и в надвинутой на брови шляпе, – мы взошли по трапу, миновали склонившегося в поклоне кондуктора и оказались на своей палубе, поспешив к отведенному лично Сьюзи салону. В нем ярко горели свечи, на столе сияли хрусталь и серебро, наготове стояли чернокожие лакеи, а оркестр скрипачей наяривал вовсю. Краснорожий здоровяк-капитан, при форме и баках, поцеловал Сьюзи ручку и радушно поприветствовал меня; рядом суетился, приторно улыбаясь, священник, а еще двое парней делали умный вид, поигрывая перьями и бумагой.

– Так-так, замечательно! – восклицает шкипер. – Добро пожаловать на борт, миз Уиллинк, и вам, сэ'! Как видите, м'дам, все готово – достопочте' Хуткинс, уважаемый мистэ' Грейс из муниципии, и клерк!

Он обвел салон рукой, и я понял, что коварная ведьма взяла меня тепленьким; она сладко улыбалась мне, капитан хлопал по плечу, магистрат начал с вопроса, действительно ли я – Бичемп Комбер, холостяк, в здравом уме и твердой памяти, а клерк зашуршал пером по бумаге. Потом мы поставили свои подписи – рука Сьюзи дрожала, – а маленький судовой священник стал перелистывать свою книгу и прочищать горло.

– К-хм! Сьюзан Уиллинк, вдова... и Бошамп, так, кажется? Правильно Би-чемп, да? Мы собрались здесь пред лицом Господа и этих почтенных свидетелей, дабы... священный союз... произведение потомства, да, конечно... пока смерть не разлучит вас... У вас есть кольцо, сэ'р? Нет? У *леди* есть кольцо, так-так... Новенькое... Будьте добры, передайте его ему, а вы, сэ'р, возьмите руку невесты...

В ушах моих звенят колокола штракенцкого собора, я вдыхаю аромат ладана, чувствую тяжесть коронных бриллиантов и ощущаю ледяную ладонь Ирмы... Потом она обращается вдруг в ладонь Элспет, горячую и твердую, а за плечом стоит коротышка Эберкромби, приглядывавший, чтобы я не удрал от алтаря. Слышится возбужденный шепот Моррисона: «... Не будь тута достаточно экипажей для тетушек и кузин, мы бы чирр-товски славно прогулялись до свадебного завтрака...» И вот я уже подглядываю за обнаженной королевой Ранавалуной, пока служанки совершают ее ритуальное омовение – церемония эта не относилась к свадебным торжествам, но оказалась первым этапом к моему соединению с этим черным чудовищем... Ко мне поворачивается лицо Ирмы, холодное и гордое, ее губы слегка касаются моей щеки... Элспет сияет улыбкой, ее золотистые кудри скрыты свадебной фатой, алые губки раскрываются навстречу моим... Сумасшедшая черная горилла с глухим рыком срывает с себя платье и хватает меня за причиндалы... Даже не знаю, с какой стати в голове мелькали эти видения прежних моих бракосочетаний – видимо, в основе своей я все-таки весьма сентиментальный малый. Теперь же на меня смотрит пухлое личико Сьюзи,

³⁹ Верхняя палуба речного парохода.

скрипачи стараются вовсю, шкипер с магистратом хлопают и выкрикивают поздравления. Ниггеры-лакеи снуют с подносами, к потолку взлетают пробки, Сьюзи прыскает со смеху, когда капитан галантно заявляет о праве поцеловать невесту, а маленький священник лопочет, что, мол, разве одну только рюмочку... нет-нет, закуски не надо...

Но больше всего запала мне в память не эта неожиданная церемония и не обязательные экстатические упражнения на роскошной кровати под картиной, на которой Пан с подобающим случаю любострастием пожирает взглядом увивающихся вокруг него нимф, и не железные объятия Сьюзи, сонно бормочущей в тысячный раз: «Миссис Комбер... миссис Бичемп Миллуорд Комбер», – нет-нет, ничего подобного. Мне запомнилось, как, дождавшись, пока она уснет, я вышел, и стоя у поручней тexasской палубы, окутанной бархатом ночи, курил чируту, окидывая взором маслянистые воды реки и проплывавшие мимо очертания Батон-Ружа. Огромное кормовое колесо мерцало в свете звезд, как волшебный фонарик, на восточном берегу виднелись далекие огни города, из центрального салона на нижней палубе доносились приглушенные звуки музыки и смеха. Я неспешно прошел назад и посмотрел вниз, на открытую главную палубу – и то, что услышал и увидел тогда, так ярко отпечаталось в моей памяти, словно все происходило только вчера.

От края до края обширное пространство было заполнено поклажей и людьми, напоминающими в свете фонарей те темные силуэты на голландских картинках: вот пара черномазых распевает вполголоса, присев на корточки у борта, вот двое коммивояжеров обсуждают сравнительные достоинства своих саквояжей, а вот несколько матросов, расположившихся на переходном мостике, травят байки. Но таких было меньшинство. Большинство же – а это сотни и сотни, – состояло или из молодых людей, разбившихся на компании и оживленно беседующих между собой, смеясь чересчур громко, или из семей – мать кутается в шаль, охраняя сон прикорнувших среди корзин и баулов детишек, а отец либо сидит молча, погруженный в раздумья, либо в сотый раз проверяет, все ли их пожитки на месте, либо прислушивается, качая головой, к болтовне молодых спутников. Вроде все, как обычно, за исключением какого-то странного нервного возбуждения, витавшего над этой переполненной палубой, подобно магнетическим волнам. Я ощущал его, не понимая причины, поскольку не знал тогда, что это не просто пассажиры, а настоящие эмигранты, первая волна того могучего потока, который хлынул в дикие дебри, создавая Америку; исполненные страхов, надежд и сомнений, люди отправлялись на поиски своего эльдорадо, не будучи даже способны объяснить вам, что именно толкнуло их на этот шаг. Отец семейства переживал, Джек с Джимом были переполнены воодушевлением, а мать совсем выбилась из сил, но все они стремились на поиски приключений.

Какой-то глава семейства стоял в толпе, сгрудившейся в два ряда у поручней, устремив сосредоточенный взор на запад, переносясь мысленно через эти тысячи миль, гадая, что ждет их там и не лучше ли было бы остаться в Питтсбурге? Одиноким парни в мятых шляпах и джинсах подобными сомнениями не страдали – по крайней мере, не подавали вида, – они весело передавали по кругу бутылку, а один выводил под мелодион⁴⁰:

*Эй, скажи-ка, дружок, есть ли рома глоток?
Дуда-дуда, ду-да!
Я тебе бы налил, у самого кабы был,
Ду-дади-да, ду-дэй!*

Потом, хлопая и топая, его приятели подхватывали припев:

⁴⁰ Небольшой аккордеон.

*Ветер мчится, фью-фью!
В Калифорни-ю!
Говорят, там край богатый!
Золота! – гребь лопатой!
В Сакраменто – о-оу!*

Теперь уж вы эту песенку вряд ли услышите, разве что на корабле, поднимающем якорь, да и сомневаюсь, что в ней прозвучит та же интонация бесшабашной надежды, которую слышал я там, у Батон-Руж. Ее и тогда приняли неоднозначно: «А не заткнулись бы вы?» – кричали желающие выпастся, на что оптимисты отвечали дружным: «Убирайтесь к чертям, хотим петь – и поем!» Потом заплакал ребенок, и певцы угомонились, ворча и пересмеиваясь. Вспоминая про тот случай, я всегда испытываю странное чувство: в ту ночь мне даже и в голову не приходило, что у меня, у Сьюзи и наших шлюх, козь уж на то пошло, есть хоть что-то общее с этой сгрудившейся на главной палубе толпой, но на самом деле, сами того не зная, мы оказались частью одной, чертовски многочисленной компании, которая в наши дни уже вошла в фольклор. Следом за нами пришли миллионы, но мы были людьми «сорок девятого года».

Впрочем, дорога в бессмертие еще терялась в расплывчатом будущем. Бросив окуроч за борт, я сказал сам себе: «Мне наплевать, чего хотят остальные; я направляюсь домой. Да, дорога будет длинной, и пусть это будет „Калифорни-ия!“ – тоже не возражаю. Если по пути получится разжиться кое-чем, особенно за счет этой жирной потаскухи, удовлетворенно посапывающей в каюте, я тоже не против – должна же она расплатиться со мной за те многочисленные экзерсисы, что я устроил – и еще, без сомнения, устрою, прежде чем наше путешествие подойдет к концу. Способы пересечь Америку встречаются и похуже». Так по наивности своей думал я. Будь у меня хоть немного здравого смысла, я последовал бы за окурком своей чируты и рискнул бы шкурой, уходя от врагов, рыскающих в поисках меня по всей долине Миссисипи.

IV

За бутылку кларета в отеле «Плантатор» в Сент-Луисе просили в том году пятнадцать долларов, а пить его было все равно что глотать воду из лужи, в которую помочились мулы – даже в Дамском клубе Лондона вино лучше. Но ничего другого пить было нельзя из опасения подцепить холеру: люди в Сент-Луисе мерли, как мухи, весь город провонял касторкой и горящим битумом; трупы валялись прямо на улицах, а единственным местом, перенаселенным более нашего «Плантатора», являлось кладбище – да и удобства для размещения там были, наверное, не хуже.

Но не только эпидемия тревожила меня: не далее как несколько недель назад весь Сент-Луис был увешан объявлениями с обещанием награды в сто долларов и подробным описанием моей персоны с примечанием, что я обладаю «благородными манерами» и говорю с «иностранным акцентом», чтоб им провалиться. Но «Королева чоктавов» не шла дальше, и нам не оставалось ничего иного, как целый день ждать парохода, который отвезет нас вверх по Миссури до Вестпорта. Пришлось мне сойти на берег, что я проделал без особого риска, прикупив за пару центов «патентованную противохолерную маску, гарантирующую полную безопасность от инфекции». Вырядившись на манер грабителя с большой дороги, я прошмыгнул в апартаменты «Плантатора».

В отеле я получил очередное доказательство твердого характера моей новоиспеченной супруги, а заодно и глубины ее кошелька. Вы не поверите: она заказала полдюжины комнат, и когда менеджер узнал, что в четырех из них размещаются двадцать черных шлюх, у него началась истерика. «Гром и молния, – орал он, – я утоплю все вокруг в крови, но не допущу, чтобы мои комнаты марали черномазые девки, и не важно как они выглядят и сколько стоят!» К несчастью для него, Сьюзи успела расселить их по комнатам и сунуть ключи в свой ридикуль прежде, чем менеджер спохватился. В нашей прихожей произошла знатная заварушка – я держался подальше от глаз, спрятавшись в спальне. Сьюзи заявила, что ее «юные леди» ни под каким видом не будут размещаться в бараках с рабами с плантаций и тому подобной швалью, не говоря уж о карантине; ей удобнее сунуть ему в карман сто долларов и забыть об этом. По мне, так пусть ночевали бы и в бараках, но это ее деньги; поупиравшись, менеджер согласился и вышел, пробурчав напоследок, чтобы «юные леди» ради репутации его отеля не покидали своих комнат.

Но учитывая шум, стоявший в перенаселенной гостинице, запах серных окуриваний и страх, что какой-нибудь остроглазый парень узнает в мистере Комбере пресловутого похитителя рабов Тома Арнольда, я испытал необыкновенное облегчение, когда следующим вечером мы погрузились на миссурийский пакетбот. Я наконец швырнул за борт осточертевшую противохолерную маску – среди пассажиров хватало рослых иностранцев с акцентами на любой вкус, как обладающих благородными манерами, так и без оных. Пароходик был много меньше и грязнее «Королевы чоктавов», и девушкам пришлось ютиться в третьем классе, вместе с бродягами, чернорабочими, шулерами и прочим фронтирным сбродом. Сьюзи выбрала из этой публики четверых самых здоровых и уродливых и щедро заплатила им за то, чтобы те не давали девочек никому в обиду – и, к моему удивлению, все четыре дня до пристани Канзас-Лендинг они только этим и занимались. Первый же пьяный, попытавшийся облапать одну из шлюх, был без лишних церемоний выброшен за борт, и шулеры, похохатывая, бились об заклад, выплывет он или утонет. После этого наших магдалин оставили в покое, но все равно путешествие для них получилось не из приятных, даже под навесом, натянутым для защиты от брызг и тумана, и, сходя на берег, они представляли собой жалкую кучку растрепанных и грязных дешевых потаскух. Мы со Сьюзи разместились в тесном и душном салоне

на техасской палубе, где помимо нас похрапывали еще два десятка торговцев и вдовушек, но я вовсе не сетовал на отсутствие уединения – мне требовался отдых.

Слышал, что в наши дни Канзас-Сити вобрал в себя всю округу, но в те дни Лендинг, Вестпорт и Индепенденс были самостоятельными населенными пунктами, отделенными друг от друга лугами да перелесками. И я сильно удивлюсь, если сегодняшний город населяет больше людей, нежели собралось их тогда, в сорок девятом, на десятимильном пространстве от Индепенденса до реки. Их было тысячи: в палатках и под навесами, в домах и бревенчатых лачугах, под деревьями и кустами, в тавернах и лавках, в конюшнях и загонах – необъятная копошащаяся масса всех сортов и цветов кожи. В прежние годы мне доводилось видеть реку Сингапур, но это ничто по сравнению с Вестпортом и Индепенденсом. Все разделяющее их расстояние было заставлено фургонами, подводами и экипажами, превратившими размокшую от недавнего дождя землю в непролазное месиво; между ними бродили мулы, волы и лошади, аромат пота и навоза наполнял воздух, но это все не шло ни в какое сравнение с шумом.

Создавалось впечатление, что каждый второй дом в городе представляет собой кузницу, конюшню или склад: звон сотен молотов, визг пил, стук топоров, скрип колес, глухие удары перегружаемых тюков и ящиков; возницы щелкают кнутами, выкрикивая: «Дорогу, эй, дорогу!», бригадиры распоряжаются, дети плачут; голоса тысяч мужчин и женщин смешиваются воедино со всей этой ужасной какофонией, отражаясь от стен зданий и постепенно теряясь в окрестных лесах.

Смею предположить, что это показалось бы пустяком спустя год или два, когда золотая лихорадка достигла пика и половина Европы хлынула в Америку в погоне за удачей. Но было похоже, что той весной в Канзас-Сити собрались представители всех сословий Северной Америки, готовые тронуться по великому западному пути. Белые, черные и желтые рабочие, загорелые охотники и бледные клерки, честные эмигранты и искатели приключений; замученные женщины в передниках и с корзинками прицениваются к овощам, шлепая орущих детей, цепляющихся за их юбки; краснорожие торговцы в цилиндрах жуют табак, засунув большие пальцы за расшитые жилеты; солдаты в высоких сапогах и синих брюках, потягивают пиво, побросав на стол сабли; мексиканцы в серапе и сомбреро с огромными полями перегоняют караваны мулов; повсюду фермеры в соломенных шляпах; скорняки с мотками бичей на плече; бородатые пройдохи в кожаных штанах, расшитых бисером и с двухфутowymi ножами «боуи» на бедре болтают между собой на языке, в котором я с изумлением узнал шотландский гэльский; мегеры с горящими глазами выглядывают из дверных проемов своих лачуг; испанские наездники в пончо и беретах с перьями, с парой кремневых пистолетов, засунутых за пояс; группа индейцев под деревьями: лица причудливо размазаны, за кушаками топоры, копья составлены в козлы; молчаливые равнинники в меховых шапках и отделанных бахромой куртках с бизоньими ружьями и рогами для пороха; парень из охраны дилижансов с двумя шестизарядниками в кобурах на бедре и двумя пятизарядниками на ремне, с револьверной винтовкой и тесаком, вдобавок из-за голенища торчит нож, а из рта – зубочистка. А вот невероятно худой и древний охотник с седой бородой до пояса, облаченный в потертый костюм из замши и низкую шляпу, с «гвоздильной» винтовкой, перекинутой поперек мула, медленно едет по улице, глядя вперед неподвижным взором, словно факир в трансе, а покорная сква держится за стремя. Они медленно пробиваются через толпу забулдыг, носильщиков, босоногих ребятишек, развязных, шумных и пестрых путешественников-французов, коммивояжеров, лавочников, пронырливых янки, плантаторов, жуликов, речников, трапперов, старателей и прочего честного люда, недоумевая, с какой стати занесло их в этот Вавилон? И это картина, которая предстала передо мной только за первую милю нашего пути.

Но постойте-ка: кто этот отчаянный парень с лихими баками, к которым так идет шляпа с загнутыми полями и рубака из замши с бахромой, с новеньким патентованным кольцом, болтающимся на мужественной заднице, и в отличных сапогах, облегающих стройные голени? Может ли это быть кто-то иной, кроме как «Арапахо» Гарри, гроза прерий? Этот зоркий огненный взгляд, должно быть, становится жестким и решительным, когда Гарри слышит боевой клич или замечает вставшего на задние лапы гризли, но в данный момент, когда наш герой поторапливает пропылившихся шлюх грузиться в экипаж, взор его добр и ласков, а благородные черты озаряет снисходительная улыбка. Отметьте ту грациозность, с какой он скромно занимает место возницы рядом с разряженной в пух и прах зрелой дамой – своей тетушкой, без всякого сомнения, – мастеровито щелкнув вожжами, трогает повозку и... только что вышедшее из мастерской сооружение по оси увязает в вязком иле. Шлюхи визжат в испуге, тетушка – как, это его жена, говорите? – хватается за поручни, оправляя наряды, но наш бывалый фронтирщик, невозмутимый, за исключением пары смачных ругательств, от коих щеки его спутниц покрываются румянцем, не теряет в опасной ситуации: за пару центов ему удастся нанять целую шайку бездельников, которые выталкивают экипаж на твердую почву. Дорога на запад полна испытаний, и путь до Калифорнии не близок.

Но по крайней мере, нам предстояло путешествовать не абы как. Выбравшись из толчеи, мы миновали Вестпорт и проплыли сквозь море палаток и фургонов на пути до Индепенденса. Последний оказался приятным местечком с парой шпилей и зданием муниципалитета с колокольной, составлявшей предмет бескрайней гордости горожан. Там нас встретил прославленный полковник Оуэнс – жизнерадостный старикан в клетчатых штанах, с объемистым брюшком и мудрыми глазами. Он был крупным торговцем и получил подряд на снаряжение каравана Сьюзи. Оуэнс со своими парнями препроводил нас в лавку, налил мне шерри-коблера⁴¹ и засновал, расшаркиваясь, перед клиенткой, уверяя, что наше путешествие через прерии окажется просто приятным пикником.

– Вы убедитесь, мэм, – заявляет полковник, задрав лодыжки на стол и дымя сигарой, – все исключительно по высшему разряду. Ваше здоровье, сэр. В самом деле, мэм: шесть питтсбургских фургонов, все самые новейшие; тридцать пар добрых волов, дюжина мулов и самый первоклассный дорожный экипаж работы Хайрема Янга⁴²: патентованные спицы, ручная роспись, мягкие сиденья, водонепроницаемый корпус, повышенные удобства. На самом деле, – тут он хитро подмигнул, – это не что иное, как новейший почтовый дилижанс, но Хайрем сделал для меня исключение. В самом деле – более удобного и элегантного транспорта вам и в Бостоне не найти. Разве не так, ребята?

Ребята закивали головами, добавляя вполголоса, что почтовая компания просит по две с половиной сотни с человека за трехнедельный безостановочный перегон до Санта-Фе. Как, мол, насчет этого?

– Мы намерены проделать этот путь за три месяца, – отвечает Сьюзи. – Да и фрахт по десять центов за фунт поклажи – изрядно дороговат. Уж не говоря про полсотни долларов

⁴¹ Напиток из хереса с сахаром, лимоном и льдом.

⁴² Чернокожий мастер Хайрем Янг являлся выдающимся каретником и экспертом по транспорту в Индепенденсе. Полковник Оуэнс был одним из уважаемых жителей этого города. Рейсы дилижансов до Санта-Фе открылись примерно в это время, и вполне возможно, что один из новейших дилижансов был в частном порядке продан каравану Сьюзи, и по самой высокой цене, без сомнения, поскольку Оуэнс не преувеличивал, описывая их достоинства. Но скоростное путешествие на них сулило все, кроме комфорта. Полковник Генри Инман в своей книге «Старая дорога на Санта-Фе» (1896) описал свои ощущения от этой безостановочной поездки, когда лошадей меняли через каждые десять миль, чтобы поддерживать высокую скорость. К тому же оно происходило намного позже, когда территория стала не столь опасной и покрылась сетью почтовых станций, и доехать из Вестпорта до Санта-Фе стало возможно за две недели – при условии, что погода и индейцы не помешают. Упомянутая Флэшменом экипировка из *четырёх* револьверов и многозарядной винтовки была обычной для охраны дилижансов. (Комментарии редактора рукописи).

на каждого возницу и охранника, которые к тому же окажутся прожорливыми, как волки, если я что-нибудь понимаю в делах.

– Еще бы, мэм, – хмыкает полковник. – Голова у вас варит как надо, да и к тому же она еще и весьма прелестна, смею заметить. Но хорошие парни не стоят дешево, а, ребята?

Ребята клятвенно заверили, что так и есть: еще бы – хороший пастух способен сделать две сотни за неделю, не уходя на запад дальше Биг-Блю.

– Я не пастухов нанимаю, – отрезает Сьюзи. – Я щедро плачу надежным парням, способным постоять как за себя, так и за меня.

– И вы получите самых лучших, мэм! – с жаром восклицает полковник. – Однако мне по нраву ваш подход! Ваше здоровье, мистер Комбер! В самом деле: восемь сопровождающих с револьверной винтовкой и парой патентованных кольтов каждый – это сотня выстрелов без перезарядки! Целый полк не обеспечит лучшей защиты! Полк? Да что я говорю: трое из этих парней прошли Мексиканскую войну⁴³ вместе с Керни – закаленные ветераны, все до единого. Не так ли, ребята?

Ребята застучали себя в грудь: даже неизвестно, что стала бы делать армия, не будь у нее этой троицы. Я обронил, что огневая мощь впечатляет, и предложил перейти к обсуждению прочего снаряжения. Мне в глаза бросилась висящая на стене афиша:

«Эй! Постойте! Внимание!

Калифорнийцы!

*Почему бы среди прочих нужных вещей не захватить с собой надгробные памятники и монументы? Заказав мемориальные принадлежности нью-йоркской работы прямо сейчас, вы экономите кучу денег!!!».*⁴⁴

Полковник посерьезнел и потребовал еще коблера.

– Индейцы последние десять лет жутко бесчинствовали, сэр, прям беда, – мрачно заявляет он. – В самом деле, эти краснокожие сукины дети... Ах, простите мой поганый язык, мэм! Впрочем, при таких многочисленных конвоях эмигрантов, движущихся на запад, я не вижу повода для беспокойства. Спасение в числе, не правда ли, мистер Комбер? К тому же племена сейчас ведут себя на редкость мирно, да, ребята?

Ребята и припомнить не могли такого спокойствия: вся дорога до Скалистых гор – что воскресная прогулка, все индейцы либо откочевали, либо занялись мирным хозяйством, либо передохли от холеры. (Последнее, кстати, было весьма близко к истине.)

Сьюзи поинтересовалась насчет проводника, напомнив полковнику, что просила самого лучшего. Наш хозяин хлопнул себя по коленке и просиял.

– Вот *тут* уж вы можете быть совершенно спокойны, мэм. В самом деле, не сойти мне с этого места!

И ребята одобрительно загудели, хотя их мнения еще никто и не спрашивал.

– Это мистер Уильямс? – говорит Сьюзи. – Мне в особенности советовали именно его.

– Ну, мэм, боюсь, что старина Билл еще нечасто спускается с гор в эти дни. – Ребята принялись наперебой уверять, что старина Билл сейчас ушел на запад с Фримонтом. – Боюсь, Фицпатрика с Бекуортом нам тоже на найти, но поверьте: вы о них и думать забудете, едва увидите того, кого я нанял! Он согласится встретиться с вами и принять командование, конечно.

Полковник кивнул ребятам, один из которых вышел на крыльцо и гаркнул: «Ричи!»

⁴³ Имеется в виду американо-мексиканская война 1846–1848 гг.

⁴⁴ Рекламная афиша в лавке полковника Оуэнса являлась, видимо, одной из версий объявления, появившегося в газете «Нью-Йорк Геральд» в декабре 1848 года, где эмигрантам давали советы по приобретению оборудования для золотодобычи, а заодно и надгробных памятников. (Комментарии редактора рукописи).

– Командование? – вскидывается Сьюзи. – Все необходимые команды будет отдавать мой муж! – Признаюсь, я вздрогнул. – Он ведет караван, и проводник будет получать свои деньги за то, что будет исполнять его приказы. Тоже мне, выдумали!

Оуэнс посмотрел на ребят, те посмотрели на Оуэнса, потом все вместе уставились на меня.

– Ну, знаете, мэм, – с сомнением протягивает полковник. – Без сомнения, мистер Комбер – человек больших способностей, но...

– Он офицер английского флота, – заявляет Сьюзи. – И вполне привычен командовать, не правда ли, любимый?

Я кивнул, но заметил, что руководство караваном – работа особая, и существует, вне всякого сомнения, множество людей, более подходящих для нее, нежели я. И это было святой правдой, помимо того, что у меня не имелось ни малейшего желания следить за охранниками или препираться с пьяными возницами в то время, как можно с комфортом прохлаждаться в расписанном вручную водонепроницаемом дилижансе. Видя мое сомнение, жена уставилась на меня круглыми глазами, интересуясь, неужели я соглашусь получать указания от какого-нибудь вшивого возчика? Я что-то замямлил в ответ, полковник тем временем потребовал еще коблера, а ребята тактично пялились в потолок. И тут в лавку входит – мне даже показалось, что всплывает, совершенно бесшумно – эдакое огородное пугало, которое Оуэнс представляет как нашего проводника, мистера Вуттона.

До меня донесся изумленный возглас Сьюзи. Да, он был вшивым, наверняка и не брился уже давненько, а костюм из замши выглядел так, будто его стянули с покойника и носили не снимая целый год. Да и вид у него, когда он стащил с головы шляпу и уставился в пол, тоже был не слишком уверенным. Когда полковник сообщил ему, что капитаном каравана буду я, проводник подумал немного, а потом говорит тихим, хрипловатым голосом:

– Жантельмену приходилось водить караваны?

– Нет, – отвечает полковник, и ребята переглянулись и закашлялись.

Этот урод поскреб затылок и спрашивает:

– Жантельмену приходилось бывать в индейской стране?

– Нет, – отвечают они.

Он молчал добрую минуту, по-прежнему не поднимая глаз, потом говорит:

– У жантельмена нету опыта?

Тут один из ребят рассмеялся, и я почувствовал, что Сьюзи вот-вот взорвется. Мне тоже надоело служить посмешищем для этих деревенщин. Видит Бог, у меня не было желания командовать ее караваном, но всему есть предел.

– У меня имеется кое-какой опыт, мистер Вуттон, – говорю я. – Мне приходилось быть начальником штаба армии – генерал-сержантом черномазого сброда Мадагаскара, но им это знать не обязательно. Я служил в Индии, Афганистане, на Борнео. Но у меня нет особого желания...

Тут Вуттон поднял нечесаную голову и посмотрел на меня. Слова застряли у меня в горле. Глаза у этого оборванного ничтожества светились синим огнем, а взгляд был уверенным и твердым. Потом он отвел взор. Я решил – Вуттона нельзя отпускать. Наша поездка может оказаться пикником в прериях, но от его присутствия хуже никому не будет.

– Дорогая, – обращаюсь я к Сьюзи, – быть может, вы и полковник простите нас с мистером Вуттоном. Нам надо поговорить.

Я вышел на крыльцо, и Вуттон поплыл следом, не глядя на меня.

– Мистер Вуттон, – приступаю я. – Моя жена желает видеть меня во главе каравана, и она всегда получает что захочет. Так вот: я, конечно, не ваш Старый Билл Уильямс, но и не

гринхорн⁴⁵ какой-нибудь. Я не претендую *на роль* капитана каравана, но вы ведь проводник, и все будет делаться по-вашему. Вы шепнете мне, а я озвучу приказ всем. Вам же за это будет лишняя сотня в месяц. Что скажете?

Деньги-то ее, в конце концов. Он молчал, поэтому я продолжил:

– Если вас смущает то, что подумают ваши друзья, когда увидят вас под началом у новичка...

Он поднял на меня свои голубые глаза и не отводил их. Жутко неуютно. Вуттон продолжал молчать, видимо, размышляя о чем-то, потом говорит:

– Там увидим, думаю. Не пропустите со мной по плоточку?

Я согласился, и он подвел меня к двум привязанным мулам, искоса следя, как я взбираюсь в седло. Ха, о верховой езде я забыл больше, нежели он когда-либо помнил; мы порысили по улице, потом мимо палаток и фургонов к Вестпорту и прибыли к большой лачуге с выведенной на вывеске золотыми буквами надписью: «Последний шанс». Торговля там просто кипела. Ричи прикупил баклажку, и мы поехали к рощице. Всю дорогу он был погружен в свои мысли, время от времени бросая на меня взгляд, но не произнося ни единого слова. Мне было плевать – погода стояла отличная, я радовался поездке и наслаждался зрелищем: в лесу несколько охотников палили из винтовок по невидимой цели. Когда мы подъехали поближе, я увидел, что они «забивают гвозди». Для этого требуется с пятидесяти шагов попасть в торчащий из дерева гвоздь с широкой шляпкой. Его надо вогнать целиком, что при пуле диаметром с горошину само по себе непросто.

Завидев их, Ричи хмыкнул, и мы проехали совсем рядом с группой стоявших у дерева с гвоздями охотников, отзывавшихся на каждый выстрел свистом или кошачьими завываниями. Ричи спешил.

– Не будете любезны посидеть минутку? – спрашивает он, указывая мне на пень с учтивостью придворного из Версаля; даже баклажку поставил рядом.

Я присел и стал ждать, хорошенько промочив горло – это оказался ром первой перегонки, ей-богу, – а Ричи тем временем разговаривал со своими приятелями-охотниками: в мокалинах и рубашках с бахромой – по большей части, и дочерна загорелыми да бородатыми – все без исключения. Только когда некоторые из них стали посматривать на меня, обмениваясь репликами на своем варварском «плаг-а-плю»⁴⁶, в котором от нормального английского почти ничего не осталось, я сообразил, что эти скоты дают ему *советы* в отношении *меня*, подумать только! Ей-богу, я едва не сорвался, но тут вся компания направляется ко мне. Рожи ухмыляются, а вонища – святой Георг! Я вскочил на ноги, собираясь уйти, но замер, словно молнией пораженный, потому как первый – зачуханный верзила в непромокаемой шляпе и леггинсах, был одет не во что иное, как в мундир английского лейб-гвардейца, потертый, но вполне сохранившийся. Я присмотрелся получше: точно, обмундировка «оловяннобрюхих»⁴⁷, без дураков.

– Эгей, приятель, как здоров? – кричит чучело.

– Откуда, черт возьми, вы взяли этот мундир? – спрашиваю.

– Ты ж англичанин, – ухмыляется он. – Ладно, расскажу. Эту вон одежонку дал мне один из твоих. Шотландский малый, баронет, что ли, или как его там – ну, вроде лорда, не знаешь? Звать Стюарт. Ну, разве не мировой парень? Он мог загнать вон тот гвоздь с закрытыми глазами.

⁴⁵ Гринхорн – новичок (*жаргон Дикого Запада*).

⁴⁶ Дialect охотников Скалистых гор, получивший свое название от сочетания двух бывших в большом ходу у трапперов слов: «plug», означающего плитку жевательного табака, и «plew» – цельная шкурка бобра.

⁴⁷ «Оловяннобрюхие» (Tin-Bellies) – прозвище английских гвардейцев Тяжелого драгунского полка.

Охотник оценивающе глядел на меня, теребя бороду, и мне почему-то захотелось вдруг, чтобы моя кожаная куртка не выглядела такой чертовски новенькой.

– Ричи толкует, что не знает, как и быть, коли тебя поставят капитаном каравана.

– В самом деле? Так скажите Ричи...

– Мистер, – говорит он, – вы знаете, что это?

И показывает мне предмет, напоминающий по виду скрученную кожу.

– Ясно дело – это вяленое мясо. А теперь...

– Не спеши-ка, приятель, – продолжает чучело, подступает поближе и подмигивает мне, как десятилетний мальчишка. – Мы ж тогда засмеем старину Ричи. Скажи-ка: какой длины тебе понадобится веревка, чтобы привязать мустанга на ночь?

Я едва не посоветовал ему убираться к дьяволу, но он снова подмигнул, да и видок у него был как у человека, которого не так просто послать куда подальше. Да и что мне оставалось делать? Стоит повернуться спиной к этим бородатым фиглярам, так они животики надорвут от смеха.

– Зависит от мустанга, – говорю. – И от травы, и как долго ты ехал, и где ты находишься, и сколько в тебе мозгов. Два фута, может, три.

Он прямо зашелся от хохота, хлопая себя по ляжкам, а одетые в кожу парни зашушукали, глядя на Ричи. Тот стоял, опустив голову, и слушал. Допрашивавший меня говорит:

– Ну, все ясно, как катехизис.

В нем читалось такое довольство собой и такая очевидная насмешка над Ричи, что я решил вступить в игру.

– Следующий вопрос, пожалуйста, – говорю я.

Он всплеснул руками.

– Эй, вы поглядите-ка. Бойкий паренек! Представь: это ночной лагерь. Я – часовой. Что, по-твоему, я сейчас делаю? – Он посмотрел на куст ярдах в двадцати от нас, отошел на несколько шагов в сторону, посмотрел снова, потом вернулся ко мне. – Чой-то странное, не находишь, приятель?

– Ничуть. Ты наблюдаешь за кустами. За всеми кустами. Если после наступления темноты куст окажется не там, где должен быть, ты выстрелишь в него. Потому что там прячется индеец, не так ли? Мы то же самое проделывали в Афганистане – самый тупой солдат знает эту уловку.

– Ух ты! – просветлев, восклицает охотник и хлопает Ричи по плечу. – Ну вот, парень! А этот малый забавный, помни мое словцо. Чо теперь?

Ричи молча смотрел, погруженный в свои мысли. Потом медленно кивнул; все замшевые парни обменялись тычками, а мой мучитель просиял от удовольствия. Ричи хлопнул меня по револьверной кобуре и вытащил из кармана кусочек ткани, затем направился к дереву и стал цеплять клочок на полувбитый гвоздь. Мой рослый приятель хмыкнул и покачал головой. Я мигом смекнул, чего от меня хотят, и решил задать им жару. Эти придурки вдоволь поизмывались надо мной, пришло время поставить мастера Ричи на место.

Из-за пояса у верзилы торчал нож, и я в мгновение ока выхватил его. Это был «грин ривер», лучший нож в мире; именно такой был у Ильдерим-Хана, когда он с дьявольским терпением учил меня тому трюку на Кабульской дороге почти десять лет тому назад. Пока Ричи мостил мишень, я метнул нож. Глаз малость подвел меня: в цель я не попал, зато едва не снес ему ухо. Ричи уставился на дрожащие рядом с ним лезвие, а долговязый клоун зашелся в смехе. Замшевые дружки едва на землю не падали, надрывая животы – сдается, прищипил я его через затылок к дереву, это для них была бы самая веселая шутка.

Под хохот дружков Ричи вытащил нож и плавно заскользил ко мне. Посмотрел своими решительными голубыми глазами, перевел взгляд на длинного⁴⁸, потом произнес своим мягким хрипловатым голосом:

– Меня зовут Дядя Дик. Сотня сверху, говорите, кэп?

Охотники разразились криками «ура» и воплями: «Да здравствует Вирджиния! Береги скальп, Дик!» Я кивнул, сказал, что жду его на рассвете, отвесил элегантный поклон и без дальнейших рассусоливаний поскакал обратно в Индепенденс – как видите, разыгрывать из себя немногословного человека мне тоже по силам. Но я вовсе не тешил себя мыслью, что доказал свою пригодность в качестве вожака каравана или нечто в этом роде. Все мои достижения, проявленные благодаря эксцентричному поведению нашего знакомого в мундире «оловяннобрюхих», сводились к тому, что я не зеленый новичок, и Вуттон, служа под моим началом, не теряет лица. Странные типы эти фронтирщики – бесхитростные, но проникательные и настолько же простые, насколько сложные – очень похожи на детей. Но меня радовало, что Вуттон станет нашим проводником: будучи сам прирожденным мерзавцем и трусом, я с первого взгляда способен вычислить порядочного человека – а уж этот был одним из самых лучших.⁴⁹

* * *

Три дня спустя мы двинулись на запад. У меня нет желания отнимать у вас время многословными описаниями путешествия – с ними вы можете ознакомиться у Паркмена или Грегга, если хотите, или из второго тома моего собственного объемистого труда «Дни и странствия солдата». Впрочем, он, по моему мнению, не многого стоит, да и скандал с участием Д'Израэли и леди Кардиган описывается только в томе третьем.

Зато попробую рассказать вам о том, о чем ни слова нет у Паркмена и прочих – это о том, что значило «двинуться на Запад» в «ранние годы».⁵⁰ О том, чего мы и сами не осозна-

⁴⁸ На протяжении всех своих мемуаров Флэшмен никогда не упускает возможности «козырнуть именем». В этой связи удивительно, что он так и не удосужился разузнать, как звали фронтирщика в мундире лейб-гвардии, устроившего ему из-за Вуттона такую экзаменовку. Почти не подлежит сомнению, что это был знаменитый скаут Джим Бриджер. Известно, по крайней мере, что он получил в дар от своего друга, шотландского спортсмена и путешественника сэра Уильяма Драммонда Стюарта, кирасу и каску лейб-гвардейца, и существует рисунок, на котором Бриджер облачен в них. Вполне естественно предположить, что мундир также достался ему в подарок и сохранился до 1849 г. Находился ли Бриджер в Вестпорте в конце мая – начале июня 1849 г., доподлинно неизвестно; ходили слухи, что он купил там в 1848 г. участок земли и провел следующую зиму в западном форте, носившем его имя. О передвижениях Джима в последующие месяцы достоверных сведений не сохранилось. В середине июня 1849 г. он точно был в форте Бриджер – эмигрант по имени Уильям Келли оставил в своем дневнике запись о встрече там с великим скаутом. Вполне возможно, что до этого Бриджер мог побывать в Вестпорте. Нарисованный Флэшменом портрет высокого, добродушного и терпеливого человека очень подходит под описание Бриджера, так что мы вправе сделать вывод, что Флэшмен, сам того не зная, повстречал именно этого легендарного героя Дикого Запада. См.: Г.М. Додж «Джеймс Бриджер» (1905); Дж. Сесил Олтер «Джеймс Бриджер» (1925); а также М.Р. Портер и О. Дэвенпорт «Шотландцы в оленьих рубахах» (1963). (*Комментарии редактора рукописи*).

⁴⁹ Суждение Флэшмена было совершенно верным. Уступая в славе Карсону или Бриджеру, Риченс Лэйси Вуттон, известный также под прозвищем «Дядя Дик», не имел себе равных среди трапперов, скаутов и бойцов с индейцами тех дней. Всю свою жизнь провел он среди прерий и гор, и вполне вероятно, что никто лучше него не знал тропу Санта-Фе. Доброжелательный и немного эксцентричный, он носился с идеей организации на этой тропе, в проходе Ратон на границе между Колорадо и Нью-Мексико, пункта по сбору дорожной пошлины. Вуттон вел разведку дороги через возвышенность, и хотя ему пришлось приложить немало усилий, убеждая путешественников в необходимости этого пункта («я не опасуюсь сопротивления со стороны индейцев... по мере их продвижения пункт будет переноситься им вслед, и все прочие мелочи, к которым можно прибегнуть, чтобы поторопить их, я осуществлю быстро и весело»), затея эта окончилась провалом. Он дожил до глубокой старости, и память о нем увековечена на табличке, прибитой к скале в том месте, где современное шоссе пересекает возвышенность Ратон. См. книгу Инмана; а также «Дядя Дик Вуттон» Г. Л. Конарда (1890). (*Комментарии редактора рукописи*).

⁵⁰ «Ранние годы». Употребление этого термина Флэшменом в предыдущих пакетах вызвало такое количество вопросов читателей, что есть, похоже, смысл посвятить ему отдельный комментарий. Другая литературная аллюзия известна из книги Этельреды Льюис «Торговец Горн», где термин соотносится с 1870-ми годами на Берегу Слоновой Кости. Мой

вали тогда, не то, наверное, никогда бы и не отважились. Гляньте-ка на карту сегодняшней Америки: вот она раскинулась, вся цивилизованная (если не говорить о людях) от моря до моря. Вы можете домчаться на поезде от Нью-Йорка до Фриско, ни разу не выйдя из вагона и не замочив ног. Можете даже последовать моему примеру: выглянуть в окошко своего «пульмана» на перегоне Этчисон-Топека, когда будете пересекать Уолнат-Крик, и постараться разглядеть следы, которые оставил наш фургон пятьдесят лет тому назад. Вы будете проезжать обширные города, возникшие там, где раньше была лишь голая прерия, и увидите колоссящиеся поля на месте пастбищ, заполненных многими тысячами бизонов. Что далеко ходить: в прошлом году я попивал кофеек на веранде дома в одном маленьком городке в Колорадо – милое местечко: церковь с колокольной, школа, зерновой элеватор, даже самодвижущийся экипаж у парадных ворот. А когда я увидел «городок» в первый раз, всю его архитектуру составлял обгоревший фургон, а население – оскальпированная семья переселенцев.

Откройте карту Америки. Нашли Миссисипи? А Канзас-Сити, чуть левее от реки? В сорок девятом году к западу от этого города не было ничего. Да и карты самой *не было*, коли на то пошло. *Сейчас* вы можете заявить, что перед пионерами сорок девятого простиралось более двух тысяч миль прерий, лесов, гор и полноводных рек – но нам все это было неизвестно. Да, все были знакомы с положением Скалистых гор и вообще с топографией местности, но посмотрите-ка на земли, которые сейчас занимают северный Техас и Оклахома. В сорок девятом верили, что там находится мощная горная гряда, преграждающая путь на запад, тогда как на деле территория эта плоская, что твоя шляпа. Ходили слухи о несуществующей «Великой американской пустыне». Впрочем, пустыня есть, да еще какая, только дальше к западу – об этом тоже никто не догадывался.

Я сказал, что карты не было, но, безусловно, охотники и старатели исходили те края вдоль и поперек. Это чокнутый ублюдок Фримонт⁵¹ ринулся в отчаянную экспедицию и числился, согласно всем сведениям, среди безнадежно пропавших. Примите в расчет, что не прошло и шестидесяти лет с тех пор, как один сумасшедший шотландец-траппер⁵² *впервые*

отец употреблял его, говоря об истории поселений в Восточной Африке. Надо полагать, он использовался для обозначения «периода первопроходцев» и являлся частью имперского жаргона, давно вышедшего из моды. Применение этого термина Флэшменом неизменно соотносится с первой половиной XIX века, чаще всего с сороковыми годами. (*Комментарии редактора рукописи*).

⁵¹ Джон Чарлз Фримонт (Фремонт) (1813–1890) – американский путешественник, военный и государственный деятель. В конце 30-х и 40-е годы XIX в. провел ряд исследовательских экспедиций на малоисследованные земли к западу от Миссисипи. Добытые им сведения сыграли большую роль в освоении Запада. В 1849 году издал «Путеводитель для эмигрирующих в Калифорнию».

⁵² Несколько высокомерная характеристика одного из столпов освоения Нового Света, сэра Александра Маккензи (1755–1820), первым пересекшего материковые земли Северной Америки в 1793 г. Но заявление Флэшмена о размытости представлений об американском Западе, даже в середине прошлого века, вполне соответствует действительности. Капитан (впоследствии генерал) армии США Р.Б. Мерси, сопровождавший эмигрантов от форта Смит в нижнем течении Арканзаса до Санта-Фе в 1849 г. писал в своем рапорте, что ему были сообщены «совершенно неверные» сведения о предстоящем маршруте. «На лучших из карт, какие мне удалось разыскать», были обозначены горы и пустыня, о которых говорит и Флэшмен. На деле они находились совсем не там, и Мерси пишет, что никогда не видел местности, более подходящей для путешествия на фургонах (см. рапорт Мерси о поездке Южным маршрутом в т. XIV «Документов сената»: 1-я сессия 31-го Конгресса, 1849–1850). Также не стоит сильно винить Флэшмена за утверждения, что территория за Миссисипи в целом была плохо изучена. Маршруты Санта-Фе и Орегонский были исхожены вдоль и поперек, трапперы и торговцы со времен Маккензи и Льюиса с Кларком проникали в самые отдаленные уголки континента, американская армия совершала марши к Мексике и Тихому океану по южным дорогам, но для эмигрантов этот край оставался *terra incognita*. У редактора есть две карты, выполненные очень уважаемыми географами в период между 1845 и 1853 гг. – западные территории нанесены на них совершенно неверно. И даже Американский атлас Джонсона и Уорда 1866 г. издания, на взгляд современных картографов, показался бы крайне причудливым документом. При рассмотрении Запада на всех трех этих картах создается ощущение вопиющей необжитости страны, ее огромные пространства размечены только реками, горами и эпизодически встречающимися фортами и поселениями. Но тут нельзя упускать из виду, насколько внезапно возник американский Запад. Мы не погрешим против истины, утверждая, что за пятьдесят лет совершенно дикая территория превратилась в обжитую местность. Вполне вероятно, что кое-кто из пересекавших прерии ребенком во время золотой лихорадки успел дожить до того, чтобы смотреть программу об освоении Запада по телевизору. Но даже это не сравнится с теми печальными чувствами, которые испытывал старина Бронко Чарли Миллер, проезжая мимо заправочных станций и кинотеатров там, где

пересек Северную Америку, и вы поймете: понятие о землях к западу от Мисс' оставалось весьма расплывчатым.

Взгляните еще раз на карту и сделайте в памяти зарубку, что за Вестпортом не существовало такой вещи, как дорога. Там имелись две так называемые «тропы», представлявшие собой всего лишь проложенную фургонами колею – тропа Санта-Фе и Орегонская. Но оставим дороги, подумайте о реках и проходах. Арканзас, Симаррон, Дель-Норте, Платт, Пикетуайр, Колорадо, Канейдиан – чарующие названия рек; Глоризета, Ратон, Южный Проход – это проходы. Там не было поселений, заслуживающих этого названия. Да, Санта-Фе, если вы до него доберетесь, показался бы вам *городом*, не спорю, но за ним до Сан-Диего, Фриско и прочих городов западного побережья не было ничего. Лучшее, что можно было рассчитывать найти в этом промежутке, это несколько Богом забытых фортов и торговых постов: Бент, Таос, Ларами, Бриджер, Сент-Врен и еще пара штук. Муки адовы, я проскакал через Денвер, не зная, что там когда-то возникнет город!

О да, тогда это было неизведанным, по крайней мере для нас – миллионы квадратных миль пустоты, которую нелегко было бы пересечь, даже будь она воистину пустой, учитывая тамошние пылевые бури, засухи, наводнения, пожары, горы, снежные лавины по семьдесят футов в высоту, циклоны и прочее. Но пустота вовсе не была необжитой; нельзя сбрасывать со счетов несколько тысяч исконных ее обитателей, называвшихся шайены, кайова, юта, сиу, навахо, пауни, шошоны, черноногие, команчи и апачи. Особенно апачи. Но даже они являлись для нас не более чем звуком, и на Востоке существовало поверье – такое у меня создалось впечатление, – что опасность со стороны индейцев сильно преувеличена.

Как видите, мы отправлялись в путь в блаженном неведении, но прежде чем продолжить, давайте еще раз взглянем на карту, чтобы профессор Флэши закончил свою лекцию. Видите реку Арканзас и Скалистые горы? До сороковых годов прошлого века они фактически образовывали западную и юго-западную границы США. Потом началась война с Мексикой, и американцы прихватили всю ту площадку, которую имеют сегодня. Так что по пути в Калифорнию нам предстояло пересечь земли, три четверти из которых всего несколько месяцев назад были мексиканскими, да и оставались таковыми во всем, за исключением имени.⁵³ Некоторые называли их Индейской территорией, и отнюдь не привирали, кстати.

Вот что поджидало нас, наивных дурачков, и если вы находите выражение излишне резким, вам стоит понаблюдать за тем, как готовится к отбытию караван Комбера. Мне не в новинку было иметь дело со скотом и конвоями, но поставить на колеса бордель – это нечто особенное. Посетив место его изначальной *дислокации*, вы даже и не подумали бы, что там столько вещей – увидев гору добра, сваленного на пристани, я не поверил своим глазам. Грузчики с ног сбились, переноса его с парохода на берег.

Начнем с того, что все шлюхи везли с собой туалетные столики, зеркала и шкафы, набитые шелками, сатинами, сорочками, подштанниками, шляпками, чулками, туфельками,

когда-то скакал почтальоном службы «Пони-экспресс». (Комментарии редактора рукописи).

⁵³ Краткое резюме Флэшмена в отношении американо-мексиканской войны и пересмотра границ нуждается в небольшом дополнении. До 1845 года западная граница США проходила по рекам Сабин и Ред-ривер, окаймляющим Техас, затем поворачивала строго на север к Арканзасу и, следуя ему, к Скалистым горам. Далее граница шла по Континентальному водоразделу вплоть до рубежа Канады, проходящего по 49-й параллели. В 1845-м Техас был аннексирован, а в следующем году, в результате соглашения с Англией, Орегон сделался полностью американским. В результате Мексиканской войны (1846–1848 гг.) Мексика вынуждена была уступить США территории к северу от рек Рио-Гранде и Хила. Таким образом, практически установились границы США, существующие и по сей день. Единственное изменение произошло в связи с так называемым Приобретением Гэдсдена в 1853 г., когда Штаты купили участок между Хила и современной границей Мексики. Так что во времена Флэшмена именно Рио-Гранде и Хила обрамляли владения США, если можно назвать их владениями – американские власти только-только начали появляться на уступленных территориях, да и сами границы были окончательно установлены лишь с завершением работы Комиссии по границам в начале 1850-х гг. Не менее справедливым является замечание Флэшмена, что Нью-Мексико по характеру оставался совершенно мексиканским. (Комментарии редактора рукописи).

подвязками, лентами, бижутерией, косметикой, париками, масками, перчатками и еще бог знает чем. Помимо этого было еще несколько необъятных сундуков, загруженных тем, что Сьюзи называла «снаряжением» – если бы такой сундучок открылся невзначай на людях, не избежать нам расспросов полиции. Просвечивающиеся штанишки и шелковые плетки являлись самыми безобидными в коллекции – там имелись даже красные плюшевые качели и «электрический матрас», так что судите сами.

– Сьюзи, – говорю, – я еще не созрел, чтобы отвечать за сохранность такого груза. Боже правый, да тут сам Калигула покраснел бы! Видно, в Орлеане тебя посещали довольно причудливые клиенты, а?

– Мы не сможем приобрести все это в Сакраменто, – отвечает она.

– И даже в самом Вавилоне! – заявляю я. – Ты посмотри: два фургона нужно отвести под продукты. Нам нужны мука, чай, сухофрукты, бобы, кукуруза, сахар и прочее для прокормления сорока ртов на протяжении трех месяцев, иначе мы закончим тем, что съедим все атласные рейтузы и корсеты с рюшечками!

Она попросила меня соблюдать приличия, а также погрузить все: не можем же мы-де, открывать заведение, в котором не будет все по высшему разряду. Так что пришлось распахивать по фургонам изящное постельное белье, занавески с фестонами, ковры, кресла, шезлонги, переносные ванны, пианино с подсвечником и ящиком нот. Ах, да, еще четыре канделябра, хрустальные абажуры, курительницы, соли для ванн, духи, нюхательный табак, сигары, сорок ящиков бургундского (я шепнул чокнутой бабе, что вино не выдержит путешествия), картины фривольного содержания в позолоченных рамах, запаянные банки с сыром, рахат-лукум, мыло, помаду и в довершение ко всему коробочку с опиумом и клетку с попугаем Клеонии. Закончилось тем, что нам пришлось нанять два дополнительных фургона.

– Дело стоит того, – отмела мои протесты Сьюзи. – Все это инвестиции, милый, и мы получим с них прибыль, вот увидишь.

– Если предположить, что золотые поля населены сплошь извращенными поэтами-лягушатниками, мы вообще сделаем головокружительную карьеру, – отвечаю я. – Слава богу, нам хоть не предстоит встреча с таможенной.

Другую головную боль представляли собой шлюхи. Хотя Сьюзи и держала их в ежовых рукавицах и одевала, как учениц благотворительной школы, даже младенец догадался бы, что это за птички. Все цветущие красавицы как на подбор, они не могли заставить себя ходить или сидеть как подобает монашкам. Стоило бросить один только взгляд на статную черную фигуру Афродиты, прихорашивавшейся перед ручным зеркальцем, или на резвущую Клаудию, расчесывающую кудри, или на Жозефину, томно восседающую на ящике и с удовлетворением разглядывающую свои очаровательные ножки, или на Медею с Клеонией, собирающих луговые цветочки, укрывшись под зонтиками от солнца, или на облокотившуюся на фургон аппетитную Эжени, обводящую всех знойным взором и обмахивающуюся веером, чтобы понять: нет, это вовсе не девочки из церковного хора. Наблюдая за возчиками и охранниками, которых нанял для нас Оуэнс, я приходил к выводу, что нам было бы безопаснее путешествовать даже с грузом золотых слитков.

На вид эти парни производили вполне приличное впечатление: половина в замшевых рубашках, некоторые в полинялых синих армейских мундирах, все до единого на хороших конях и вооружены до зубов винтовками и револьверами. Заводилой среди них был подвижный, крепко сбитый ольстерец с рыжеватыми бачками и мягким, бархатистым выговором. Представился он мне как Грэттен Ньюджент-Хэр, «через дефис, сэр; это мелочь, понимаю, но я привык к ней». На рукаве у него виднелось темное пятно на месте содранных шевронов, а слезая с лошади, он напоминал тюленя, соскальзывающего со скалы. «Джентльмен – солдат, – решил я, – выходец из мелких ирландских джентри: сельская школа, был вхож в

Дублинский замок⁵⁴, как пить дать, но денег на офицерский патент не нашлось. Весьма приятный, славный парень с ленивой улыбкой и длинным носом».

– Ты был с Керни, обращаюсь я к нему. – А до этого?

– Десятый гусарский, – отвечает он.

– Цепочечный десятый!⁵⁵ – не сдержался я.

Его сонные глаза распахнулись. Уж этот мой дурацкий язык!

– Ну да. А вы, как говорят, джентльмен из флотских, мистер Комбер? То есть, пардон, я хотел сказать, капитан. – Ирландец дружелюбно кивнул. – Знаете, глядя на ваши бакенбарды, я уже решил, что вы тоже из кавалерии. Да, видать, ошибся.

Я насторожился – глаз у парня оказался острый. Меньше всего мне хотелось встретить старого знакомого из английской армии. Впрочем, Десятый гусарский мне был известен разве что по имени, и это успокаивало.

– И как далеко на запад вы зашли с Керни? – спрашиваю.

– До реки Хила... это за Санта-Фе, знаете? Так что для меня те края не в новинку. Но вы, насколько понимаю, идете до самой Калифорнии, причем с леди. – Он бросил взгляд мне за спину, посмотрев, как Съюзи загоняет своих подопечных в фургоны, и ухмыльнулся. – Чтоб мне лопнуть, милашки хороши, как молодые крольчихи на лугу, честное слово!

– Такими они и должны оставаться, мистер Ньюджент-Хэр...

– Зовите меня Грэттен, – сказал он, похлопав мустанга по морде. – Я буду двигаться по дороге перед вами, мистер Комбер. Как понимаю, вы хотели сказать, что через несколько недель мои парни могут разгорячиться, и тогда эти очаровательные юные девицы – простите за выражение, сэр, – окажутся в опасности? Не стоит, сэр, не стоит. Они тут в такой же безопасности, как в академии Святой Урсулы. – Ирландец нахлобучил шляпу, лицо его сделалось серьезным. – Поверьте, сэр, кабы я не знал, как управляться с этими подонками, разве был бы здесь?

Самоуверенный тип, решил я, но, видимо, не без оснований – армия не прошла для него бесследно. Я напомнил ему, что военная дисциплина – это одно, а тут мы имеем дело с гражданскими, да еще в прериях.

Грэттен весело рассмеялся.

– К черту военную дисциплину, – говорит. – Тут все просто, как горох лущить: если кто-то из этих ребят осмелится хоть пальцем тронуть одну из ваших девиц, я проломлю ему башку. А теперь, сэр, какие будут распоряжения? Что скажете против такого порядка: один впереди, один – в арьергарде, двое по флангам, а сам я на подхвате? Если вас устраивает... Вы сами поведете караван? Отлично...

Не будь его нос таким длинным, а улыбка – такой открытой, иметь дело с ним было бы одно удовольствие. Впрочем, дело свое он знал и хорошо получал за это. В конце концов, даже будучи капитаном каравана, я вполне мог преспокойно дремать в фургоне большую часть путешествия.

Тем не менее в великий момент отправления я был в седле, при полном кожаном параде, любо-дорого поглядеть. Бок о бок с Вуттоном, я прокладывал путь по направлению к лесу, за нами громыхал дилижанс со Съюзи, обмахивающейся веером с видом Клеопатры; за ней примостились ее черномазая служанка и повар, а затем, в окружении парней Ньюджент-Хэра, следовали восемь могучих сухопутных шхун. Их пологи были скатаны, как паруса на реях, шлюхи восседали парами, ослепляя взор. Замыкали караван мулы под прищелчком пары мексиканских саванеро. Трехсотфунтовые вьюки казались неправдоподобно высокими и опасно раскачивались. Колея была ухабистая, и фургоны то и дело подпрыги-

⁵⁴ В Дублинском замке располагалась английская администрация, управляющая островом.

⁵⁵ Отличительной чертой Десятого гусарского были цепочки на портупее.

вали под охи и визг девушек, но я заметил, что охранники, которым могла прийти в голову идея предложить свои галантные услуги, едва достаивают красоток взглядом. Видимо, у Грэттена слова и впрямь не расходятся с делом.

Миновав лес, мы оказались собственно в прерии, сплошь покрытой яркими цветами начала лета, и я галопом взлетел на небольшой холм, чтобы обозреть окрестности. Как сейчас помню этот миг: позади рошица, за которой поднимаются дымки Вестпорта; направо и налево, насколько хватает глаза, простирается бескрайняя равнина, утыканная кое-где очажками деревьев и кустарников; трава мягко колыхается от ветра, а по бездонному небу проплывают пушистые облачка. Внизу по дороге ползут фургоны, колея убегает прямо за далекий горизонт, на краю которого еще можно различить повозки вышедшего перед нами каравана. Душа моя прямо пела – не знаю почему, но в этот момент я чувствовал себя свободным, исполненным радости и надежды. Такого прекрасного настроения у меня в жизни не было. Полагаю, эти ощущения знакомы тому, кто отправлялся в путь на Запад: ты оживлен, понимаешь, что оставляешь позади старый, поганый мир, а впереди нечто удивительное только и ждет, когда ты придешь и возьмешь его. Я вот размышляю сейчас: можно ли пережить такое чувство вновь, или оно приходит лишь однажды, когда ты молод и не задумываешься о разных плохих вещах, которые могут подстергать тебя по дороге?

Поскольку начало пути, скажу вам, это иллюзия. Словно во сне, пролетают те первые десять дней, пока мы, неспешно катясь по прерии, движемся от привала к привалу к Роще Совета – великому месту сбора, где небольшие караваны, подобные нашему, собираются в большой обоз, готовясь двинуться в длительный перегон к горам. М-да, я употребил настоящее время, словно все происходит прямо сейчас. Ну, слава богу, это не так.

Но скоро все приедается. Единственное достойное упоминания событие произошло на третий день, когда мы достигли небольшого ручья и рошицы, где скопилась целая прорва фургонов. Там тропа разделялась – наш путь вел на юго-запад, в то время как северное ответвление уходило к реке Канзас, потом к Норт-Платт и далее к Орегону. Когда мы разбили лагерь среди других «калифорнийцев», «орегонцы» уже отчаливали, и поэтому весь лагерь шумел, пел и балагурил, провожая их.

Серьезные ребята были эти «орегонцы» – по большей части фермеры, намеревавшиеся заняться честным хозяйством, не то что наши бездельники-«калифорнийцы», спешащие на золотые прииски. Мы представляли собой настоящий сброд, тогда как там были исключительно трезвые мужчины и серьезные женщины; все имущество аккуратно уложено – не увидишь ни болтающейся веревки, ни бесхозного котелка, детки молча сидят у заднего борта. Над головным фургоном развевался американский флаг, а капитаном каравана у них был бородастый детина в сюртуке с фалдами.

– Первый обоз, вы готовы? – прокатился над линией мулов его зычный голос. – Второй обоз, вы готовы?

– Готовы! Готовы! – поочередно неслось в ответ.

Это был сигнал к отправлению, поскольку нет времени точить лясы, когда мул нагружен, так же как и останавливать его на дневной привал, поскольку скотина не захочет уже идти дальше.

Так что свистнули кнуты, закричали погонщики, заскрипели колеса и огромный караван тронулся в путь под позвякивание колокольцев, привязанных к мулам. Все «калифорнийцы» вопили, махали шляпами, размахивали платками и кричали: «Удачи! Даешь Орегон! Храни вас Бог!» и тому подобное, а «орегонцы» махали в ответ и затянули песню, которую я уже забыл. Помню только, что пелась она на мотив «Зеленых рукавов»⁵⁶ и говорилось в ней

⁵⁶ «Зеленые рукава» – фольклорная песня, известная с XVI века. Ее авторство приписывают английскому королю Генриху VIII.

про землю с молочно-медовыми реками, которую где-то далеко-далеко уготовал для своих детей Господь. Женщины из «калифорнийских» фургонов принялись рыдать, некоторые из них бежали за «орегонцами», задрав фартуки и предлагая им угоститься напоследок пирогом или хлебом, а дети рыскали между фургонами, вопя и улюлюкая. Только самые маленькие стояли на месте, и, сунув палец в рот, глазели как старый священник, взгромоздившись на мула и воздев над головой Библию, благословляет «орегонцев». Потом караван перевалил через гребень и скрылся из виду. В лагере под деревьями наступила вдруг тишина. Тут раздался чей-то голос:

– Ну что ж, пора и нам в путь, пойдем-ка, мать...

И все заорали, поскольку «калифорнийцы» того года были веселым, беззаботным народом. Их фургоны были под завязку набиты всяким хламом, который, по их мнению, должен был пригодиться на приисках, вроде патентованных палаток и макинтошевских лодок («Золотоискатели, не пропустите! Наши резиновые лодки и тенты самые лучшие!! Вам не справиться с ледяной водой золотоносных рек без наших резиновых изделий!!!»), водяных фильтров и хитроумных машинок для промывки золотого песка. И эти ребята не пели про мед, молоко и землю Ханаанскую, нет, сэр, у них был другой гимн, который наигрывал на банджо молодец в полосатом жилете, пока его девчонка отплясывала на тюке с вещами, а остальной люд в такт постукивал по бортам фургонов. Смеею предположить, вам мелодия хорошо известна, хотя в то время она была свеженькой, вот только готов поспорить, что вы не знаете слов, которые напевали первопроходцы сорок девятого:

*Перерою я все горы
И все реки проскребу.
Карман, полный самородков,
Я домой приволоку.
Эх, не плачь, Сюзанна!
О, Калифорния!
Этот край по мне – вполне!
Еду-еду в Сакраменто
Для песка лоток на коле-ене!
(omnes, fortissimo⁵⁷):
О, Сюзанна, да не плачь ты по мне!
Еду-еду в Сакраменто
Для песка лоток на коле-ене!*

Песенку горланили во всю мочь, с надрывом, но когда я вспоминаю ее сейчас, она слышится мне лишь призрачным шепотом, который доносит издалека ветер. Но тогда она звучала громко, и мы распевали ее всю дорогу до Рожи Совета.

Я обещал не отнимать хлеб у Грегга или Паркмена, но не могу не сказать несколько слов о том, как мы путешествовали.⁵⁸ Разбивая на ночь лагерь, мы выставляли караульных –

⁵⁷ Все, дружно (лат.).

⁵⁸ Существует множество источников, рассказывающих о путешествии на фургонах и вообще о жизни первопроходцев в прериях. Они сообщают нам намного больше деталей, нежели Флэшмен, но данные им описания вполне согласуются с ними. Его рассказ о Вестпорт-Индепенденсе в высшей степени точен, включая указания на стоимость фургонов, припасов, размер платы охране и погонщикам, так же достоверно описание того пестрого люда, что собрался там весной – летом 1849 г. Единственный пункт, в котором он слегка «плавает», – это внутренняя планировка той местности, которая впоследствии образовала Канзас-Сити. Да и за кларет в Сент-Луисе он переплатил. Что касается подробностей путешествия, то Флэшмен вполне точно описывает устройство каравана, порядок, снаряжение, организацию охраны и т. д. Самым авторитетным источником является книга Фрэнсиса Паркмена «Орегонская тропа» (1847), но есть и другие, включая «Путешественника по прерии» Мерси (1863), «Торговля в прериях» Джозайи Грегга (1848), «Приключения на тропе Санта-Фе» Дж.

Вуттон настаивал, я же был всецело «за», поскольку всех надо приучать к порядку с самого начала. Мы со Сьюзи спали в дилижансе, оказавшемся, как и обещал Оуэнс, очень комфортабельным, а шлюхи располагались в двух ближних к нам фургонах. Для возниц и охранников захватили палатки, но кое-то из них предпочитал укладываться прямо под открытым небом. Во время завтрака, ужина и полуденного привала нам подавала еду служанка Сьюзи, девушки кушали у себя в фургонах, а охрана устраивалась на некотором отдалении. Да-да, у нас было самое настоящее маленькое демократическое государство, смею вас уверить! Я раз предложил пригласить как-нибудь на ужин Грэттена, раз тот немножко джентльмен, но Сьюзи и слышать не желала.

– Это же работный люд, – заявляет она, держа двумя пальчиками куриную ножку и запивая мясо щедрым глотком бургундского (к тому времени я уже сообразил, почему оно было заготовлено в таком несоразмерном количестве). – Если мы станем поощрять фамильярность, они сядут нам на шею, и не мне тебе говорить, чем все кончится: придется звать милицию⁵⁹, чтобы поставить их на место, как это случилось в Нью-Йорке.⁶⁰ К тому же этот Ньюджент-как-бишь-его-там, кажется мне несколько развязным типом: что бы ни болтал он про неприкосновенность девчонок и способность держать парней на расстоянии, я рада иметь под боком Марию и Стефанию.

– Это почему? – спрашиваю я, поскольку по-отцовски радел о наших прекрасных подопечных.

– Мария и Стефания, – отвечает Сьюзи, – на мать родную донесут, и остальные потаскушки это знают. Так что если кто-то, что-то или где-то, я тут же все узнаю. И тогда да поможет Бог негоднице: до самого Сакраменто присесть не сможет, попомни мои слова!

Ага, значит, среди шлюх Сьюзи есть две маленькие шпионки. Надо запомнить. Хорошо, что это выяснилось раньше, чем я предпринял нечто неосторожное. У меня уже маячили в уме обстоятельства, при которых подобное знание может оказаться очень кстати.

Пока же, по мере неспешного продвижения к Роще Совета, я решил развивать только одно знакомство – с Дядей Диком Вуттоном. Станный это был тип: за несколько дней с первой нашей встречи мы едва перемолвились и словом, и мне стало казаться, что у него замкнутый характер, но вскоре я понял, что виной всему только его задумчивая застенчивость. Он не спешил раскрывать душу перед новыми знакомыми, но стоило ему привыкнуть к тебе, и Вуттон становился весьма доброжелательным и даже словоохотливым. Лет ему было меньше, чем мне показалось вначале, да и выглядел он вполне презентабельно, когда побреется. Впрочем, до Роши Совета работы, считай, не было: мы с Грэттенем организовывали караулы, привалы и ночевки происходили как бы сами собой; если случалось что-то существенное, вроде переправы через реку, погонщики и охрана справлялись без труда. Благодаря наличию удобных бродов и сухой погоде все шло прекрасно.

Так что обязанности проводника Вуттона пока не донимали. Он обычно держался далеко на фланге или впереди каравана и имел привычку исчезать на несколько часов, а пару раз я замечал, как Дядя Дик выскальзывает из лагеря с наступлением темноты и возвращается только на рассвете. Ел он в одиночестве, глядя на прерию и повернувшись к лагерю

Уэбба (1844–1847, изд. Ральфа Бибера), «Уа-то-Йа и тропа Таос» Льюиса Гаррарда (1850). Особо хотелось бы подчеркнуть «Приключения в Нью-Мексико и в Скалистых горах» Дж. Ф. Ракстона (1847). Полковник Инман бесподобен по части описания снаряжения и обустройства караванов на тропе Санта-Фе. (*Комментарии редактора рукописи*).

⁵⁹ Милиция – нерегулярные вооруженные формирования, используемые как для военных целей, так и для поддержания общественного порядка.

⁶⁰ Эта загадочная ремарка явно соотносится с событиями в Нью-Йорке в мае 1849 г., когда потребовалась милиция, чтобы усмирить толпу, взбунтовавшуюся в связи с выходом актера Макриди в роли Макбета на сцену театра Астора. Вряд ли Сьюзи могла думать о повторении подобных общественных беспорядков применительно к охране фургонов, но ее консервативный ум вполне способен был провести параллель. Бунт оказался кровавым: открыв огонь по толпе, милиция убила двадцать человек (см.: М. Майниджроуд «Легендарные сороковые», 1924). (*Комментарии редактора рукописи*).

спиной, иногда устраивался на каком-нибудь холме и сидел там часами, озираясь вокруг, или молча бродил между фургонами, проверяя спицы колес или поклажу у мула. Время от времени я ловил на себе его взгляды, но он тут же отводил глаза и, бормоча себе под нос, разворачивался и отправлялся в очередную рекогносцировку по прерии.

Но вот после одного из полуденных привалов он подъезжает ко мне и говорит:

– Бизоны, капитан.

Я проскакал следом за ним пару миль, чтобы обнаружить небольшое стадо этих животных, щиплющих траву. Мне впервые довелось видеть их. Я тут же схватился за винтовку, но проводник остановил меня:

– Надо выбрать телочку понежнее. Быки в это время года слишком жесткие для жаркого. А теперь слушайте: берите на полпальца ниже горба и на палец от носа, не то расфукаете свинец зря. Цельте в сердце или в легкие. Ну, кэп, огонь!

Я пальнул, и самка помчалась, как ракета, пробежав с четверть мили, прежде чем вдруг зашаталась и рухнула.

– Идем, – говорит Вуттон. – Изрядный выстрел.

Взрезав со знанием дела горб и выбрав лучшие куски мяса, он пояснил, что убить бизона – чертовски трудное дело, если только ты не попадешь ему в жизненно важные органы. Похоже, я здорово поднялся в его глазах.

Мне казалось, нам стоит оттащить тушу к каравану, но он покачал головой и, разведя костер, изжарил мясо на огне. Никогда не пробовал ничего подобного тому первому бизоньему горбу – никакая говядина не сравнится с ним; мясо такое вкусное, что его можно есть без хлеба или овощей. Вуттон также извлек кишки и, к моему отвращению, запек их на углях и принялся с аппетитом поглощать, засовывая в рот на манер гигантских спагетти. Я глядел на него в ужасе – впрочем, скорее, не глядел, так как глаза отказывались смотреть на это тошнотворное зрелище. Я отвернулся и увидел нечто во сто крат более жуткое.

Не далее как в двадцати шагах, на поросшем травой склоне, обращенном к лошине, в которой мы развели костер, сидели верхом на своих мустангах три индейца и разглядывали нас. Я не слышал ничего и не имел ни малейшего представления об их приближении – и нате вам, они тут. Мне вдруг стало ясно, что жалкие грязные создания, которых я видел в Вестпорте, или те, шнырявшие вокруг нашего каравана в начале пути, являлись не более чем пародией на индейцев. А вот эти были настоящие, и сердце у меня екнуло. Передний из них был обнажен по пояс, заплетенные в косы волосы спадали до кушака, а вокруг головы было обернуто нечто, напоминавшее мне хвост енота. Лицо под оным являло собой кошмар из крючковатого носа и похожего на мышеловку рта, перечеркнутых желтыми полосками. На голой груди тоже были нарисованы знаки, а вся одежда состояла из белой набедренной повязки и доходивших до колен леггинсов с бахромой. Поперек седла у него лежало ружье, в руке он держал длинное копьё с бунчуком из бизоньей гривы – по крайней мере, я надеялся, что это бизонья грива. Остальные два были не лучше – в волосах перья, одна половина лица – белая, другая – красная, вооружены луками и томагавками и, прям как их вожак, крепкие, подвижные, зловещего вида сукины дети. Но больше всего пугало меня их внезапное появление и молчаливая угроза, читавшаяся во взорах.

Полагаю, мне понадобилась пара секунд, чтобы опомниться. Но едва рука потянулась к револьверу, пальцы Вуттона сомкнулись на моем запястье.

– Не дергайтесь, кэп, – говорит он вполголоса. – Это брүле-сиу. Дружественные... вроде.

Нечего сказать, успокоил; но Вуттон казался невозмутимым. Заметьте, сидя спиной к ним, он знал, что они здесь, и знал, с кем имеет дело. Потом Дядя Дик повернул голову и обратился к ним. После некоторой паузы индейцы спешили и медленно подошли. При близком рассмотрении они показались еще страшнее, однако спокойно уселись, а их вождь

поднял руку и буркнул нечто, звучащее как смертельное оскорбление, но служившее, надо полагать, приветствием. Вуттон ответил, я же сидел, стараясь держать руку поближе к рукояти револьвера и делая вид, что ни при чем, – а это не просто, когда в ярде от тебя примостился на корточках злобный демон, не сводящий с тебя ледяных, как у василиска, глаз на раскрашенном лице, и ты пришел к неутешительному выводу, что имеешь дело с шестью футами мускулистого, пахнущего жиром и дикостью тела с острым, как бритва, топором за поясом.

Вождь с Вуттоном побурчали еще друг на друга, потом Дик представил нас.

– Это вот Пятнистый Хвост, – говорит. – Великий воин.

– Как поживаете? – обращаюсь я к индейцу, и он, к моему изумлению, пожимает мне руку и издает нечто среднее между рычанием и отрыжкой, что я расценил как любезность.

Пока они с Вуттоном болтали, я пригляделся к остальным двоим. Знай я, что красные пятна на перьях говорят об убитых врагах, а зарубки – о числе перерезанных глоток, то беспокоился бы, наверное, даже еще сильнее. Кстати, в косицу Пятнистого Хвоста было вплетено пять орлиных перьев – как я позже узнал, каждое из них свидетельствует о снятом скальпе.⁶¹

Было очевидно, что Вуттон задает вопросы, а индеец отвечает отрывистым бурчанием, сопровождая слова резкими жестами – выглядело это весьма живописно и наглядно. Даже я сообразил, когда речь зашла про бизона – вождь изобразил рукой фигуру, очень похожую на буйвола, щиплющего траву. Один из жестов он повторил несколько раз: быстрое режущее движение пальцами правой руки поперек кисти левой. Как мне стало позже известно,

⁶¹ Среди народа сиу, важной группой которого является племя брюле, или сичангу («Обожженные Бедра»), наличие и расположение перьев на голове наделено очень большим смыслом. Орлиное перо обозначает снятый скальп, перо с красными точками – убитого врага (если на пере зарубка, то врагу перерезали горло). Поскольку наивысшей доблестью является «посчитать „ку“» – коснуться врага, но не обязательно убить его, – перья рассказывают также о порядке, в котором храбрец возложил руку на противника: зарубка на одной стороне пера свидетельствует, что он коснулся тела третьим, зарубки на обеих сторонах – четвертым, голое перо с одним хохолком – пятым. Расщепленное перо говорит о ране, так же как красный отпечаток ладони на рубашке воина, черный – об убийстве врага. О Пятнистом Хвосте* из брюле, с которым повстречался Флэшмен, рассказывали, что он 26 раз посчитал «ку»; ходили слухи также, что на его счету около ста снятых скальпов, но это, думается, преувеличение даже для одного из величайших воинов народа сиу. Есть сведения, что его раньше звали Прыгающий Бизон, но он сменил имя, когда еще мальчиком получил от белого траппера в дар хвост енота и стал носить его на голове. Этот хвост он носил еще и в 1850-е гг. См.: Джордж Хайд «Народ Пятнистого Хвоста. История брюле-сиу» (1961); Ф.У. Ходж. «Справочник по американским индейцам» в 2-х тт. (1907–1910); и величайшую энциклопедию по индейским народам, «Историческая и статистическая информация, касающаяся... индейских племен США» Г. Р. Скулкрафта в 6 тт. (1851–1860). Также рекомендуем «Письма и записки о нравах, обычаях и состоянии североамериканских индейцев» (1841) Джорджа Кэтлина – самого знаменитого художника индейской жизни. Его труд пережил множество переизданий и является неперменным для того, кто хочет знать, как выглядели индейцы той поры. Далее: Р. Додж «Наши „Дикие индейцы“» (1883); Ч. Браунелл „Индейские народы Северной и Южной Америки“» (1857). Меньше всего затруднений представляет вопрос, что делал Пятнистый Хвост так далеко на востоке в это время: тем летом сиу выслеживали пауни и вполне могли углубиться до Неошо. *Пятнистый Хвост – выдающийся человек, вождь брюле, славился как один из лучших воинов сиу в 1840–1850-е гг. Уже в молодости он насчитал на врагах 26 «ку», а к концу жизни к его боевой рубашке было прикреплено более ста вражеских скальпов. Когда индейцев преследовали за уничтожение отряда лейтенанта Грэттена, который был вырезан отрядом брюле под началом вождя Атакующий Медведь в 1854 г., Пятнистый Хвост и еще четыре воина согласились «отдать свои жизни ради блага племени» и сдались, распевая песню смерти. Хвоста поместили в форт Ливенворт, где, по его словам, он выучился английскому и пришел к мысли о бесполезности попыток сопротивления белому человеку. Позднее, став вождем брюле, Пятнистый Хвост сделался убежденным сторонником мира и согласия, и, по утверждению его биографа Хайда, путем убеждения добился для сиу большего, нежели военные лидеры путем войны: «Вероятно, он был величайшим вождем сиу своего времени... (и) справился со своей ролью лучше, нежели прочие их предводители». Пятнистый Хвост был очень умным, приятным в общении и удивительно привлекательным человеком. На картине Г. Юлка, написанной в 1877 г. изображено волевое, добродушное лицо, которое вполне могло внушить Флэшмену ревность. Епископ Уиппл назвал его «образцом мужественной красоты с пронизательными глазами». Вождь был наделен также своего рода остроумием. Во время обеда в Белом доме он обронил, что у белых прекрасные типи, и президент Грант заверил его, что, если вождь займется сельским хозяйством, правительство США построит для него самый лучший типи. Пятнистый Хвост ответил, что, когда у него будет такое же типи, как Белый дом, он подумает о занятии фермерством. В 1877 г. отчасти именно благодаря его усилиям Бешеный Конь согласился сдаться, и, возможно, именно за это, как и в целом за «невраждебную» политику, вождь был убит спустя четыре года соплеменником по имени Вороний Пес. См.: Хайд «Пятнистый Хвост», также книги Данна и Пула. (Комментарии редактора рукописи).

имелись в виду шайены, чье прозвание было «Отрезанные руки». ⁶² Потом Вуттон пригласил индейцев присоединиться к своей тошнотворной трапезе из бизоньих кишок, и, чтобы развлечь двух остальных, Хвост с проводником устроили соревнование: взяв длинную кишку, они начали ее есть с разных концов, чтобы посмотреть, кто успеет заглотить больше. Индеец победил – я избавлю вас от подробностей, скажу только, что они проглатывали ее целиком, на разжевывая, и Пятнистый Хвост, резко дернув головой назад, сумел *отыграть* изрядный кусок, уже проглоченный было Вуттоном! ⁶³

Десерта не было, поэтому я, по подсказке Дяди Дика, выдал всем троим по сигаре. Они слопали их и отправились восвояси, без спросу прихватив с собой остатки бизоньей туши. Признаюсь по совести: никогда еще меня так не радовал уход гостей.

– Я заметил их следы прошлой ночью и решил, что сегодня они покажутся, – говорит Вуттон. – Охотничий отряд – впервой вижу брюле к востоку от Неошо. Охотятся на бизонов, ясное дело, но когда они стали загинать про большие стада у Арканзаса, я смекнул, что на уме у них пауни. Слишком много вермилльона ⁶⁴ для охотников, да и по следам я насчитал с полсотни мустангов. Ага. Сдается мне, не пройдет много времени, как несколько пауни отправятся на свидание со старым джентльменом.

Это означало, что пауни будут убиты и попадут в ад. Но не могут ли сиу напасть на нас? Надолго задумавшись, Вуттон пожал плечами.

– Точно не скажу. У Пятнистого Хвоста язык прямой, но все ж сиу – те еще пакостники: не будь меня здесь, они вполне могли бы обобрать вас до нитки, а может, и волосы прихватить тоже. Но мне сдается, эти довольно миролюбивы. Вроде как. Ух-ху.

Меня бросило в жар. Полагаю, до этих пор я и не думал про индейцев, не принимал их всерьез – поездка куда казалась сущей прогулкой, в Вестпорте все выглядели такими веселыми и уверенными, да и от цивилизации с ее пароходами, припасами и солдатами нас все еще отделяло не более нескольких дней пути. И вот, откуда ни возьмись, появляются три размалеванных дьявола – и это еще *мирные*, как полагает Вуттон, и ты понимаешь, что до Санта-Фе тысячи миль дикой пустыни, кишашей целыми племенами опасных мерзавцев – каких угодно, но только не мирных. Когда тебе рассказывают всякие истории и побасенки, ты слушаешь их вполуха, напоминая себе, что твой караван хорошо вооружен и охраняется. Но стоит увидеть их вживую, во всей этой жуткой раскраске и перьях, и твоя дюжина винтовок, револьверов и восемь жалких фургонов начинают казаться утлым челноком в бушующем море.

⁶² Язык жестов, играющий столь значимую роль среди кочевых племен, не имеющих общего языка общения, получил у индейцев Северной Америки развитие, не знающее аналогов у других народов. Это был вовсе не набор элементарных символов, а высокоразвитая речевая система, с помощью которой «говорящий» мог довольно свободно оперировать фактами и идеями. Некоторые жесты – благодаря кинематографу – очень хорошо известны. Например, открытая ладонь, проведенная от груди вперед, означает «хорошо». Но вот пример того, как много информации может быть сообщено при помощи простых жестов: правая ладонь ребром вниз означает «лошадь»; в совокупности с поднятым большим пальцем – «лошадь со всадником»; гнедая лошадь обозначается прикосновением к щеке, черная лошадь – указанием на любой черный предмет поблизости; чтобы сказать «лошадь пасется», надо опустить пальцы и подвигать ими из стороны в сторону. Соедините это все вместе – а все авторитетные источники говорят о скорости и грации, с которой происходил обмен жестами – и вы в один миг скажете, что гнедая лошадь, со всадником или без, пасется на траве. Не исключено, что для этого вам потребуется даже меньше времени, чем когда мы пользуемся словами. См.: Маллеры «Язык жестов у североамериканских индейцев» (1-й американский отчет Бюро этнологии США, 1879–1880), а также упомянутые выше работы Скулкрафта и Ходжа. Флэшмен упоминает про жест «шайены»; также в тот день он мог видеть жест, обозначающий сиу – режущее движение поперек горла; пауни – прикосновение щепотью к голове (то есть «люди волка»); арапахо – зажатый нос (их прозвали «вонючими»); команчи («змеи») – извивающаяся рука. См.: Мерси. «Тридцать лет армейской жизни на Границе» (1886). (Комментарии редактора рукописи).

⁶³ Ракстон в своих «Приключениях» дает красочное описание подобного состязания в поедании пищи. (Комментарии редактора рукописи).

⁶⁴ Ярко-красная краска.

Так что я без обиняков спросил у проводника, каковы наши шансы добраться до Санта-Фе без серьезных... хм-м... помех. Впрочем, какая разница – назад пути не было, я не осмелился бы вернуться в долину Миссисипи и вновь улепетывать от погони. Дядя Дик поскреб затылок и поинтересовался, есть ли у меня карта.

– Глядите-ка, – говорит. – До самой переправы через Арканзас мы можем не беспокоиться: Пятнистый Хвост уверяет, что в районе Большой Излучины полно стоянок шайенов и арапахо, а они не враждебные, это точно. Зато он помянул про военные партии навахо, команчей и кайова в округе Симаррона, это к западу. Еще говорил про апачей на реке Канейдиан и ютов на Пикетуайре. Ходят слухи, что Уилл Бент и Сент-Врен оставили Большой Приют. Поверю *этому*, когда сам увижу. Но все может оказаться и неправдой – кто рискнет поручиться?

«Господи Иисусе, – думаю я, – многовато для пикника в прериях». Но Вуттон утешил меня, сказав, что Пятнистый Хвост может врать: всем известно – индейцы никогда не говорят правды, если только им деваться некуда.⁶⁵ Кроме того, у Рожи Совета мы можем влиться в какой-нибудь большой караван, который окажется по зубам только очень многочисленному и отчаянному военному отряду.

– Увидим, когда доедем до нового солдатского лагеря – форта Манн. Потом прикинем, откуда ветер дует, и решим, идти ли по Симарронской дороге к Сэнд-Крик и Канейдиан или принять к западу, на Бент и дальше к Ратону, – Дядя Дик поднял на меня свои голубые глаза и вдруг улыбнулся. – Ваш проводник мотался до Санти-Фи столь, что и сам уж не помнит. И всегда доходил туда и возвращался обратно. И ежели теперь оно ему не удастся, кэп, значит, этот малый скис!⁶⁶

⁶⁵ Образ и репутация американского индейца за последние несколько десятилетий претерпели серьезные изменения: из жестокого и коварного злодея времен освоения Запада он превратился в героя-патриота. Маятник моды имеет тенденцию колебаться очень сильно, и, огульно отвергая мнение Вуттона и его современников, мы можем впасть в такое же заблуждение, как и безоговорочно соглашаясь с ним. Без сомнения, фронтришники индейцам не доверяли и, как правило, недолго любили их. Есть свидетельства, что Кит Карсон, более образованный, чем большинство прочих, говаривал: «Я не верю ни одному из них»; Джим Бриджер называл сию «лживыми и подлыми». Джим Бейкер, трезвомыслящий и уважаемый горный охотник, выразил в беседе с Р.Б. Мерси такое мнение: «Они испокон веку страшные негодяи, и по мне, только наполювину люди. Видали вы людей, которых ты кормишь, поишь и привечаешь в своем доме, но стоит тебе отвернуться, как они уведут твоих лошадей или стащат все, что попадет под руку. Нет-нет, это не всегда. Они могут чувствовать благодарность и добром встретят тебя в своем вигваме. Но инджен никогда не постесняется обжулить тебя. С ними бесполезно говорить о совести. Они не знают такого слова. Это лживые подонки, и ты не добьешься от них порядочности, пока не задашь им трепку по первое число. Они не понимают манер белых людей и не собираются учиться. Если ты с ними мягок, они думают, что ты их боишься». Мнение знатока. Но то, что индейцы думали о Бейкере и его белых приятелях-фронтрищиках, столь же показательно. Нам известно, какую оценку поздние индейские вожди давали американской армии и правительству, и у них были на то основания. Вполне вероятно, Бейкер был прав, утверждая, что понятия индейцев о морали и совести сильно отличались от понятий белых людей. Для сию так же трудно было усвоить идею европейцев о неприкосновенности частной собственности, как для белого нелегко было принять обычай не убивать врага в битве, а считать на нем «ку». Правильнее всего признать, вслед Флэшмену, что у обеих сторон были слишком разные понятия о морали, и покончить с этим. Но в одном Вуттон совершенно прав: путешественнику не стоило терять бдительности, даже с явно мирными индейцами, – существует масса свидетельств, что они вели себя, по меньшей мере, непредсказуемо, напоминая в этом, кстати сказать, шотландских горцев. См.: Мерси «Тридцать лет...». (*Комментарии редактора рукописи*).

⁶⁶ Выражение «этот малый скис» в данном контексте означает «стал совсем плох» и является образчиком того, что Флэшмен называет говором «плаг-а-плю» – от распространенной среди горных охотников фразы, в которой они выражали осуждение низких цен на меха (плитка табака за шкуру). Читатели таких сочинителей-фронтришников, как Ракстон, Мерси, Гаррард и Паркмен, а также тогдашних авторов вроде Майн Рида и Баллантайна, должны быть знакомы с этим диалектом. Помимо специфических выражений, для него были характерны некоторые особенности произношения: прежде всего редукция долгих «э» и «е» в короткое «э». Скорее всего, это видоизмененный диалект, имевший хождение в приграничных штатах, откуда и вышли многие из горных охотников. Как и в случае с большинством американских наречий, истоки «плаг-а-плю» произрастают от восточноанглийских, пуританских и западных корней, и в него внесли свой вклад североанглийский, шотландский и ольстерский говоры. Для чужака он звучал дико, и кое-кто высказывал подозрения, что «горцы» специально прибегают к нему, ради развлечения, в то время как большинство из них могло при желании разговаривать на правильном английском, без всякого акцента. Во многих смыслах они могли быть неотесанными, но многочисленные записи их речей позволяют сделать вывод, что по части уважения к грамматике и правильности построения выражений эти «дикари» могли посрамить большинство современных англичан и американцев. Стоит добавить, что среди них встречалось

немало опытных лингвистов, знакомых, по меньшей мере, с испанским или французским, помимо различных индейских языков. *(Комментарии редактора рукописи).*

V

У Роши Совета, на поверку оказавшейся маленьким леском с несколькими хижинами и конюшней для недавно открытой линии дилижансов, мы застали три каравана. Первый состоял из двадцати фургонов с молодыми парнями – клерками и рабочими с Востока, называвшими себя «Питтсбургские пираты». Другой включал три десятка мулов и полдюжины семей эмигрантов, тоже стремящихся на прииски. Третий – вы не поверите, но это святая истина – представлял собой два старых экипажа с дюжиной пожилых и престарелых жителей Цинциннати, направлявшихся в путешествие через Равнины с целью *поправки расстроенного здоровья!* При больной груди чистый воздух прерий пойдет им на пользу, твердили они, не переставая отхлебывать укрепляющее питье из бутылочек, кутаться в шарфы и дышать ингаляторами.⁶⁷ «Да уж, – думаю, – бордель на колесах можно счесть эксцентрикой, но эти ребята всех заткнули за пояс».

Вуттон предположил, что вместе мы можем составить отличный караван, хотя и не вооруженный до такой степени, как ему хотелось бы. Молодежь стремилась вперед, подгоняемая той бесшабашной лихой одержимостью, что обуяла многих в достопамятном сорок девятом, и на всех у них имелось лишь десятка два стволов. Эмигранты были неплохо вооружены и наняли четверых охранников, но являлись слишком малочисленной группой. С инвалидами в качестве сопровождения ехал только толстый пропойца-кучер с кремневым мушкетом, но в случае нападения они вполне могли отразить супостата градом паровых грелок и бутылочек с лекарствами. Наш собственный караван по оснащенности, дисциплине и порядку превосходил все остальные вместе взятые, поэтому стоит ли удивляться, что нас встретили как избавление и избрали меня капитаном всей этой бестолковой шайки. Сам виноват: любой, увидев парня с бравыми баками и в шикарном замшевом рубаше, доверился бы мне без рассуждений. Я скромно отпирался, но конкурентов у меня не было, и дело решил один из «питтсбургских пиратов», обратившийся к своим собратям с борта фургона с пламенной речью. Им невероятно повезло, кричал он, что отважный капитан Комбер, командовавший военным кораблем английского флота, дравшийся с арабами в Индии, оказался здесь, и если есть на свете человек, способный благодаря своему беспримерному опыту и хладнокровию довести их целыми и невредимыми до Калифорнии, то он перед ними. Так что я был единодушно избран – без всякой там унижительной беготни за должность.⁶⁸ Я тут же прочитал им внушительную лекцию о дисциплине, соблюдении порядка, рытье уборных и всем таком прочем, и они послушно кивали, видя, что перед ними именно тот, кто им нужен.

Сьюзи, понятное дело, аж светилась – по ее словам, иначе и быть не могло. Вуттон отлично понимал, что вести караван все равно ему, а Грэттен и команда обеими руками поддержали решение, поскольку нам предстояло идти в авангарде и не глотать пыль за остальными. Итак, караван Флэши, состоящий из шлюх, оптимистов, бронхиальных астма-

⁶⁷ Оздоровительные путешествия в прерии не являлись столь редкими, как представлял себе Флэшмен: даже в более ранние времена воздух Колорадо и Нью-Мексико заставлял страдающих легочными заболеваниями отравляться на запад. А.Б. Гатри-младший в своих примечаниях к недавнему изданию «Уа-то-Йа» пишет, что Гаррард мог предпринять свою поездку по причине слабого здоровья. (Комментарии редактора рукописи).

⁶⁸ Есть предположение, что выражение ведет начало именно от караванов, где капитана (или, как позднее его часто называли, майора) избирали голосованием все присутствующие. Кандидаты становились на расстоянии друг от друга, а их сторонники пристраивались в хвост своему избраннику. Вся соль в том, что по мере роста «хвоста» кандидат вынужден был бежать вперед, чтобы дать хвосту место. Как бы то ни было, эти компании эмигрантов часто получали названия по именам своих капитанов, иногда же присваивали себе более живописные прозвища: 26 мая 1849 г. в Санта-Фе прибыли «Компания Черной Реки», «Западные бродяги» и «Нью-Йоркские никербокеры». См. «Мерси и „Золотоискатели“» Гранта Формена (1931) – великолепный труд, содержащий отрывки из рапорта и заметок Мерси, а также из писем «первопроходцев сорок девятого». (Комментарии редактора рукописи).

тиков, фронтирщиков и честных ловцов удачи, готов был отправиться в неизвестность. Не стану утверждать, что мы представляли собой рядовое для сорок девятого сборище, но я бы ничему не удивился.

Поскольку обещал не утомлять вас подробностями, ограничусь замечанием, что в целом дорога через прерию, занявшая у нас несчетное количество времени, жутко скучна и в памяти моей разделяется на две части. Первая – до реки Арканзас, когда ты плетешься через море травы и кустарников, делая по пятнадцать или около того миль за день; вторая, *после* того как ты *достиг* Арканзаса, когда тащишься по прерии так же, как и прежде, с той единственной разницей, что с левого фланга у тебя течет самая уродливая в мире река: грязная, широкая, с илистыми берегами. Впрочем, засушливым летом вид ее радует, и стоит возблагодарить судьбу за близость воды – жажда и голод прикончили, надо полагать, больше переселенцев, чем любые иные причины.

Событий, способных оживить путешествие, было немного. Говорили, что самое трудное – переправы через реки, но при низком уровне воды особых проблем не возникло. Помимо этого иногда появлялись шайки индейцев, некоторые даже подбирались к нам поближе, выглядывая, где что плохо лежит, пару раз они попытались увести у нас скот, но парни Грэттена мигом уложили нескольких краснокожих – пауни, если верить Вуттону, – и мне стало казаться, что первоначальные мои страхи были беспочвенными. Однажды мимо нас пронесся по пути в Санта-Фе почтовый дилижанс, встретился также взвод драгун, едущих из форта Манн, возводившегося как раз в те дни. Что до прочего, то самым интересным было убирать с пути хлам, оставленный предыдущими караванами. Дорога походила на гигантское багажное отделение, растянувшееся на сотни миль. Сломанные фургоны, колеса, скелеты животных, домашний скраб, пустые бутылки – и это только самое обыденное. Припоминаю, как мы нашли печатный станок, корабельную носовую фигуру в виде увенчанной короной русалки, концертный рояль (именно на нем играла Сьюзи на илистой отмели Миддл-Кроссинга, развлекающая общество, устроившее на берегу импровизированные танцы), шотландский килт и двенадцать абсолютно одинаковых гипсовых статуй Венеры Милосской. Думаете, я сочиняю? Полистайте дневники и воспоминания парней, пересекавших Великие равнины, еще и не такое узнаете.

Зато постоянно было или слишком жарко, или душно, или пыльно, или холодно (особенно по ночам), и вскоре путешествие мне жутко осточертело. Много времени я проводил в седле, но частенько сиживал в дилижансе вместе со Сьюзи, и от ее болтовни меня просто тошнило. Не то чтобы она канючила или злилась, нет. На самом деле старая кошелка была чертовски мила и нежна со мной, и я никак дожидаться не мог, когда мы доберемся до Сакраменто и наступит пора шепнуть ей: «Прощай, дорогая!» Но в одном отношении она переносила дорогу не очень хорошо: до Рожи Совета и немного далее мы еще регулярно взбивали матрас, а затем ее аппетиты к моим адамовым прелестям несколько поумерились. Не было произнесено ни слова, но коль она не просит, то не на что и рассчитывать, и когда я выразил намерение спать под открытым небом – в дилижансе было очень душно – Сьюзи не стала возражать, и с тех пор так и повелось. Ради поддержания Сьюзи в форме я продолжал частенько седлать ее, но как вы легко можете себе представить, мысли мои устремлялись в совсем ином направлении – а именно к тем разноцветным пташкам, которые ехали в двух первых фургонах. Собственно, по отъезде из Нового Орлеана я ни о чем другом и не думал – дело было только за тем, как все устроить.

Из описания нашего путешествия вы можете сделать вывод, сколь непростой была задача. Ей-богу, если вы попросите составить меня список мест, которые я считаю наиболее неподходящими для обтяпывания в тишине и покое запретных амурных делишек, я без колебаний поставлю идущий по прерии караван фургонов на почетное второе место. Слоно-

вья гауда⁶⁹ во время охоты на тигров – та еще штукавина, центральные подмости во время любительского театрального представления тоже не сахар – уж в Глостершире по крайней мере; зато вы удивитесь, узнав, какие вещи можно творить внутри бутафорской лошади для пантомимы! Но это все не то. Что потрясло меня до глубины души, так это спасательная шлюпка после кораблекрушения, это да! Но и караван фургонов тоже не слабо. Впрочем, если тебе доводилось творить дела в самый разгар битвы с охотниками за головами на Борнео, как это случилось со мной, приучаешься верить в свою счастливую звезду и упорно стремиться к победе.

Первый шанс выпал мне по чистому везению, где-то между Рощей Совета и Малым Арканзасом. Мы, как обычно, расположились лагерем на ночь, я отошел прогуляться и покурить. И кого же встречаю в сумерках? Афродиту, бредущую по лугу, напевая, как водится, что-то себе под нос. Это была та самая рослая, черная как вороново крыло негритянка, заметившая меня тогда в Новом Орлеане. Мне еще подумалось тогда, что она из тех, которые испытывают удовольствие от своего ремесла, и оказался прав. Что завело ее так далеко от фургонов, да еще без надзора сестриц по несчастью, мне было безразлично: зачем смотреть в зубы дареному коню, или, точнее, кобылке.

При виде меня она застыла как вкопанная, очи на эбеновом лице округлились; она посмотрела на фургоны, у которых горели костры, потом, опустив голову, стала искоса стрелять в меня глазками: поначалу испуганно, потом – придя к выводу, что, как ни страшна Сьюзи, удовлетворить любовный огонь «массы» будет вовсе не так уж скверно, – шаловливо. Я кивнул в сторону засохшего бизоньего валежника в соседних кустах, и она, не говоря ни слова, потянула завязку чепчика, делая это нарочито медленно, покусывая губу, и встряхнула высвобожденными волосами. Потом Афродита неторопливо вплыла в валежник, но, когда я кинулся на нее, игриво отпихнула меня, прошептав: «Ах, погодите, миста Бичи, только *погодите*». Так я и поступил, она же скинула с себя платье и осталась стоять совершенно нагая, положив руки на бедра, поворачиваясь так и этак и моргая мне глазками из-за плеча. Ее недаром называли Афродитой: длинные стройные ножки, округлый зад, гибкий стан; а когда она повернулась ко мне лицом – бог мой, с тех пор, стоит мне увидеть тыкву, как сразу вспоминается тот бизоний валежник! Зубки, поблескивающие на темном лице, тоже оказались первый сорт, да и пользоваться ими она умела. Я повалил ее и мы приступили к делу, лежа на боку. По ходу она грызла и кусала мои ухо, губы и подбородок, издавая стоны и вздохи, достойные проститутки ее квалификации. Наслаждаясь хорошо поставленными финальными содроганиями и всхлипами, я поймал себя на мысли, что Сьюзи не соврала – имея еще девятнадцать таких, как эта, мы через год-другой сможем купить с потрохами всю Калифорнию. Быть может, и не стоит сильно спешить с отъездом?

Впрочем, Афродита была слишком шлюхой, чтобы понравиться мне. Одного раза оказалось вполне достаточно; хоть в течение последующих недель я и ловил время от времени ее задумчиво-томные взгляды, но больше ею не пользовался. Я не какой-нибудь неразборчивый сатир, заметьте, мне нравится испытывать интерес к женщине, и не только плотский, нравится при каждой встрече находить в ней нечто новое, какую-то загадку, не видимое на первый взгляд достоинство – ну, вроде формы ее груди. И присматриваясь по мере возможности к остальным девятнадцати, взвешивая их прелести с учетом такого важного фактора, как способность не побежать, вереща, к Сьюзи, и выбирая, которая из всех самая похотливая, я неизменно останавливался на одной и той же притягательной персоне. Среди девушек не имелось ни одной, кто не умел поворачивать головку с видом скромнейшей из *roué*⁷⁰, –

⁶⁹ Гауда – беседа на спине у слона, где размещаются охотники.

⁷⁰ Распутниц (*фр.*).

Сьюзи не преувеличивала, – но после девятнадцати остальных лишь к одной взгляд мой каждый раз возвращался снова. Это была Клеония.

Прежде всего, в ней жил стиль, как в Монтес, Элис Кеппел, дочери Ко Дали, Касси или Лакшмибай, и еще, быть может, в трех дамах, имена которых я мог бы припомнить. Эта вещь в совокупности с амбициями и чувством меры способна дать женщине власть над королями и странами. Слава богу, моя Элспет лишена последних качеств – тогда бы она не вышла за меня замуж, коли на то пошло. Но Элспет – это для меня совсем другое, и всегда останется таковым.

Итак, Клеония была леди, и если вы полагаете, что шлюхе это не дано, то сильно заблуждаетесь. Она была хорошо образована – пансионат при монастыре, быть может, – отлично говорила по-английски и по-французски, манеры ее были безупречны, и вообще девица была так прелестна, как только может быть красавица-окторонка хороших кровей, с лицом святой Сесилии и телом, от вида которого даже каменный идол заерзал бы на своем пьедестале. Короче говоря, лакомый кусочек, и не дурочка, чтобы преодолеть любые сомнения по поводу, стоит ли ей связываться с «массой с шикарными усами». Но я взялся за дело с умом и осторожностью – даже тот дружок Спринга, Агаг, не сумел бы ко мне придрататься.

Я выжидал и тем временем завел за правило перемолвиться парой словечек то с одной, то с другой из шлюх, причем прямо у всех на глазах, так что если меня увидят говорящим с Клеонией, то ничего не заподозрят. Держался я строго и на расстоянии, как настоящий господин, и даже высказывал Сьюзи свои соображения по поводу внешнего вида девиц и что Клаудии не помешало бы дать укрепляющего, а Эжени слишком много ест. Ее это вроде не тревожило, наоборот, она даже радовалась, что я проявляю хозяйскую заботу об имуществе. Я выбрал момент, когда во время одного из полуденных привалов Клеония в одиночку – она была, пожалуй, наименее компанейской из всех, что к лучшему – спустилась к реке и, ломая веточки, стала лениво бросать их на волю течения.

Я подкрался к ней. Заметив меня, она выпрямилась и отвесила мне короткий поклон, собираясь удалиться. Нас загораживали от остальных кусты, так что, когда она проходила мимо, я взял ее за руку. Девушка вздрогнула и повернула ко мне милое, безмятежное, как у монашки, личико, не выражающее ни страха, ни какой-либо другой эмоции. Нежно ухватив ее за пряди волос, растекающиеся по сторонам от хитроумно сделанного по центру пробора, я поцеловал ее в губы. Клеония не шелохнулась, и я, не отстраняя губ, запустил руку ей в вырез, давая знать о своих намерениях. Потом я отступил на шаг, наблюдая за реакцией. Она посмотрела на меня, прижав тонкие пальцы к губам, еще не остывшим от моего поцелуя, потом эдак томно, словно какая-нибудь герцогиня, повернула голову и произнесла слова, которые я меньше всего ожидал услышать:

– А как же Афродита?

Я едва из шкуры не выпрыгнул. В ответ на вырвавшееся у меня удивленное восклицание она улыбнулась и бросила на меня взгляд из-под полуприкрытых век.

– Хозяин устал от нее? Она будет страшно огорчена. Ей...

– Афродите, – смутившись, говорю я, – лучше было бы заткнуть свою поганую черную пасть! Что она наплела, эта лживая шлюха?

– Ну, что хозяин овладел ею и что это было здорово.

– Боже правый! Слушай-ка, а Мария со Стефанией тоже знают?

– Все знают, вот только верят ли? – Она пытливо посмотрела на меня, все так же улыбаясь. – Я бы сказала, например, что Афродита, ну... слишком черная и... массивная, чтобы понравиться хозяину. Но некоторым мужчинам такие нравятся. – Клеония пожала плечами. – Другим...

Она не закончила фразу, выжидая.

Я был ошеломлен, но не забывал о главном.

– А как Стефания и Мария? Я полагал...

– Что они шпионят для хозяйки? – Она кивнула. – Так и есть. Маленькие трещотки! И будь это кто-нибудь другой, только не хозяин, они бы уже все ей выложили. Но они не готовы обидеть вас... ни одна из нас не готова. – Веки ее опустились, губы затрепетали. – Стефания очень ревнива – даже больше, чем остальные из нас... если такое возможно.

И она одарила меня взглядом, присущим только шлюхам. Святой Георг, я вздрогнул, как укушенный.

– Но мне нельзя оставаться здесь, – продолжила она, намереваясь обогнуть меня, но я снова ухватил ее за руку.

– Знаешь, Клеония, – говорю. – Ты, как вижу, хорошая девочка... Так что на вечернем привале ты потихонечку пройдешь вслед за мной до реки – только осторожно, помни – и мы... ну, немножечко потолкуем. А остальным скажи, что... что, если кто из них распустит язык, им же будет хуже, ясно?

Я подумывал пустить в ход угрозу, заготовленную на худой конец: если она-де не будет послушна, я скажу Сьюзи, что Клеония заигрывала со мной. Но счел это излишним.

– Да, хозяин Бичемп, – смиренно произнесла она и повернула голову. – А как же Афродита?

– К черту Афродиту! – рывкнул я и притянул ее ближе, вдохнув аромат.

Клеония издала короткий смешок и прошептала:

– Она пахнет так же, не правда ли?

А потом вырвалась из моих рук и убежала.

Так, это были великолепные новости, ей-богу. Завидуют Афродите, получается? А почему бы нет, милые пташки? Заметьте, хотя я никогда не страдал недооценкой своих мужских достоинств, но понимал, откуда дует ветер: девочек больше заботило оказаться на хорошем счету у меня, нежели у Сьюзи – не представляя ситуации, они пришли к выводу, что отныне делами буду заправлять я, и потому рискнули бы скорее навлечь на себя гнев хозяйки, нежели мое неудовольствие. К тому же мисс Клеония явно не против, и они не посмеют... Что до доносов, не здорово ли будет припугнуть их, сказав Сьюзи, что Афродита пыталась соблазнить меня? Сьюзи отделаает ее как миленькую, что и *pour les autres*⁷¹ послужит хорошим уроком. С другой стороны, Афродита наверняка выложит всю правду, и Сьюзи *может* поверить ей – тогда жди беды. Нет уж, лучше оставить все как есть, и развлекаться с моей очаровательной красоткой, пока есть такая возможность.

Так я и поступил. Девушка оказалась смышленной, и поскольку спал я по преимуществу на улице, для нее ничего не стоило выскользнуть из своего фургона и пробраться под покровом темноты в мою палатку, чтобы предаться полуночному разврату. Мы были очень осторожны: не чаще двух раз в неделю – этого было вполне достаточно, ибо эта штучка способна была выжать меня насухо, быть может, еще и потому, что я был без ума от нее. Беда только, что все происходило в кромешной тьме, а мне нравится наблюдать за материалом, над которым я работаю. Кожа у нее была чистый бархат, а перси упругие, как мячи, и вытворяла она ими совершенно невероятные трюки – какая досада, что мы так и не отважились зажечь свет.

Но самой очаровательной ее привычкой было то, что во время наших развлечений она пела – тишайшим шепотом, разумеется, приближая губы почти к самому моему уху. Это было для меня чем-то новеньким, вынужден признать: у Лолы – расческа, у миссис Ман-девилль – шпоры, у Ранавалуны – мощный апперкот и хук справа – мне довелось познакомиться со многими весьма причудливыми изюминками в поведении женщин, охваченных пароксизмом страсти. (Моя дражайшая Элспет, скажем, непрестанно сплетничала.) У Клеонии это было пение. Начинала она, например, с колыбельной, сменявшейся вальсом, затем

⁷¹ Для других (фр.).

«Лотарингским маршем» и увенчивала все «Марсельезой» или, если на нее находило озорство, «Суони-ривер».⁷² Слава богу, ирландские джиги были ей неизвестны.

Она, кстати сказать, была превосходной собеседницей, и сообщила мне (шепотом) множество весьма занимательных сведений. Прежде всего, что шлюхи ни капельки не боялись Сьюзи, которая за всю жизнь не высекла ни одной из них, вопреки всем своим сильным выражениям, а та, которую продали на плантации, оказалась просто обыкновенной воровкой. В то же время, они глубоко уважали и ценили ее, и я уяснил, что за право оказаться в ее борделе между орлеанскими шлюхами шла жестокая конкуренция, и попасть туда было не легче, чем в лейб-гвардейскую бригаду. Зато перед кем они испытывали настоящий ужас, так это передо мной.

– Вы выглядите таким свирепым и строгим, – делилась со мной Клеония. – И разговариваете так... так резко с другими девушками. Афродита сказала, что вы попользовали ее очень даже грубо. А я и говорю ей: «„*Mais naturellement*“⁷³, как же хозяин должен обращаться со своей скотиной? С дамами из общества, – продолжаю я, – он будет благородным и страстным».

Тут она довольно вздыхала.

– Ах, но как они завидуют мне, все остальные, и не могут послушаться моих рассказов про вас. Что? Конечно, я рассказала им! Да и как иначе? Ученики болтают про книги, банкиры – про деньги, солдаты – про войну. О чем же должны разговаривать мы, как не о...

Но все это пустяки: даже если она прочитала своим коллегам цикл лекций на тему «Флэши и „Арс Аматория“⁷⁴», это не помешало мне наслаждаться связью с Клеонией. Я прямо без ума от нее и ставлю ее на седьмое или восьмое место в личном своем списке избранных женщин – не плохой результат из нескольких сотен претенденток.

Но путешествие вдоль Арканзаса не было тогда сплошным отдыхом. Я проводил долгие часы в обществе Вуттона, среди достоинств которого числилось беглое владение языком сиу и мексиканских саванеро⁷⁵, бывших нашими погонщиками мулов и говоривших, ясное дело, по-испански. Ранее уже упоминалось, что я хороший лингвист. Бертон⁷⁶, сам не лишенный к этому таланта, заметил как-то, что мне достаточно окунуть в язык палец, чтобы промокнуть насквозь. Так что, будучи немного знаком с испанским, я вскоре овладел им вполне недурно. Но что до сиу, то хотя язык это приятный и мелодичный, его лучше было бы изучать среди самих индейцев, и Вуттон сумел преподать мне только азы. Хвала небесам за дар к языкам, ибо несколько слов могут означать разницу между жизнью и смертью – особенно на Диком Западе.

Разумеется, до поры все для нас складывалось слишком уж хорошо. Если не считать первой тревожной встречи с брюле и ночной заварушки с пауни – я ее продрых – нас не беспокоило ничего серьезнее сломанной оси вплоть до самого форта Манн, нового военного поста, расположенного в самом сердце арканзасской глуши, на полпути по самой короткой дороге на Санта-Фе. Вот там и начались неприятности.

⁷² Память сыграла с Флэшменом злую шутку. Каков бы ни был репертуар Клеонии, он не явно не мог включать песню «Суони-ривер», больше известную как «Старики дома», поскольку Стивен Фостер сочинит ее только два года спустя. Быть может, это была похожая тихая, меланхоличная песня, например, что-нибудь духовное. Упоминание несколько выше песни «Эх, Сюзанна!» тоже принадлежащей Фостеру, справедливо – он издал ее в 1848 г., и песня мигом стала чуть ли не гимном «пионеров сорок девятого», сочинивших на ее мелодию множество своих куплетов, включая и процитированные Флэшменом. (Комментарии редактора рукописи).

⁷³ «Но разве не естественно» (фр.).

⁷⁴ «Ars Amatoria» («Наука любить») – эротическая поэма Овидия.

⁷⁵ Для обозначения людей, обслуживающих мулов, Флэшмен без разбора употребляет термины «аррьеро» (погонщик мулов) и «саванеро» (ночной пастух). (Комментарии редактора рукописи).

⁷⁶ Сэр Ричард Фрэнсис Бертон (1821–1890) – британский путешественник, писатель и дипломат, автор классического английского перевода сказок «Тысячи и одной ночи».

За последние недели мы могли понять, что число индейцев на маршруте нашего путешествия значительно выросло. Как и предсказывал Вуттон, в районе Великой Излучины появились деревни шайенов и арапахо, но большинство из них располагались на южном берегу, и мы держались от них подальше, хотя те почитались мирными. На горизонте мы замечали группы краснокожих, а однажды встретили целое перекочевывающее племя, пересекавшее по пути на юг нашу дорогу. Мы остановились, пропуская эту огромную неорганизованную толпу: мужчины верхом, пешие женщины, бредущие рядом с травуа⁷⁷, поднимающими облака удушливой пыли; с тыла процессию замыкал табун косматых мустангов, подгоняемый полуголыми мальчишками, а по флангам семенили твякающие дворняжки. Это был бедный, убогий народец, и вонь тянулась за ними шлейфом в полмили длиной.

Еще часть индейцев раскинула палатки у форта Манн, и едва мы разбили лагерь, Вуттон отправился потолковать с ними. Назад он вернулся хмурый и отозвал меня в сторонку – его собеседники оказались группой шайенов, основная масса которых расположилась в нескольких милях к югу, за рекой. Среди индейцев разразилась жуткая эпидемия, и они пришли к форту за помощью. Но доктора в форте не оказалось, и в отчаянии краснокожие обратились за содействием к Вуттону, с которым были знакомы.

– Мы ничего не в силах сделать, – говорю я. – Что за чушь – доктор для больных индейцев? У нас нет ничего, кроме слабительного да серы, и их не годится тратить на кучку дикарей. Да и неизвестно, что за чертова зараза – вдруг чума?

– У них сильно схватывает в потрохах, – поясняет Дядя Дик. – Никаких болячек, ничего. Но они мрут, как мухи, так сказал вождь. Он подметил, что у нас в караване есть люди с лекарствами, и не могли бы...

– Что? Боже правый? Уж не о наших ли это инвалидах? Иисусе, да им и куриную слепоту не вылечить, они даже сами себе помочь не могут: перхают и кашляют всю дорогу от Роши Совета!

– Шайены этого не знают, зато заметили медицинские принадлежности в экипажах. И решили, что мы лечимся с их помощью. И хотят, чтобы мы полечили их тоже.

– Что? Проклятье! Но мы не можем! У нас своих забот по горло, не можем же мы возиться с толпой заразных индейцев!

Он вперился в меня своими голубыми глазами.

– Кэп, мы не можем *отказать* им. И вот почему: шайены едва ли не *единственное* дружественное нам племя на этих равнинах. Без них – если они перемрут или откочуют – сюда придут по-настоящему плохие инджины. И это при хорошем раскладе; при плохом – они не простят нам отказа. Может дойти до того, что толпа размалеванных чертей окружит наши фургоны – а их там, за рекой, уже три тысячи, да еще осейджи и арапахо на подходе. Это и впрямь много инджинов, кэп.

– Но мы не в состоянии помочь им! У нас нет докторов, приятель!

– Они увидят, что мы хотя бы *стараемся*, – отвечает он.

Спорить с ним было бесполезно, и дурак я был, что пытался – он, в отличие от меня, знал индейцев. Но я стеной стоял против того, чтобы отправляться в их лагерь, который, должно быть, кишмя кишел треклятыми бациллами. Пусть приведут одного из своих больных на берег реки, и если им так хочется, чтобы какой-нибудь наш инвалид осмотрел его, прочитал молитву, опрыскал карболкой или устроил круговую пляску, так тому и быть. Но я настаивал, чтобы Вуттон твердо дал им понять: докторов у нас нет, и результатов мы обещать не можем.

– Лучше сами им скажите, – говорит тот. – Вы же великий вождь, капитан каравана.

⁷⁷ Травуа – волокуша индейцев Северной Америки. Основой травуа служили две перекрещенные верхними концами жерди, закреплявшиеся на спине лошади.

И все это без тени иронии.

И вот вы можете лицезреть этого Великого Вождя, Капитана Каравана, стоящего перед группой разномастных кочевников, и торжественно обращающегося к ним на корявом языке сиу. Впрочем, говорил по большей части Вуттон, я же важно кивал в знак согласия. Да и желание стоять на своем у меня тоже куда-то испарилось: одного взгляда на это сборище хватило, чтобы я безоговорочно согласился с проводником. Это были первые шайены, которых мне довелось видеть вблизи, и если брюле-сиу показались мне опасными, то вид этих парней привел бы в трепет даже Великого Веллингтона. Как на подбор, рослые – с меня, – самые высокие из всех индейцев, что мне встречались, с мощными торсами, длинными, заплетенными в косы волосами, лицами римских сенаторов и даже в такой тяжкий час гордые, как испанские аристократы. Мы пошли с ними к берегу реки, сопровождаемые майором – командиром форта и самым активным и смышленным из наших инвалидов. Последний был, ясное дело, полным придурком, но загорелся идеей полечить страждущего язычника. Не сомневаюсь, будь тот болен астмой или бронхитом (все понимали, что это, скорее всего, не так), то в пять минут запрыгал бы у нашего эскулапа, как козленок. Мы остановились; на том берегу показалась волокуша, и мы с Вуттоном и инвалидом, в сопровождении шайена, указывающего путь, пересекли брод и отмель. Самозванный доктор взглянул: на траву корчился, сжимая ослабевшими руками брюхо, молодой индеец. Инвалид поднял на меня испуганные глаза.

– Не знаю, – говорит. – Выглядит так, будто у него пищевое отравление, но я боюсь, что... это та самая болезнь, что бушует на Востоке. Не исключено, что это... холера.

С меня было довольно. Я приказал всем вернуться на нашу сторону и заявил Вуттону, что, разумно это или нет, нам нельзя медлить далее.

– Скажите им, что нам известна эта болезнь, но лечить ее мы не умеем. Скажите, что... А, проклятье, скажите, что такова воля Великого Духа или еще что-нибудь! Посоветуйте им вывести всех здоровых из лагеря – больным все равно не поможешь. Пусть уходят на юг, пусть кипятят воду и... Ну, я не знаю, Дядя Дик. Мы ничего не можем для них сделать, разве что убраться отсюда подобра-поздорову, и как можно подальше.

Он переводил, я же тем временем напрягал извилины в поисках подходящего жеста. Полдюжины шайенских старейшин выслушали его молча, на каменных лицах не шелохнулся ни один мускул. Потом они посмотрели на меня, а я, изо всех сил стараясь изобразить сдержанное сочувствие, думал тем временем: «Господи, только не дай заразе перекинуться на нас». Я видел эту штуку в Индии и знал, чем она может обернуться. А у нас ни докторов, ни лекарств.

– Я сказал им, что сердца наши пали на землю, – говорит Вуттон.

– Очень хорошо, – отвечаю я, потом поворачиваюсь к индейцам, простираю по сторонам руки, ладонями вверх, и произношу единственное, что пришло мне в голову: – За все, что ниспосылается нам, да исполнит Господь нас истинной благодарности во имя Христа. Аминь.

Их племя гибло, так какого черта тут еще скажешь?⁷⁸

Похоже, получилось все как надо. Их вождь, величественный старикан с серебряными долларами в косицах и убором из перьев, ниспадающим до самых пят, поднял голову; нос и подбородок его были очерчены резко, словно форштевень фрегата. Он воздел в прощании

⁷⁸ Эпидемия холеры 1849 года очень свирепо прошла по южным шайенам, будучи занесена к ним, видимо, эмигрантскими караванами с Орегонской тропы. Умерла почти половина племени. См. «Форт Бент» Дэвида Лавендера (1954), а также «Историю Невады, Колорадо и Вайоминга» Г.Г. Бэнкрофта (1889) из XX тома замечательной серии о Западных штатах. Подобно книгам Скулкрафта, Ходжа, Паркмена и Кэтлина, труд Бэнкрофта просто бесценен для тех, кто изучает историю Дикого Запада. (Комментарии редактора рукописи).

руку и молча повернулся, подавая пример остальным. Я с облегчением выдохнул, а Вуттон поскреб затылок и произнес:

– Сдается, они довольны. Все прошло прекрасно.

Не прошло. Два дня спустя, когда мы свернули к переправе у острова Чуто, четверо из нашего каравана слегли с холерой. Первыми двумя оказались молодые парни из «питтсбургских пиратов», третьей – женщина из семьи переселенцев. Четвертым был Вуттон.

VI

Вполне разделяю мнение поэта, что «смерть каждого человека обедняет нас»⁷⁹. Хочу добавить только, что уход одних обедняет нас гораздо сильнее, нежели уход других, причем эти первые именно те ребята, существование которых мы воспринимаем как данность, не догадываясь даже, насколько отчаянно нуждаемся в них. Только что они расхаживают себе, как будто так и надо, и все идет лучше некуда, а в следующий миг – брык и давай сучить пятками по земле. И тут, словно гром на голову, на тебя обрушивается мысль: это не просто мелкая неприятность, а самая настоящая катастрофа. Только тогда ты понимаешь истинный смысл слова «печаль» – не по преставившимся беднягам, а по себе самому.

По счастью, Вуттон не совсем преставился, но никогда не доводилось мне видеть человека, столь близко подошедшего к краю. Три дня он бился в агонии, распластаный, словно труп, и когда я смотрел, как трясется под бизоньей накидкой его тело после очередного, неизвестно какого уже по счету, рвотного спазма, то думал, что Вуттон с таким же успехом мог бы уже и умереть, потому как пользы от него теперь никакой. Искра жизни тлела так слабо, что мы не осмеливались даже переносить больного, и было совершенно ясно: пройдут недели, прежде чем он снова сможет сесть в седло – если сам тем временем не откинет копыта, конечно. Но ждать мы не могли: припасов у нас уже сейчас оставалось в обрез до форта Бент или больших складов на Симарроне, никаких признаков идущих следом за нами караванов не наблюдалось, да и вдобавок ко всему жизнь словно покинула прерию, как это случается время от времени. От самого форта Манн мы не встретили ни одного бизона.

Но недостаток припасов – это только полбеда, главная проблема в том, что без Вуттона мы были обречены, и, осознав этот факт, я погрузился в пучину ужаса.

Без него мы были все равно что без мозга – нам не хватало чего-то более важного, чем даже еда и патроны: знаний. К примеру сказать, исключительно благодаря ему нам дважды удалось избежать заварушки с индейцами: одного его присутствия оказалось довольно, чтобы брюле оставили нас в покое, и именно мудрость проводника позволила смягчить шайенов, которых я готов был настроить против нас. Без Вуттона мы не могли даже *толком* вести переговоры с индейцами, поскольку ребята Грэттена и погонщики, выглядевшие такими бывалыми в Вестпорте, обернулись настоящим сбродом, вооруженным ружьями и хлыстами, и представлений о прериях у них было не больше, чем у меня. Грэттену уже довелось проделать этот путь, но *не главным*, и с опытными проводниками, указывавшими путь. С полдюжины раз, когда пастбища становились скудными, Вуттон легко находил новые – без него наш скот попросту передохнет, поскольку нам не по силам найти хорошую траву даже у себя под носом. Случись нам попасть в двухдневную пылевую бурю и потерять дорогу, случись пропустить источники на южной тропе, случись потерять время, пережидая ливень, случись столкнуться с врагами – Вуттон нашел бы след снова, разыскал пропавшие источники, определил местонахождение складов или сумел подстрелить что-нибудь съестное, разнюхал о приближении супостатов за два дня до их появления, чтобы мы могли уклониться или подготовиться к встрече. Во всем нашем караване не было человека, способного на такие вещи.

На третий день, по-прежнему корчась от боли и едва живой, он пришел ненадолго в сознание и сообщил шепотом, что желает остаться здесь, нам же следует идти вперед. Если же он почувствует себя лучше, то догонит нас. Я сказал ему, что оставляю с ним и других больных: мы не можем рисковать здоровьем остальных, таща их с собой, да и муж и братья заразившейся женщины смогут позаботиться о них. Мы оставим им фургон, мулов и запас

⁷⁹ Цитата из стихотворения английского поэта Джона Донна (1572–1631) «Человек – не остров».

еды. Не знаю, понял ли он меня – его заботило только одно, – и Вуттон, пожелтевший, с глазами, провалившимися, как дырки от горячей струи в снегу, стоная от боли, продолжал твердить:

– Двигайте к Бенту... неделя, может, десять дней. Не ехайте... Симарронской дорогой... заблудитесь... Идите в Бент. Сент-Врен... очень хорошо. Не принимайте... на Симаррон. Тощий бык... да...⁸⁰ – Он закрыл на несколько минут глаза, потом посмотрел на меня снова. – Вы поведете... караван... дальше. Вы... капитан...

Потом Дядя Дик снова впал в беспамятство и начал бредить – но никакой бред не мог сравниться с последними словами, произнесенными им в полном сознании. Капитан каравана! И меня вовсе не утешало то, что, обводя взором восторженное сборище гринхорнов, я не видел никого, способного справиться с этой работой лучше меня. Ничего не оставалось, как отдать команду запрягать и трогать, и когда час спустя наши фургоны заскрипели по тропе, я обернулся назад и, глядя на крошечные фигурки у стоящего на берегу реки «лазарета», почувствовал такую щемящую тоску и беспомощность, какие мне редко доводилось испытывать в жизни.

Но вам стоит принять в расчет, что эти эмоции вовсе не разделялись моими спутниками. Никто из них не знал так хорошо Вуттона и не понимал, насколько сильно зависели мы от него. Грэттен, быть может, осознавал тяжесть утраты, но остальные всегда считали главным меня и пребывали в уверенности, что я доведу их до места. Вот вам обратная сторона умения выглядеть сильным, уверенным и исполненным отваги – люди склонны поверить, что ты такой и есть на самом деле. Должен признаться, этому искусству я учился всю жизнь и достиг определенных высот, поэтому не вправе жаловаться, но не стоит отрицать и тот факт, что временами, когда все ждут от тебя соответствия образу, оный становится весьма неудобным.

Оставалось играть роль командира, и это было несложно, поскольку большинство спешило поскорее убираться отсюда – чем дальше останется холера, тем лучше, считали они. И пока все развивалось хорошо, особых трудностей не возникало: за те три дня, пока мы ждали решения судьбы Вуттона, я провел тщательную ревизию наших запасов и пришел к выводу, что, урезав рационы до трех четвертей, мы вполне можем добраться до Бента. Судя по карте, до него было не более ста двадцати миль, заблудиться, держась реки, мы не могли. Оставалось надеяться, что не случится ничего непредвиденного вроде оскудения пастбищ, серьезной перемены погоды, новых случаев холеры или падежа среди животных. Или нападения индейцев.

Два дня все шло как по маслу. Мы проходили за день даже больше обычных двенадцати – пятнадцати миль, отчасти потому, что не было дождя и тропа не раскисала, отчасти из-за того, что я неустанно гнал людей вперед. Я не слезал с седла, то и дело мотаясь от хвоста к голове каравана и обратно, подбадривая возниц, проверяя состояние животных, заставляя охранников ни на минуту не покидать свои посты на флангах. И все это время я, внутренне цепenea, не спускал глаз с горизонта, ожидая узреть устрашающие силуэты всадников или пылевое облачко над равниной, свидетельствующее о приближении врагов. Даже ночью я был начеку: сначала обходил дозором все фургоны – держась поближе к ним, разумеется, – и лишь потом нырял в свою палатку, чтобы развеять свои страхи в объятиях Клеонии. И даром ей хлеб не доставался, ей-богу, ибо я не знаю лучшего средства, чтобы отогнать прочь все остальные заботы. Я даже на Съюзи разок накинулся, причем ради своего, а не ее удовольствия.

⁸⁰ Выражение «тощий бык» означает «голодные времена», поскольку мясо бизона-самца уступало мясу самки, особенно когда бык сам недоедал. Термин «жирная корова» на прерийном жаргоне означал изобилие пищи. (*Комментарии редактора рукописи*).

Да, все шло слишком хорошо, и поскольку никто в караване не замечал разницы из-за отсутствия Вуттона и путешествие от Роши Совета протекало наилучшим образом, никто не понимал, какие беды грозят нам, пойдя хоть что-то не так. Единственно, что вызывало ворчание, так это урезанные рационы, и когда на третий день мы достигли Верхней переправы, эти идиоты, опьяненные ложной уверенностью в безопасности, сочли мое решение об экономии продуктов поводом, чтобы настаивать на изменении курса. Как будто лишняя унция хлеба или мяса могла сравниться с судьбой целой экспедиции! Но это случилось: на четвертое утро ко мне пожаловала делегация «питтсбургских пиратов». Возглавлял ее нахальный юнец в коротком сюртучке и с просунутыми за вырезы жилетки большими пальцами.

– Послушайте, капитан, – говорит. – До форта Бент почти сотня миль, а это значит, еще неделя с пустым брюхом! А мы ведь знаем, что если пересечем реку и встанем на Симарронскую дорогу, то найдем большой склад, о котором толковал мистер Вуттон. До него и тридцати миль нет. Ну вот, мы с парнями за то, чтобы идти туда – это значит походить всего пару дней с затянутыми поясами, а уж потом у нас будет жратвы сколько хочешь! Да и всем известно, что это самый короткий путь на Санта-Фе. Что скажете, капитан?

– Что мы идем в Бент.

– А почему? С какой стати нам еще пять дней мучений?

– Это не мучения, – говорю. – И брюхо у вас не пустое – зато оно будет таковым, если пойдете по Симарронской дороге. Мы же договорились идти в Бент – так безопаснее, коли на то пошло.

– А кто это сказал? – восклицает этот доморощенный адвокатишко, и присные его одобрительно загудели.

К нам стал подтягиваться народ, и я понял, что с делом надо кончать безотлагательно.

– Я сказал. И вот почему: если мы сглупим и уйдем от реки, то как пить дать заблудимся. Тут вам пустыня, и если потеряешь тропу – жалкая смерть...

– А с какой стати нам терять тропу? – раздается голос, и в ярости своей я обнаруживаю, что это один из парней Грэттена, одетый с головы до пят в кожу детина по имени Скейт. – Я бывал в этих краях – тропа прямая, что твоя рука!

При этих словах питтсбургские олухи раздражаются одобрительными криками и начинают наседать на меня.

– Мы идем в Бент! – рявкаю я, и они притихают. – Слушайте сюда: допустим, что тропа так хороша, как утверждает этот малый – в чем я сомневаюсь, – но знает кто-нибудь из вас, где тайный склад, про который говорил Вуттон? Нет, и вы никогда его не найдете – такие вещи не помечают указателями, не так ли? И даже если найдете: обнаружите там жалкие припасы тухлого мяса и бобов – может, вас и устроит такая пища, но не меня. Зато в Бенте есть все, что душе угодно, не хуже, чем в Сент-Луисе.

Они продолжали мрачно молчать, поэтому я пустил в ход решающий довод:

– Кроме того, у Симаррона есть больше риска наткнуться на враждебные племена. Вот почему Вуттон настаивал, что надо идти в Бент. Так что запрягайте и готовьтесь тронуться в путь.

– Эгей, не так скоро! – заявляет короткополый сюртук. – У нас есть еще что сказать, если вы не против...

Я отвернулся.

– Мистер Ньюджент-Хэр, седлайте коней, – начал я, но тут вперед выступил Скейт.

– По мне, так не пойдет! – кричит. – Вы не знаете того, что знаем мы, мистер. Вы всего лишь новичок, так все говорят...

– В чем дело, мистер Ньюджент-Хэр? – говорю. – Вы не способны держать в руках своих мерзавцев?

– Полегче, капитан, – заявляет тот, высовывая свой длинный ирландский нос. – Я же говорил, что мы тут не в армии.

– Я за то, чтобы проголосовать! – вопит Скейт, и я подмечаю, что большинство парней из охраны держат его сторону. – Неужто мы все тут меньше значим, чем какой-то великий мореход-лимонник? Ах, прошу прощения, *капитан* Комбер!

Негодяй осклабился и, сняв фуражку, отвесил мне шутовской поклон. Питтсбургские недотепы захохотали, толкая друг дружку.

– И вот што скажу вам, – продолжил Скейт – Этот Дик Вуттон опасался нащёт военных отрядов ютов у Пикетуайра не меньше, чем других инджинов у Симаррона. А Пикетуайр разве не у самого Бента, а? Так вот я за то, шоб срезать, и кто со мной, пусть поднимет руку!

«Пираты», ясное дело, загорланили, вскидывая обе руки, а Скейт обвел своих приятелей таким взором, что большая их часть примкнула к нему. Грэттен, присвистнув сквозь зубы, воздержался, главы семей переселенцев выглядели озадаченными, а инвалиды – испуганными. Я знал, что лицо мое пылает от гнева, но сдерживался, наскоро соображая. То время, когда мне представлялось возможным найти выход из подобного положения, дав волю чувствам, осталось далеко позади. На заднем плане я заметил Сьюзи, наблюдающую за мной; шлюхи уже расселись по фургонам. Я отрицательно покачал Сьюзи головой – меньше всего мне хотелось, чтобы она напустилась на мятежников.

«Питтсбургские пираты» составляли примерно половину нашего народонаселения, так, по грубым прикидкам, большинство проголосовало «за». Скейту этого было недостаточно.

– Давайте, фермеры! – закричал он. – Долго вы намерены слушать, чего наш милорд изволит и чего нет? Не вижу ваших рук!

Часть переселенцев подчинилась, и короткополый принялся подсчитывать. Потом, с улыбкой до ушей, повернулся ко мне:

– Полагаю, у нас большинство, капитан! Ура, ребята! Даешь Симаррон!

Все завопили, как черти, а замолкнув, уставились на меня.

– В таком случае, – преспокойно говорю я. – Желаю вам приятного путешествия. – После чего поворачиваюсь, чтобы подтянуть подпругу у мустанга. Все замерли.

– Что вы хотите сказать? – вопит Скейт. – У нас большинство! Караван идет на Симаррон!

– Он идет в Бент, – негромко отвечаю я. – По крайней мере, та его часть, которой руковожу я. Все дезертиры... – я потянул ремешок, – могут отправляться на Симаррон или в ад, или куда им заблагорассудится.

Как видите, я рассчитывал, что мой уверенный вид поколеблет их – они привыкли почитать меня капитаном каравана, и если мне удастся сохранить самообладание и деловитость, это может заставить их усомниться в своем решении. И действительно, поднялся сильный гвалт, Скейт смотрел так, будто готов был убить меня, но даже некоторые «пираты» дрогнули и начали препираться между собой. Не сомневаюсь, все получилось, если бы не Сьюзи, которая, буквально пыша гневом, обрушилась на них, чествуя Скейта почем зря и не щадя даже рассудительных эмигрантов, которые, по ее словам, обязаны повиноваться мне.

– Вы связаны клятвой! – верещала она. – Да я на вас в суд подам, подлые прохвосты! Будете делать то, что вам говорят, так вот!

Я бы с удовольствием пнул ее в обтянутый сатином зад – худшей выходки она и придумать не могла. Вожак переселенцев, до того твердивший, что «капитан каравана главный, не так ли?», после ее эскапады побагровел и вскинулся. Это был благообразный, солидного вида старикан. Его борода буквально встала дыбом.

– Чтоб какая-то сутенерша указывала мне! – говорит он и поворачивается спиной.

Большинство эмигрантов нехотя потянулись за ним, а ребята из Питтсбурга снова завопили «ура» и стали рассаживаться по фургонам. И вот наш капитан остается при своих интересах и ничего не может с этим поделать.

Что я знал наверняка, так это что не стану пересекать реку. Передо мной стояло лицо Вуттона: «Не Симаррон... Тощий бизон...» Одной мысли о пустыне и риске заблудиться было для меня достаточно. Скейту с друзьями беспокоиться не о чем: если все обернется скверно, они пришпорят коней, возвращаясь к Арканзасу и воде, и проложат себе дорогу в форт Манн. Но с народом в фургонах все будет кончено. И наша маленькая группа тоже попадает в жуткий переплет: у нас остаются восемь фургонов и дилижанс с возницами, но нам предстоит недельная дорога до форта Бент без охраны. Если нам встретятся рыщущие индейцы, мы можем рассчитывать только на мои револьверы и те, что есть у погонщиков и саванеро.

Впрочем, я ошибался: с нами остались инвалиды. С некоторым колебанием они прикнули ко мне, заявив, что предпочитают идти в Бент – воздух на северном берегу-де чище, – они в этом уверены – и им не по душе поведение Скейта и тех питтсбургских лоботрясов – честное слово.

– У нас, сэр, есть некоторые представления о совести и порядочности, – заявляет тот самый, что поставил диагноз шайену, причем с таким поразительным успехом.

Его сотоварищи заорали: «Браво! Правильно!» – и стали подкидывать в воздух свои ингаляторы и грелки в знак одобрения.

«Боже милостивый, – думаю я, – остались только шлюхи да инвалиды. Но они хотя бы имеют понятие о дисциплине.»

– Пригляжу-ка я лучше за провизией, иначе наш приятель Скейт оставит нам одни обеды, – говорит тут Ньюджент-Хэр.

– Вы не уходите с ними? – удивленно спрашиваю я.

– С какой стати? Меня наняли на поездку до Калифорнии, и я исполняю свои обязанности.

Знаете, даже в этот миг, когда мне, казалось бы, следовало благодарить небо за лишнюю пару умелых рук, я отказывался верить любому его слову.

– Кроме того, – продолжает он, галантно кивая Сьюзи, стоявшей рядом в тревоге и тоске, – Грэттен не тот парень, что бросает даму в трудные времена, вот так.

И ирландец удалился, напевая себе под нос, тогда как моя благоверная атаковала меня со своими слезами и раскаянием, ибо у нее хватало ума сообразить, что именно ее неразумное вмешательство решило дело. Будь у меня поменьше важных забот, я, наверное, дал бы волю чувствам, но так просто коротко посоветовал ей отправляться в дилижанс и удостовериться, что голодранцы Скейта не успели отбить нескольких телочек от ее кринолинового стада.

Вокруг фургонов с припасами шли оживленные дебаты: Скейт заявлял, что он с парнями, состоя в нашем караване, имеет право на продукты; Грэттен гнул свою линию: раз они перестали работать на нас, то лишаются и довольствия, а если попытаются взять его силой, он пристрелит первого же сунувшегося к мешкам. Говоря это, ирландец откинул полу плаща и засунул большой палец за ремень рядом со своим кольтом. Скейт поупирался и повыступал немного, но потом уступил, и я счел случай благоприятным, чтобы напомнить эмигрантам: если у них есть намерение передумать, то ради бога. Никто не откликнулся, и мне сдается, они просто уповали на многочисленность отщепенцев и огневую мощь парней Скейта.

Они едва начали переправу, когда наша немногочисленная группа покатила дальше вдоль Арканзаса, и я поднялся на холм, дабы обозреть местность впереди. Как и всегда, насколько хватало глаз, перед нами простиралась всего лишь колышущаяся прерия с илисто-мутной полосой Арканзаса, обрамленной полоской тополей и ив. На всем огромном про-

странстве царила неподвижность: даже птиц не было видно. Я с тяжелым сердцем наблюдал, как наш маленький караван медленно полз по склону. Вот дилижанс Съюзи с извозчиком и сидящими сзади слугами; четыре фургона, в которых волов заменили мулами, и остальные четыре с упряжками из быков, все с возницами. Пологи на фургонах с девицами подняли, и в лучах восходящего солнца можно было видеть, как они благочинно сидят рядочками в своих чепчиках. Замыкали процессию две кареты Цинциннатского оздоровительного общества, с багажом, закрепленном на крышах; даже с расстояния в четверть мили было слышно, как их пассажиры обмениваются мнениями по поводу симптомов своих болезней.

Четыре дня двигались мы вверх по течению реки, не встретив ни одной живой души, я поверить не мог такой удаче. Потом пошел дождь. Это были потоки, которых вы даже представить себе не можете: настоящий водопад обрушился на тропу, превратив ее в жидкое месиво, из которого увязший фургон можно было вытащить только при помощи еще четырех упряжек. Мы старались держать повыше, и пробивались сквозь непогоду весь день, до позднего вечера, ослепнув от вспышек молний и оглохнув от грома. К ночи ливень прекратился, мы разбили лагерь в небольшой лощине и обсушились. Ярость бури сменилась мертвенным покоем – мы даже разговаривали в полголоса, – и ощущение создавалось такое, будто нечто невыносимо гнетущее разливается вокруг, даже воздух казался тяжелым. Было сыро и душно, ни дуновения, а тишина повисла такая, что уши закладывало.

Мы с Грэттеном, с настроением, что грязь на подошвах, курили у костра, как он вдруг вскочил и замер, повернув голову. Испуганно взвизгнув, я спрашиваю, что, черт побери, происходит? Вместо ответа он опрокинул кипящий котелок в огонь, подняв тучу искр и пара, а потом побежал от фургона к фургону, приглушенно командуя: «Потушить огни! Потушить огни!» Тем временем я, полуживой от страха, озирался вокруг. Грэттен вернулся, положил руку мне на плечо и прервал мои расспросы коротким: «Тихо! Прислушайтесь!»

Так я и поступил, но не разобрал ничего, кроме бурчания в своем желудке. Я напряг слух... и услышал. Звук был тихим, едва различимым даже, он больше походил на вибрацию в ночном воздухе. Я вздрогнул, представив себе всадников... Нет, это может быть бизон... Слишком ритмично для животного.... И тут во рту у меня пересохло, поскольку стало ясно, что это. Откуда-то из непроглядной темноты доносился слабый, но отчетливый рокот барабанов.

– Иисусе! – выдохнул я.

– Сомневаюсь, – прошептал Грэттен. – Скажите «Люцифер», это будет ближе к истине.

Он мотнул головой, и, не успев толком осознать, что делаю, я последовал за ним вверх по западному склону нашей лощины. Там находились небольшие заросли кустарника; мы нырнули в них и ползли до самого гребня, где раздвинули траву и стали смотреть. Темно было, как у черта за пазухой, но в нескольких милях впереди мы увидели пять или шесть мерцающих желтых точек – огни в лагере индейцев, расположенном, без сомнения, на берегу реки. А это означало, по здравом размышлении, что лагерь этот находится как раз на пути нашего следования.

Несколько минут мы смотрели молча, потом я произнес хриплым шепотом:

– Может, они мирные?

Грэттен ничего не ответил, что говорило само за себя.

Можете представить, как спалось нам той ночью. Мы с Грэттеном просидели на посту до рассвета, когда огни поблекли и вместо них появились столбы дыма. Они были милях в пяти, протянувшись вдоль реки. Судя по всему, лагерь был крупный, хотя с такого расстояния утверждать трудно.

О том, чтобы идти вперед, и речи не было. Оставалось залечь и надеяться, что они уйдут. И в самом деле, около полудня мы заметили, что вниз по реке, в нашем направлении, из лагеря потянулась темная лента. Грэттен выругался сквозь зубы, но делать было нечего,

только сидеть тихо и смотреть, как длинная колонна неотвратимо приближается к нам, минуя тополиную рощу. Индейцы находились уже в миле, и мне хотелось сквозь землю провалиться от страха, как вдруг голова колонны отвернула от реки, и я с проблеском надежды сообразил: наша лощина расположена в широкой излучине, и если они пойдут по прямой, то могут пройти мимо нас, пусть даже чертовски близко. Если им не придет в голову выслать вдоль берега разведчиков, то никто не догадается о нашем присутствии.

Мы сползли вниз и приказали погонщикам следить, чтобы животные не зашумели; главной бедой были инвалиды – этот бестолковый народ легко мог нарушить тишину, поэтому я дал им распоряжение забраться в экипажи и набрать в рот воды. Потом мы с Грэттенем снова вползли на гребень и стали смотреть.

Зрелище было ужасное, признаюсь вам. Голова колонны находилась в каких-нибудь трехстах ярдах, медленно продвигаясь мимо нашего убежища. Индейцы поднимали много шума, но пыли после дождя не было, поэтому видели мы все четко. Впереди ехали воины: одни с заплетенными в косы волосами и с цветастыми одеялами вокруг плеч; у других нижняя часть черепа была выбрита, а на макушке блестели пучки – то ли волос, то ли перьев, не знаю даже. За ними следовал не то вождь, не то шаман: почти голый, на лошади, закутанной в яркую попону, свисающую до самой земли, он сжимал в руке большой посох, похожий на пастушеский, украшенный лентами и перьями. За ним шли два человека с небольшими там-тамами, отбивая щекочущий нервы ритм. Потом опять воины, с перьями в волосах, с одеялами или без оных, только в набедренных повязках и леггинсах. Все они, насколько помнится, были щедро размазаны красной, черной и белой красками, и почти все ехали на мустангах. Зато за ними тянулась обычная беспорядочная масса из травуа, вячных животных, скота, собак, бредущих пешком детей и женщин – типичная индейская суeta и сумятица. Замыкал строй арьергард, ждать подхода которого пришлось, казалось, вечность – опять конные воины с луками и копьями. Когда они поравнялись с нами, я почувствовал, что снова могу дышать – все шло к тому, что мы выберемся!

Может, мысль эта моя пронзила пространство, не знаю, но внезапно один из всадников отвернул от прочих и повел мустанга по пологому склону прямо к нашему наблюдательному пункту. Ехал он рысью и держал прямиком на нас; мы, оцепенев, глядели на него. Тут рука Грэттена выскользнула из под туловища, и я увидел у него в кулаке нож. Я стукнул его по руке, и ирландец уставился на меня. Глаза у него были дикие, и я подумал: «Бог мой, Флэши, – не для одного тебя этот денек на равнинах выдался таким пугающим». Я отрицательно помотал головой: если дикарь заметит нас, можно попробовать договориться с индейцами, хотя, судя по тому, что мы видели, надеяться на это не стоило.

Индеец взлетел на холм, остановился и посмотрел туда, откуда они пришли, туда, где стоял лагерь. Я догадался, что он решил бросить прощальный взгляд. До него было шагов двадцать, и я прекрасно различал каждую деталь украшенного бизоньими рогами головного убора, расшитую набедренную повязку, усеянные бисером повязки над мокадинами, сверкающие от жира мускулистые члены. Он сжимал копье, руку прикрывал маленький круглый щит, а у пояса висела боевая дубинка. С добрую минуту созерцал он даль, а потом медленно поскакал прямо под нашим убежищем, ни разу не подняв взора. Дикарь остановился, чтобы убрать пучок травы, зацепившийся за ногу, и в этот миг какой-то идиот в лощине уронил сосуд. Послышался раскатистый грохот.

Голова индейца вскинулась, раскрашенное лицо обратилось прямо на наши кусты. Он выпрямился в седле, поворачивая голову из стороны в сторону, словно берущая след собака, посмотрел сначала вслед своим, потом снова на нас. «Уезжай, тупой красный ублюдок, убираться прочь, – молился я про себя, – это всего лишь котелок или ночной горшок одного из наших чертовых ипохондриков. Господи, просто удивительно, как еще он не услышал их пыхтения...» И в этот миг краснокожий тронул коня и порысил вслед уходящей колонне.

Мы ждали, не шелохнувшись, пока последний из них не скрылся из виду. И тут я сделал ужасное открытие: пока мы с Грэттеном, едва дыша, лежали в засаде, пока Сьюзи, закрыв глаза и кусая губы, сидела в дилижансе, трое из наших шлюх – Клеония, черная Афродита и еще одна, взобрались на гребень, чтобы полюбоваться зрелищем! Небось хихикали и обменивались замечаниями насчет самцов. И как их только не заметили?

Мы покидали те места в некоторой спешке. Вам не доводилось видеть бегущих галопом волов? Час спустя мы миновали усеянный дерьмом и мусором покинутый индейский лагерь. Казалось резонным предположение, что таких размеров шайка в ближайших окрестностях должна быть только одна. Я спросил Грэттена, кто они. Судя по ярким одеялам и шапками с бизоньими рогами, тот предположил, что это команчи, но без уверенности. Теперь, имея за плечами опыт общения с индейцами, я хочу сказать, что их труднее различать между собой, нежели полки зулусов или цивилизованных солдат – уж очень они переменчивы в отношении одежд и раскраски. Мне вспоминается Чарли Рейнольдс, один из лучших в мире скаутов. Тот рассказывал мне, как однажды опознал шайку арапахо, подобрав стрелу, которой те пытались попасть в него. Позже выяснилось, что это на самом деле были оглала-сиу, а стрелу они вытащили из трупа индейца кроу. Но это так, к слову. Не слишком утешило меня и замечание Грэттена, что команчи являются каннибалами.

Мы двинулись дальше, и к вечеру я учуял дым. Мигом спешившись, мы встали лагерь, не разводя костров, а поутру осторожно пошли дальше, пока не ощутили запах гари. Ошибки не было: чуть в стороне от тропы виднелись обгоревшие обломки фургона, от которых еще поднимался легкий дымок. Среди руин лежали тела трех белых: двух мужчин и женщины. Все они были утыканы стрелами, скальпированы и искромсаны. Грэттен зашел за фургон, послышалось проклятие. Я пошел взглянуть – и пожалел об этом. Там нашлись еще два тела, мужчины и девушки, хотя распознать их было не так-то просто: трупы уложили пластом и развели на них костры. Если бы тот индеец в бизоньей шапке проехал еще несколько ярдов, не миновать и нам такой же судьбы.

Наскоро закопав убитых, мы поспешили дальше. Как ни странно, счастливо избегнутая опасность придала нам бодрости, и когда после полудня мы миновали устье Пикетуайра⁸¹, впадавшего в Арканзас в каких-нибудь пятнадцати милях от форта Бент, раздались воодушевленные крики «ура». Кое-кто из саванеро выказали беспокойство по поводу того, что в такой близости от форта не наблюдается признаков жизни. По их словам, обычно здесь встречаются группы трапперов или торговцев, а на Пикетуайре любят разбивать стоянки мирные племена индейцев. Но Грэттен указал на то, что в свете появления такой многочисленной враждебной шайки напрасно было бы ожидать обычного оживления – народ, скорее всего, отсиживается за стенами Бента.

Нам всем не терпелось увидеть эту прославленную цитадель прерий, и той ночью Грэттен развлекал Сьюзи рассказами о ее чудесах. Послушать его, так это была прям Пикадилли в самом сердце Сахары.

– Вы будете поражены, мэм, – разглагольствовал он. – Вам ведь не приходилось видеть нормального здания от самого Вестпорта, не так ли? Так вот, завтра, после тысячемильной пустыни, перед вами предстанет настоящий замок в прерии, с башнями, бастионами и даже – с магазинами! Ей-богу, и там так же оживленно, как в Стивенс-Грин⁸². Завтра в это же время наш капитан будет катать шары в бильярдной, где официанты в белом разносят про-

⁸¹ Современный посетитель верховий Арканзаса будет втуне искать на карте название «Пикетуайр». Испанцы сначала называли эту реку Лас-Анимас, но после гибели неприкаянных первопроходцев этих мест ее нарекли более подходящим именем – Эль-Пургаторио («Чистилище»). Путешественники называли ее на французский манер – «Пургатуар», что в грубом наречии англосаксонских поселенцев стало звучать (и звучит до сих пор) как «Пикетуайр». На карте же она обозначена под своим французским именем. (Комментарии редактора рукописи).

⁸² Стивенс-Грин – главный городской парк в Дублине.

хладительные напитки, а вы после горячей ванны и лучшего ужина, который можно найти к западу от Сент-Луиса, будете отходить ко сну на самом настоящем матрасе! Вот посмотрите.

Мы тронулись с первыми лучами рассвета, обещавшего солнечный, погожий денек. Легкий ветерок играл листьями тополей, пока мы на полном ходу неслись вдоль реки. В полдень мы сделали привал, все шло прекрасно. «Еще час-другой, – думал я, – и мы оставим позади весь этот ужас и сможем подождать прихода другого каравана и двинуться на Санта-Фе вместе, и пусть какой-нибудь другой идиот тянет лямку начальника». Все пребывали в отличном расположении духа: Сьюзи смеялась, слушая рассказы Грэттена, скачущего рядом с дилижансом, потаскушки подняли пологи фургонов и трещали, как сороки, греясь на солнышке; даже инвалиды повылезли наружу, подбадривая друг друга репликами, что тут – клянусь Георгом – лучше даже, чем в Мэне. Проезжая мимо фургона Клеонии, я перехватил ее исполненный притворной скромности взгляд, и подумал: «Бент должен быть достаточно велик, чтобы в нем нашлось более удобное и укромное пристанище, нежели палатка в прерии». И в этот миг я заметил дым.

Это был одиночный клуб, всплывший в прозрачное небо над пологим холмом справа от нас. Пока я оцепенело таращился на него, на гребне появились четыре верховых индейца, которые начали спускаться по склону, приближаясь к нам. Грэттен выругался негромко и приставил ладонь козырьком к глазам. Потом повернулся к вознице дилижанса.

– Гони, быстро, но не слишком! Держитесь, капитан – этот дым означает, что другие опрометью мчатся сюда. Как видите, нас удостоили сигнала всего из одного клуба дыма – мы для них легкая добыча!⁸³ Надо удерживать этих четверых на расстоянии, пока не окажемся в виду Бента – до него осталось не больше пары миль!

Инстинкт подсказывал мне повернуться и скакать к нему во весь опор, но ирландец был прав. Четверо индейцев шли легким галопом, и мы вместе с Грэттенем устремились им на перехват. По мне струился холодный пот – вид этих бронзовых тел, размалеванных физиономий, перьев и сноровки, с какой они управлялись с мустангами и копьями, у любого вызвал бы кишечное расстройство. Они поехали почти параллельно нам, забирая только чуть-чуть ближе.

– Они не станут нападать, пока не подойдут остальные, – говорит Грэттен. – Глядите в оба, чтобы они не объехали нас и не напугали упряжных животных. А, ублюдки, это они и затеяли! Смотрите, капитан!

И точно, краснокожие уже приготовили одеяла. Их вожак, двигаясь параллельно с нами ярдах в двадцати, вскинул свое и закричал: «Торовать!», как я понял, это означало «торговать». Ну да, так я и поверил.

– Ответьте им, – сказал Грэттен, и я гаркнул: «Проваливайте!», подкрепляя слова жестами. Дикарь крикнул что-то в ответ, явно недовольный, потом слегка отворотил мустанга прочь. А потом, без всякого предупреждения, заложил резкий вираж, который его спутники повторили четко, как на параде, и понесся во весь опор к хвосту нашего каравана.

– Черт побери! – взревел Грэттен, и я едва не оглох, когда его кольт бабахнул прямо у меня под ухом. Один из индейцев выгнулся и с криком свалился, а когда конь вождя пролетал мимо меня, я упер ствол ему в шею и выпалил – в свалке нужно стрелять в цель, по которой наверняка не промахнешься – и мгновение спустя, пригнув голову и работая пятками, уже летел к фургонам.

⁸³ Индейские дымовые сигналы содержали код: одиночный клуб означал, что замечена группа чужаков; два клуба сообщали, что они хорошо вооружены и способны оказать сопротивление. Ньюджент-Хэр сделал верное умозаключение, что одиночный клуб дыма, сообщая находящимся поблизости воинам о незащищенном караване, предвещает скорую атаку. Его неотложной заботой было помешать индейским разведчикам приблизиться и напугать тягловый скот – так они могли задерживать караван до подхода главных сил. (*Комментарии редактора рукописи*).

Двое оставшихся краснокожих, улюлюкая, догнали замыкающую повозку и принялись размахивать одеялами. Я скомандовал возницам прибавить ходу, те защелкали кнутами, животные рванули вперед, и фургоны запрыгали в колеях. Грэттен выстрелил, но промахнулся, один из кучеров, зажав вожжи в зубах, тоже пальнул в божий свет, а потом оба индейца повернули и понеслись прочь.

Я подскакал к каравану, во все глаза глядя, откуда появится очередная опасность. Боже правый, долго ждать не пришлось: из-за гребня холма справа вынырнули и устремились к нам еще десятка два скотов. До них было фарлонга два, так как гребень уходил от реки, которая тем временем описывала большую петлю влево, так что, когда фургоны повернули, следуя ее течению, они одновременно стали удаляться от идущих на перехват преследователей. Но последним хватило бы и трех минут, чтобы нагнать гроыхающий караван.

Ехавший передо мной Грэттен, прямо из седла перемахнул через задний борт фургона, и ведущие вьючных мулов саванеро проделали ту же операцию, бросив своих подопечных брести куда глаза глядят. Двое краснокожих, размахивая одеялами, налетели на них, стараясь загнать беспризорных животных в промежутки между фургонами. Бухнула винтовка Грэттена, и один из индейцев упал. Другой попытался заскочить на фургон, но, видимо, не преуспел, так как, когда я подскакал поближе, он уже готов был признать свое поражение в схватке с колесом, производя при этом жутко много шума.

Саванеро тоже открыли огонь; Грэттен закричал мне, указывая вперед, и я был совершенно с ним согласен: где-то там находился Бент, и я готов был поставить сто против одного, что достигну финиша первым. Пока я мчался вдоль каравана, пальбу вели с полдюжины многозарядных винтовок – самый подходящий бортовой залп, если на хвосте у тебя два десятка размалеванных дьяволов. Они были уже в двух сотнях шагов от нашего правого фланга, вопили как проклятые и стреляли на скаку. Я поравнялся с первым из фургонов, и впереди оставались только обе инвалидские кареты и дилижанс Съюзи. Шлюхи в фургоне визжали и пытались спрятаться за бортами экипажа. Я увидел, как в дерево воткнулась стрела, еще одна просвистела над моей головой. «Самое время распрощаться с коняшкой и нырнуть в укрытие», – думаю я. И в этот момент скакун спотыкается и у меня осталась лишь доля секунды на то, чтобы высвободить ноги из стремян и прыгнуть, прежде чем скотинка рухнула.

Все-таки чудно, какие вещи иногда остаются в памяти. За миг до того, как земля и небо закружились и я с размаху шмякнулся оземь, взор мой выхватил седобородое лицо, прильнувшее к окошку ближайшего экипажа – человек преспокойно поправлял очки. Некогда было выяснять, сломал ли я что-нибудь во время падения – рядом с моим лицом промелькнули спицы колеса фургона. Мне удалось ухватиться за свисающую веревку и намотать ее на руку. Рывок был таким, что руку чуть не вырвало из плеча, я повис, скрючившись, пытаюсь зацепиться за борт. Послышался женский визг, нежные ручки схватили меня за воротник и плечи, и передняя часть моего туловища грузно перевалилась через борт, тогда как ноги, словно поршни, молотили воздух.

Станете вы после этого удивляться слабости, которую я питаю к девицам легкого поведения? Кое-как они втащили меня настолько, чтобы мне удалось уцепиться рукой за стойку, оставив ноги болтаться над задним бортом. Я собирал силы для рывка, и тут все мои спасительницы взвизгнули в унисон и подались назад, шурша кринолинами: словно из ниоткуда, вынырнул индеец с топориком в руке и ухватился за борт в ярде от меня.

Быть может, наступит день, когда я забуду это размалеванное, пернатое лицо и разинутый в вопле рот, да только сильно сомневаюсь. Я беспомощно висел, прерия пронеслась подо мной буквально в двух ярдах; индеец вскинул уже томагавк, но тут раздался вопль ярости и черная Афродита, да благословит ее Господь, бросилась на него со своей парасолькой. Дикарь крепко, как пиявка, вцепился в борт одной рукой, упорно намереваясь превратить меня в фарш другой, но эта славная, находчивая и прелестная жемчужина в короне африкан-

ских красавиц размахнулась и ткнула его наконечником зонта в живот. Краснокожий вскрикнул и покатился под копыта следующей за нами упряжки, а я окончательно перевалил через бортик и стал оглядываться в ожидании свежей порции неприятностей.

Кутерьма была страшная. Индейцы вытянулись вдоль каравана, стреляя из ружей и луков, саванеро отвечали залпом на залп. Однако самые отважные из краснокожих вроде парня, познакомившегося с гостеприимством Афродиты, скакали, свесившись для защиты от пуль на бок, между фургонами и пытались вывести из строя упряжки. Я видел, как падают люди и мустанги; над головой у меня прошуршала сквозь парусиновый тент стрела, а визг девиц предупредил меня о новой опасности. Это был маленький красный ублюдок в боевом головном уборе. Он поравнялся с передовым мулом следующего за нами фургона и ткнул животное копьём в бок. Бедная скотина заверещала и рухнула, увлекая за собой остальных. Фургон резко накренился, завис на мгновение и опрокинулся, усеяв всю дорогу ящиками с кларетом. Тут наш собственный фургон бешено дернулся и я, полетев вверх тормашками, ударился о боковой борт с такой силой, что дух вон.

Я кое-как поднялся, чтобы убедиться: пришла беда – отворяй ворота: на козлах сидел индеец, оспаривая право на вожжи с кучером. Пока они дрались, вожжи остались без присмотра, и было ясно как день, что, если не принять срочных мер, дело наше – табак. Я не сторонник подобных действий, но раз иного выхода нет, стал протискиваться сквозь толпу истерично вопящих шлюх, которых, как мне показалось, было штук пятьдесят – они путались под ногами, размахивали руками или бухались в обморок. Проложив себе дорогу к передку, я ухватил индейца за косы и дернул; возница пырнул его своим «боуи» и краснокожий со стоном скатился вниз. Я схватил вожжи и изо всех сил принялся одерживать мулов. Кучер перехватил управление, я смог поглядеть вперед и едва не рухнул от изумления.

Мы мчались по открытой прерии, следуя за тремя другими экипажами, а впереди перед нами открывалось самое прекрасное и невероятное зрелище, которое мне доводилось видеть. Это был, прямо как утверждал Грэттен, настоящий замок – с двумя большими круглыми башнями, мощными стенами, сложенными, по виду, из коричневого камня, откидным мостиком и звездно-полосатым флагом, реющим на ветру. Я закричал от удивления и радости, и тут до меня вдруг дошло, что выстрелы и кличи замирают вдали. Я оглянулся: по равнине растянулись пять фургонов – значит, два пропали, – а индейцы постепенно отставали от них, потрясая оружием и улюлюкая. Было видно, как несколько краснокожих окружили разбитый фургон, намереваясь, без сомнения, продегустировать кларет, как только вождь, первым отпив глоток, пустит чашу по кругу.

Дилижанс Съюзи направлялся к открытым воротам, и когда кареты инвалидов стали притормаживать, наш возница тоже натянул поводья, убавив аллюр почти до шага. Я спрыгнул на землю и стал разглядывать подъезжающие фургоны: у одного от парусинового верха шел дым, другой пьяно рыскал из-за соскочившей оси, но все хотя бы были целы, а Грэттен и два саванеро с ружьями в руках выполняли роль арьергарда.

Повозки въехали внутрь, и когда за ними последовал первый из фургонов, пассажирки которого громко стенали, за исключением Афродиты, истово молотившей по заднему борту огрызком зонта – видимо, ее еще не покинула ярость берсерка, – я поспешил к воротам. У меня сохранилось смутное воспоминание о просторном дворе, окруженном двухэтажными зданиями, потом я взбежал по ступенькам на парапет над главными воротами. Прямо вниз последние четыре фургона подъезжали к проходу, Грэттен, держа винтовку наперевес, помахал мне. Далее на четверть мили простиралась пустая прерия – до излучины реки, где около дюжины индейцев сновали туда-сюда, но к форту не приближались. Потом я, в совершенном изнеможении, осел по стене на пол. Плечо саднило и ныло после кувырка с лошади, на тыльной стороне ладони запеклась кровь – бог знает чья.

На лестнице раздались шаги и появился Грэттен, весь закопченный и улыбающийся.

– Чего изволите, сэр: орешков или сигару? – говорит он.

Я поднялся. Слышно было, как внизу затворяют тяжелые ворота, саванеро и возницы выражали свое облегчение смачными ругательствами, на дворе в беспорядке толпились фургоны, мулы и волы ревели и ржали, перекрывая вопли шлюх. Инвалиды, очумевшие и испуганные, вылезали наружу. Я разглядел Сюзи – ее лицо было бледным, а волосы всклокочены.

– Боже правый! – произносит вдруг Грэттен, и я вижу, как он в недоумении вертит головой. Я тоже стал смотреть: на обьятый суетой двор, на скопление фургонов и упряжек, на молчаливые дома, на большие круглые башни, на широкие переходы и парапеты, на развешивающийся над нашими головами «Олд Глори». И понял, почему, обычно сдержанный на язык, Грэттен выругался.

В форте Бент, кроме нас, не было ни одной живой души.

VII

Сейчас мне, конечно, известно, как так вышло – Уильям Бент был чокнутым и бросил свою чудесную крепость на произвол судьбы и на съедение жучкам-точильщикам – или какие там у них есть жуки, – но тогда загадка казалась совершенно неразрешимой. Вот мы здесь, испуганные и измученные, едва унесшие ноги от этих чертовых дикарей, бывшие на волосок от смерти, но место, которое мы ожидали увидеть полным народа, оказывается пустым, хотя флаг реет и ничего не тронут. Пока погонщики и саванеро расставляли охрану и ухаживали за животными, а остальные размещались на нижних этажах, готовя пищу и ухаживая за двумя или тремя нашими ранеными, мы с Грэттеном обрыскали весь форт от чердака до подвалов. И никого не нашли, разве мышей.

Но даже будучи покинутой, цитадель производила потрясающее впечатление.

По моим прикидкам, это был квадрат со стороной шагов в сто – точно утверждать не берусь, – с кирпичными стенами высотой двадцать футов и достаточно толстыми, чтобы выдержать любой таран. Имелись там две мощные башни типа мартелло⁸⁴, размещенные в противоположных углах. Вдоль северной стены шли два яруса строений с прохладными комнатами, напротив, через двор, располагались тенистые пассажи из магазинов и лавок. Внутри надворной башни находились помещения для караула и слуг с очагами и каминами, а в западном конце находились бочарная и плотницкая мастерские, кузница и склады. Крыши зданий образовывали широкий помост, идущий по внутреннему периметру стен; в западном конце на этом уровне располагался даже небольшой дом с крылечком, предназначенный для коменданта, а также – черт побери! – бильярдная, которую обещал мне Грэттен, а я все не верил. Шары, как ни в чем не бывало, лежали на столе. Я был настолько изумлен, что не удержался, взял кий и катнул красного. А ведь всего десять минут назад я болтался на бортике фургона, пытаюсь увернуться от томагавка!

– Не могу поверить, что это на самом деле! – воскликнул я, пока Грэттен, снова собрав шары, примеривался к кию – игрок он был никудышный. – И куда, черт возьми, все подевались?

Было в этом нечто зловещее – вещи на месте, не хватает только самих людей. Куда бы мы ни сунулись, все в полном порядке: обеденный салон с дубовой мебелью и столом, накрытым белоснежной скатертью, посудные шкафы ломятся от тарелок и бокалов, ведро для вина с бутылками бургундского урожая сорок второго года, галеты в бочке, кусочек сыра, затерявшийся в буфете, и портрет Эндрю Джексона⁸⁵ на стене.

Та же самая картина в лавке: и кузнечные инструменты на месте, и плотницкие принадлежности не тронуты; хранилища ломятся от шкур, бизоньих курток, одеял, гвоздей, свечей и всего, чего душе угодно, – нашлись даже сургуч и писчая бумага. Провизии на складах хватило бы на целую армию, так же как вина и спирта, в спальнях комнаты некоторые из кроватей остались незаправленными, на столе в домике коменданта стоял букет увядших цветов, а в нужнике сохранилась аккуратно разорванная на куски газета.

– Что бы тут ни произошло, – говорит Грэттен, – уходили они в дьявольской спешке.

– Но почему индейцы не разграбили форт?

– Они *не знали*. Похоже на то, что Бент, а может, и Сент-Врен были оставлены дня два назад. Не спрашивайте меня, почему. Инджины об этом не догадываются: смею предпо-

⁸⁴ Круглые башни, широко использовавшиеся в Англии для обороны берегов. Название пошло после взятия английскими моряками такой башни на мысе Мартелла на Корсике в 1794 г.

⁸⁵ Эндрю Джексон (1767–1845) – седьмой президент США (1829–1837).

жить, что преследовавшая нас шайка – единственная в округе, причем недавно прибывшая. Знай они, что тут пусто – не прекратили бы погоню за нами.

Звучало разумно, но наводило на тревожные мысли.

– Ты полагаешь... они могут вернуться? Индейцы, я имею в виду.

– Кто знает? Наших приятелей было не более тридцати, и около дюжины из них мы срезали. Может, подойдут другие, а может, и нет. Точно могу сказать одно: с учетом всех наших погонщиков и саванеро у нас полтора десятка стволов – а для нормальной обороны такого места нужно не менее полусотни. Поэтому нам остается надеяться на то, что наши краснокожие друзья не дождутся подкреплений.

Эти слова побудили меня снова подняться на стены, чтобы убедиться, исправно ли несут службу дозорные. Индейцы оставались на месте, у тополиной рощи, но новых сил заметно не было. Ночь обещала быть лунной, врасплох в темноте нас не возьмут. Я пораскинул мозгами: мы внутри – это уже хорошо; есть шансы, что какой-нибудь караван или партия торговцев появятся прежде, чем индейцы усилятся и нам тут станет жарковато. Хм, выражение может оказаться не столь уж фигуральным, если на то пошло.

Тем временем мы подошли к резиденции. Стало слышно, как Съюзи выражает свое удовольствие удобствами, а шлюхи – энтузиазм своим размещением. Они принялись стирать одежду и весело щебетать на хорошо обустроенной кухне, где наша черная кухарка гремела кастрюлями. Мне стало лучше. Мы не воспользовались просторным корралем за стенами, разместив животных на площадке для фургонов на главной площади. Возницы мигом развели огонь и принялись шарить по кладовым; слышались смех и пение, наполняя пустынное пространство веселым эхом. Инвалиды дышали воздухом на стенах, а один четырехглазый идиот даже предложил совершить променад до реки. Я разубедил его, заметив, что местные жители в такое время без топоров из дому не выходят. И знаете, он жутко удивился: мне сдается, что гнавшихся за нами мерзавцев этот простофиля принял за назойливых коммивояжеров, пытавшихся сбыть нам бисер и горшки.

Расположившись в столовой, с парой девиц в качестве прислуги, мы отведали лучший за многие месяцы горячий обед, завершив его вполне приличным портвейном и сигарами. В свой караул ночью я заступал лишь с умеренными опасениями: индейцы не показывались, залитая лунным светом прерия была пуста, насколько хватало глаз, а к заунывному вою койотов я уже попривык. Сменился я перед рассветом, чувствуя себя совсем не плохо: как уютно и радостно было наблюдать, как мирно похрапывает при свете ночника Съюзи, выставив из-под оборок одну из своих прелестных грудей. Я возился, пока не разбудил ее, после чего мы сплелись в объятиях, отмечая первую ночь в настоящей постели после номера в отеле «Плантатор». Как здорово было сидеть после и потягивать пунш, озирая высокие беленые стены, сознавая, что они имеют шесть футов в толщину, что наверху бдительные часовые, и индейцы могут рыскать вокруг сколько их душеньке угодно.

Этим они, кстати, и занялись на следующее утро. Видимо, в течение ночи к ним пришло пополнение, поскольку я насчитал десятков шесть этих скотов. Держась за дистанцией выстрела, они кружились на своих мустангах, улюлюкая и пыша энтузиазмом. Я согнал всех свободных людей на восточный парапет над воротами. При наших многозарядных винтовках и револьверах вкупе с высокими стенами мы могли чувствовать себя спокойно, пока индейцы не соберут народу побольше, нежели теперь. Я сообщил свои умозаключения Грэттену, и тот отправился в оружейную, расположенную в одной из башен, в надежде разжиться еще чем-нибудь.

Мгновение спустя раздался выстрел – индейцы решили немного взбодрить нас. Они двинулись в атаку, развернувшись, как хорошая легкая кавалерия и пуская на ходу стрелы и пули, но явно намеревались просто прощупать нашу оборону. Я отрядил только троих, и мы подстрелили мустанга под одним из нападающих. Оставшись без лошади, тот при-

нялся скакать и глумиться, демонстрируя нам свой зад, а остальные удалились на совещание. Речь перед ними держал военный вождь в боевом головном уборе. Вот он вскидывает копье, издает клич, и вся орда, завывая, как демоны, устремляется, держась стремя в стремя, прямо к воротам.

– Не стрелять! – ору я. – Ждать приказа!

И только я вознамерился отдать его, как хитрые ублюдки разом приняли в стороны, обтекая форт по периметру. Нам оставалось последовать их примеру. Мне пришлось отправить три четверти наличных сил на остальные парапеты. Но даже при такой рассредоточенности нам удавалось обеспечить достаточную плотность огня, чтобы держать их на дистанции. Последовала оживленная, бесполезная перестрелка: индейцы метались туда-сюда, наши ребята палили по ним из укрытия и свалили одного или двоих. Тем временем вождь с помощниками – прям генерал со штабом – разъезжал вокруг, высматривая наиболее удобное для решительного штурма место. Я упражнялся со своей кольтовской винтовкой, стараясь снять его дальним выстрелом, и поругивался. Тут вернулся Грэттен. Как раз в этот миг над нами просвистела горящая стрела и вонзилась, сильно дымя, в парапет. Один из погонщиков вытащил ее, и это послужило прологом к рассказу Грэттена.

– Готовы услышать плохие вести? – спрашивает ирландец, и хотя он старался придать голосу бодрость, в глазах его сверкал дикий огонек. – Потому как у меня есть одна такая, ей-богу! Эта оружейная в северо-западной башне, да-да, там... Так вот, какой-то смышленный малый отсыпал там пороховую дорожку к магазинам – а пороха там столько, что любой артиллерист заплясал бы чечетку, – и в нее воткнут погасший фитиль! Мало того, в противоположной башне восемьдесят бочонков зернистого, и к ним тоже пороховая дорожка идет! А это значит, – продолжает он, и пот на его лице выступил вовсе не от жары или подъема по лестнице, – что оставивший сей форт намеревался разнести его по камешкам, и преуспел бы, если бы фитиль не подвел!

При этих словах, как вы понимаете, я позабыл про стрельбу и слушал парня, оцепенев от страха.

– Вы понимаете, к чему я, капитан? Мы сидим на огромной пороховой бочке, и одной искры достаточно, чтобы отправить нас прямоиком на тот свет!

В сей век унитарных патронов и снарядов, любезные мои читатели, вам, может статься, не вполне ясен термин «пороховая дорожка». Опытные саперы делали ее следующим образом: протыкали шилом картуз с порохом, после чего быстро тащили картуз, оставляя за собой тонкую, как карандашная линия, полоску пороха, идущую к тому месту, где был заряд, который предстояло взорвать. В случае с фортом Бент оный, как я уяснил, состоял из нескольких тонн отличного пороха. Точно такая же конфетка была оставлена во второй башне – для пущей надежности, надо полагать. У начала дорожки вы ставите фитиль, отмерив достаточно, чтобы к тому времени, как начнется Пятое ноября⁸⁶, можно было скрыться за линией горизонта. Дорожку эту трудно заметить даже при свете дня, поскольку это, по сути, тоненькая струйка пыли, да и в башни мы с Грэттенем едва заглянули, и тем более нам в голову не пришло высматривать рассыпанный порох. Но он лежал и ждал малейшей искры – а недружелюбно настроенные индейцы как раз начали метать зажигательные стрелы.

– Что посоветуете? – спросил я.

Он пожал плечами, и между нами разгорелась оживленная дискуссия, результатом которой стала одна из самых чокнутых идей, о которых мне доводилось слышать. Первой моей мыслью было перемахнуть через стену, но принимая во внимание, что штаб-квартира

⁸⁶ В ночь на 5 ноября 1605 г. группа католиков-заговорщиков, в числе коих был некий Гай Фокс, попыталась взорвать Лондонский парламент. В Великобритании в эту ночь отныне празднуют годовщину провала Порохового заговора (Ночь Гая Фокса) – пускают фейерверки, сжигают чучело Гая Фокса. Иногда, в шутку, за Гая Фокса поднимают бокал со словами: «За последнего человека, вошедшего в парламент с честными намерениями».

Общества парикмахеров-садистов Верхнего Арканзаса расположилась в непосредственной близости от нас, это было бы неосмотрительно. Поэтому, когда Грэттен предложил подрядить шлюх на аккуратную уборку пороховых дорожек, я имел глупость согласиться. Видно, ирландец перепугался не меньше меня, поскольку успел выстроить шестерых в линию перед северо-западной башней, прежде чем весь самоубийственный идиотизм затеи стал очевиден для меня. Рассыпной порох, штука не менее чреватая, чем холерная бацилла – неосторожного движения ноги достаточно, чтобы запалить его, и – представив, как эти безмозглые создания шаркают там на своих каблуках, я слетел с парашюта, как ужаленный хорек.

– Стойте! – заорал я. – Воды! Несите воды! Можно же залить дорожки!

– Без толку – остается целый пороховой магазин, да и той кучи бочонков вполне достаточно, чтобы по воздуху доставить нас в Мексику! – отвечает Грэттен. – У нас воды не хватит все залить.

В этот момент еще одна горящая стрела влетела во двор и впиалась, шипя, в дилижанс Сьюзи. Клеония взвизгнула, и девицы, подобрав юбки, кинулись врассыпную. От страха и злости я едва все волосы на голове не выдрал.

– Инвалидов сюда! – скомандовал я. – Ведра с водой! Расставь доходяг по двору с ведрами, а девки пусть образуют цепь от источника! Всех остальных – на парашют. И поскорее, бога ради! И пригляди, чтоб двери в башни были заперты и облиты водой!

Больше сделать ничего было нельзя: инвалидам и девушкам предстояло немедленно заливать любой зажигательный снаряд – мины находились за толстыми стенами, и если только не начнется настоящий пожар, бояться их не стоило. А отразив натиск наших пернатых друзей, мы сможем спокойно разобраться с пороховыми дорожками и бочонками. Пока же стоило вернуться на стену и попытаться вразумить осаждающих.

Последние, впрочем, коснели во грехе и небрежении и организовали решительный штурм западной стены со стороны корраля, но саванеро уже пристрелялись, доказательством чему служили с полдюжины размалеванных тел, оставшихся под стеной. Наши парни обнаружили, что лучшими точками для огня являются башни, с которых можно было анфиладно простреливать сразу две стены. В любом случае мы несколько проредили нападающих, а подкреплений не наблюдалось – всего их оставалось человек пятьдесят, по большей части на северном фесе, где не было настоящих укреплений, только стены спальных комнат с не обнесенными парашютом плоскими крышами. Насколько я мог судить, у нас еще никто не был даже ранен.

И вдруг они снова пошли в атаку, да так лихо, что сам Одиннадцатый гусарский не смог бы лучше. Двигаясь поодиночке или небольшими группами вдоль северной и восточной стен, они в последний миг соединились у северо-восточного угла, где находились окна верхнего этажа и дистанция для нас оказывалась наибольшей. Мы палили со стены как могли, некоторые саванеро даже высывались из-за укрытия, ибо, ворвись хоть один красный ублюдок внутрь, нам крышка – у нас не хватало людей, чтобы выкуривать их из форта. Индейцы достигли стены и, вставая на спины мустангов, стали подпрыгивать в надежде уцепиться за подоконники. Мы стреляли как могли, но для перезарядки револьверных винтовок Кольта требуется время, и, не дрогнув наши друзья, им, полагаю, вполне удалось бы пробраться внутрь. Они с воем отошли, бросив под стеной убитых и умирающих, а в следующий миг тревожные крики со двора заставили нас обратиться к еще более страшной опасности.

Пока мы были заняты на стене, через нее перелетело несколько горящих стрел, живо потушенных инвалидами, развившими во дворе бурную деятельность. Они отдавали друг другу резкие команды и расхаживали по форту, важные, что твой Нельсон на шканцах. Но стрелявшие из корраля лучники ухитрились воткнуть пару зажигательных снарядов в крышу конюшни у западной стены; тростниковая кровля вспыхнула со страшным треском, не хуже

муслиновой занавески! Горела она всего несколько минут, но искры, видно, залетели на крышу бильярдной, которая занялась, и инвалиды забили отступление, требуя еще воды.

Отважась в этот миг индейцы на отчаянный приступ, с нами было бы покончено. Но они по-прежнему кружили на расстоянии, улюлюкая, явно предоставляя огню до поры делать работу за них. В итоге мы получили передышку, и я, трясясь от ужаса, принялся отдавать беспорядочные распоряжения. Девушки с ведрами бежали от источника к западной лестнице, но я с первого взгляда сообразил, что крыша бильярдной обречена и что пламя с нее грозит перекинуться на весь западный конец форта, пожирая деревянные балки, к которым лепились стены из сырцового кирпича. Дальше огонь будет распространяться беспрепятственно, пока не достигнет северо-западной башни с тоннами пороха внутри. Взрыв разнесет все вокруг, от детонации сработает и другая мина – хотя нам будет уже без разницы. Мы или разлетимся на атомы и или будем поджариваться среди обгоревших руин.

В такие минуты, когда надежда мертва и негде спрятаться, достойно удивления, насколько ясно начинает работать твой рассудок, и в холодном сиянии непререкаемой логики ты понимаешь, что остается только одно – драпать без оглядки. По счастью, минут за десять до меня эта мысль посетила другого человека, и человеком этим был Грэттен Ньюджент-Хэр, бывший унтер-офицер «Цепочечного» Десятого и американский драгун. В короткий промежуток между организацией бригады с ведрами и атакой индейцев на северо-восточный угол он отослал всех свободных саванеро и погонщиков на стоянку за лавками у южной стены с приказом запрячь мулов в три повозки и пару фургонов.

Когда я летел с северо-западной башни, он встретил меня на лестнице и кивнул, указывая на пожар, охватывающий западную крышу. Жар стоял, как в печке.

– Надо убираться! – закричал он. – У нас минут десять до того, как рванет вон та башня. Если открыть ворота, можно еще выскочить отсюда вместе с фургонами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.